

По благословению
епископа Тираспольского и Дубоссарского
ЮСТИНИАНА

Марина Кравцова

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ НА ПРИМЕРЕ
СВЯТЫХ
ЦАРСТВЕННЫХ МУЧЕНИКОВ

БЛАГО
МОСКВА • 2003

Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства.

*Император Александр III —
сыну Николаю*

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1	5
НАЧАЛО СЕМЬИ – ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ	5
Жених и невеста	5
Рецепты семейного счастья	6
Муж — глава семьи	7
Истинная любовь не проходит	9
Глава 2	
ОТЕЦ	10
Отец — господин	10
Каким он был?	11
Человек сильной воли	12
Нравственность и мораль	13
Глава 3	
МАТЬ	14
Мать — главное служение	14
Мать-христианка	15
Пример терпения	16
Нравственный облик императрицы в воспоминаниях современников	17
Глава 4	
БРАТЬЯ И СЕСТРЫ	19
Глава 5	
МОЛИТВА — ОСНОВА МАЛОЙ ЦЕРКВИ	20
О религиозном воспитании	20
Жизнь в храме Божиим	21
Любовь ко Христу и во Христе	22
Глава 6	
ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ	24
Видеть в каждом человека...	24
Знакомство с жизнью	25
Отцы и дети	27
«Наполните любовью свои дни»	27

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава 7	
СВОБОДА И ПОСЛУШАНИЕ	28
Глава 8	
УКЛАД ЖИЗНИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ	30
Распорядок дня	30
Благотворительность	31
Образование	33
Развлечения	34
Глава 9	
ВОСПИТАНИЕ ДОЧЕРЕЙ	35
Истинная женственность — в чистоте	35
Великая княжна Ольга Николаевна — образец истинной женской красоты	37
Великая княжна Татьяна Николаевна. Общественное служение женщины	41
Великая княжна Мария Николаевна. Тип русской жены и матери	45
Великая княжна Анастасия Николаевна — «сорванец» и утешительница	48
Глава 10	
ВОСПИТАНИЕ СЫНА	50
Воспитание уважения к женщине	50
Чувство товарищества	50
Воспитание воли	51
Право на риск	52
Наследник	55
Глава 11	
ПАТРИОТИЗМ СВЯТОГО СЕМЕЙСТВА	57
Глава 12	
В БОЛЕЗНИ И СКОРБИ...	60
Маленький страдалец	60
Царский друг	61
В заключении	62
Утешение	65

Выйдем просто побродить по улицам. Приглядимся к встречным людям, понаблюдаем за ними. Верно замечено многими: не так уж часто, как раньше, встретим мы сейчас женщин с колясками, с маленькими детьми. И как прекрасно в хороший летний вечер, располагающий к прогулкам, смотреть на розовощеких малышей, мелко переступающих маленькими ножками, крепко держащихся за мамину, реже папину руку. Но, порадовавшись в первую минуту, приглядимся повнимательнее. И может быть, картинка уже не покажется столь умирительной.

Крохотная девочка влезла в лужу. Рот — до ушей. Но тут же коршуном налетает па нее мама и начинает кричать так, словно перед ней — злейший враг:

— Сколько раз я тебе говорила: не смей! Непослушная! Посмотри, ты опять выпачкалась. Все делаешь наперекор старшим!

И мама, заходясь в истерике, несколько раз шлепает дочь.

Не успеешь пройти несколько шагов — другая картинка. Малыш примерно трех годков изо всех сил тянет за хвост кошку. Животное в ответ угрожающе шипит.

— Что ты, миленький, что ты! — слышится испуганный бабушкин голос. — Не трогай, киса плохая, киса укусить может!

И ни слова о том, что кисе-то, наверное, больно, что нельзя обижать никого, в том числе и кошку.

Проходит мимо семья. Ребенок заходится в реве: и это ему не так, и то не эдак. Звуки, вырывающиеся из маленького человечка, просто ужасают интонациями себялюбивой злобы. Мама и папа, совсем молодые, смущены тем, что все на улице наблюдают истерику сына, но все их усилия утихомирить разбушевавшееся чадо весьма напоминают робкие попытки провинившихся рабов утихомирить гнев владыки.

Уродство отношений... Конечно, родители не хотят уродовать души детей, но... Часто вспоминаются слова психолога Валерия Ильина: «Редко можно найти такую семью, где родители не калечат своих детей. Безусловно, несознательно. Просто потому, что в свое время их родители не научили по-другому».

Да, не могли родители родителей научить по-другому, потому что традиция доброго воспитания прервалась, когда несчастное русское общество сорвалось в пропасть безбожия.

Отношения, не основанные на заповедях Христа, рано или поздно извращаются, неся в себе болезненное начало. И если сами родители от этого заболевают по-настоящему (неврозы, сердечно-сосудистые расстройства), что же говорить о детях?! Среди родительских ошибок, которые могут стоить ребенку здоровья, не позволят ему адаптироваться в обществе, называют:

- недостаточное проявление любви к ребенку,
- применение угроз и физических наказаний,
- несоответствие самих родителей своим моральным требованиям,
- излишнюю опеку,
- беспокойство, панику по любому поводу,
- эмоциональное неприятие каких-то черт характера ребенка, его чувств и желаний,
- неприятие пола ребенка, его внешности,
- непонимание своеобразия личностного развития ребенка,
- чрезмерные требования к детям,
- чередование гнева, жестоких наказаний с заласкиванием,
- попустительство всем прихотям и капризам ребенка,
- несогласованность действий между родителями,
- ссоры между родителями,
- предпочтение одного ребенка другому,
- диктат,
- эмоциональную глухоту,
- отсутствие последовательности и разумности требований.

И к сожалению, этот перечень далеко не полный.

Понаблюдав на улице живые подтверждения этим грустным выводам, приходишь домой в невеселых раздумьях. И открываешь книгу о жизни царственных мучеников с фотографиями.

От удивительных, прекрасных, светлых лиц исходят любовь и умиротворение, они вливают в душу успокоение. Святые царственные мученики — Семья. Воистину «семь Я» — полнота.

Все происходит по Божью Промыслу. Не случайно на стыке двух эпох, когда бесы людской злобы вышли из преисподней черных душ, когда Удерживающий был взят и убит, — не случайно именно этот образец святости предстал пред всеми незадолго до конца старого мира как образец святости семейной. Словно предупреждение, что главный бесовский удар обрушится на

русскую семью. От безумных рассуждений — к разрушительным действиям — и вот уже семья, как созидающая государство ценность, сброшена с пьедестала. Теперь она кажется чем-то отжившим, ненужным, неглавным, бесполезным.

Тягу к созданию родного очага не уничтожит ничто в человеческой душе, но как извратилось само это понятие в наши дни! Примеров приводить не будем — об этом может рассказать, наверное, каждый. Мы приведем пример от обратного: что есть родной очаг, какой должна быть семья.

Когда люди говорят про святого царя Николая, что он якобы не был хорошим правителем, будучи лишь семьянином, им почему-то не приходит в голову, что настоящий христианин, будучи замечательным семьянином, не может, если он на то поставлен, быть плохим правителем. Если человек не может навести порядок в семье, как наведет он порядок в государстве? Если же он глава семьи в христианском понимании этого слова, то множеством детей — своих подданных он будет управлять разумно. Увы, из рода Романовых семья государя Николая Александровича выделялась так, как сияет яркая звезда на темном небе. У многих родственников царя Николая, обвинявших его в слабости и неумении управлять страной, в семейных делах все обстояло не слишком-то хорошо, порой доходя до открытой распущенности. Про семью же государя вспоминали так: «В наш век ослабления нравственных и семейных основ августейшая чета давала пример идеала христианской, семейной, супружеской любви, предпочитая проводить минуты отдыха в семейном кругу» (Инок Серафим (Кузнецов). «Православный царь-мученик»).

«Какой пример, если бы только о нем знали, давала эта столь достойная семейная жизнь, полная такой нежности! Но как мало людей о ней подозревали! Правда, что эта семья была слишком равнодушна к общественному мнению и укрывалась от посторонних взоров» (воспитатель наследника Пьер Жильяр).

Охранник Якимов на вопрос о том, почему он пошел караулить арестованную царскую семью, отвечал: «Я не видел в этом тогда ничего худого. Как я уже говорил, я все-таки читал разные книги. Читал я книги партийные и разбирался в партиях... Я был по убеждениям более близок большевикам, но и я не верил в то, что большевикам удастся установить настоящую, правильную жизнь их путями, то есть насильем. Мне думалось и сейчас думается, что хорошая, справедливая жизнь, когда не будет таких богатых и таких бедных, как сейчас, наступит только тогда, когда весь народ путем просвещения поймет, что теперешняя жизнь ненастоящая. Царя я считал первым капиталистом, который всегда будет держать руку капиталистов, а не рабочих. Поэтому я не хотел царя и думал, что его надо держать под стражей, вообще в заключении для охраны революции, но до тех пор, пока народ его не рассудит и не поступит

с ним по его делам: был он плох и виноват перед Родиной или нет. И если бы я знал, что его убьют так, как его убили, я бы ни за что не пошел его охранять. Его, по моему мнению, могла судить только вся Россия, потому что он был царь всей России. А такое дело, какое случилось, я считаю делом нехорошим, несправедливым и жестоким. Убийство же всех остальных из его семьи еще и того хуже. За что же убиты были его дети?.. Я никогда, ни одного раза не говорил ни с царем, ни с кем-либо из его семьи. Я с ними только встречался. Встречи были молчаливые...

Однако эти молчаливые встречи с ними не прошли для меня бесследно. У меня создалось в душе впечатление от них ото всех... От моих мыслей прежних про царя, с какими я шел в охрану, ничего не осталось. Как я их своими глазами поглядел несколько раз, я стал душой к ним относиться совсем по-другому: мне стало их жалко...»

А вот еще несколько воспоминаний.

Полковник Кобылинский: «Про всю августейшую семью в целом я могу сказать, что все они любили друг друга и жизнь в своей семье всех их духовно так удовлетворяла, что они иного общения не требовали и не искали. Такой удивительно дружной, любящей семьи я никогда в жизни не встречал и, думаю, в своей жизни уже больше никогда не увижу».

И. Степанов: «Трогательна была их любовь (детей. — М.К.) и прямо обожание родителей и взаимная дружба. Никогда не видел такого согласия в столь многочисленной семье. Прогулка с государем или совместное чтение считались праздничным событием».

Алексей Волков, камердинер императрицы: «Я не умею рассказать про характеры царской семьи, потому что я человек неученый, но я скажу, как могу. Я скажу про них просто: это была самая святая и чистая семья».

Глава 1

НАЧАЛО СЕМЬИ – ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ

Жених и невеста

Не нужно доказывать простую истину: чтобы дети получили хорошее воспитание, воспитать себя должны прежде всего сами родители. Создание

семьи, вступление в брак, мотивы, причины и настроения, с которыми мужчина и женщина создают семью, могут иметь существенное влияние на будущее потомство, так как изначально определяют отношения между мужем и женой. Здесь нужно обратить внимание на распространенный миф, будто бы между христианами не должно быть браков по любви, так как якобы за этой любовью не стоит ничего, кроме блудных побуждений. Странно, что даже некоторые священники ставят знак равенства между словами «блуд» и «любовь». Любовь — это основа основ всех человеческих отношений, на которой и должно возводиться здание малой Церкви — семьи.

Наследник державы Российской цесаревич Николай и принцесса Алиса Гессенская полюбили друг друга совсем в юном возрасте, что в наши дни многими могло бы быть воспринято как нечто недопустимое, в лучшем случае несерьезное. Однако этой любви надлежало не только состояться и продлиться много-много долгих лет, но и увенчаться удивительным, страшным и в то же время прекрасным концом. Николай и Алиса имели возможность испытать свои чувства и убедиться в их крепости: ждать брака им пришлось несколько лет. К сожалению, очень многие молодые люди не имеют ни сил, ни терпения проверить свои чувства, и порой увлеченность, легкая влюбленность действительно принимаются за серьезные чувства. Не так было у этой необыкновенной четы.

В книге «Император Николай II как человек сильной воли» мы читаем: «Первое серьезное испытание силы воли наследнику цесаревичу Николаю Александровичу пришлось выдержать в связи с его женитьбой, когда благодаря своей упорной настойчивости, выдержке и терпению он успешно преодолел три, казалось бы, неустранимых препятствия. Еще в 1884 году, когда ему было всего шестнадцать лет, он впервые встретился с двенадцатилетней поразительно красивой принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской, приехавшей на бракосочетание своей старшей сестры великой княжны Елизаветы Феодоровны с великим князем Сергеем Александровичем — дядей наследника цесаревича. С этого момента между ними зародилась близкая дружба, а затем святая, беззаветная, самоотверженная и все возрастающая любовь, соединившая их жизни до совместного принятия мученических венцов. Такие браки — редкий дар Божий даже среди простых смертных, а среди коронованных особ, где браки совершаются главным образом по политическим соображениям, а не по любви, это явление исключительное. В 1889 году, когда наследнику цесаревичу исполнился двадцать один год и он достиг, согласно русским законам, совершеннолетия, он обратился к родителям с просьбой благословить его на брак с принцессой Алисой. Ответ императора Александра III был краток: “Ты очень молод, для женитьбы еще есть время, и, кроме того, запомни следующее: ты — наследник Российского престола, ты обручен

России, а жену мы еще успеем найти”. Перед волей отца — тяжелой, неуклонной, — что сказано, то есть закон; великий князь Николай Александрович на время безропотно смирился и стал ждать, Через полтора года после этого разговора он записал в свой дневник: “Все в воле Божией. Уповаю на Его милосердие, я спокойно и покорно смотрю на будущее”.

Со стороны семьи принцессы Алисы их брачные планы тоже не встречали сочувствия. Так как она потеряла мать, когда ей было только шесть лет, а отца — в восемнадцать, ее воспитанием в основном занималась бабушка со стороны матери — английская королева Виктория. Эта столь прославляемая в англосаксонском мире королева в течение многих десятилетий своего 64-летнего царствования (1837-1901) проводила крайне неблагоприятную внешнюю политику, построенную на коварных, хитросплетенных интригах, направленных главным образом против России. Особенно не любила королева Виктория русских императоров Александра II и Александра III, которые, в свою очередь, отвечали ей презрительной неприязнью. Немудрено, что при таких недружелюбных отношениях между русским и английским дворами наследник цесаревич Николай Александрович не мог встретить поддержки со стороны бабушки принцессы Алисы.

Прошло пять лет с того дня, когда цесаревич Николай Александрович обратился к своему августейшему отцу с просьбой разрешить ему жениться на принцессе Алисе. Ранней весной 1894 года, видя непоколебимое решение своего сына, его терпение и кроткую покорность родительской воле, император Александр III и императрица Мария Феодоровна дали наконец свое благословение на брак. Одновременно в Англии принцесса Алиса, потерявшая к этому времени отца (умер в 1890 году), получила благословение от королевы Виктории. Осталось последнее препятствие: перемена религии и принятие августейшей невестой святого Православия».

Можно утверждать, что с самого начала этот брак должен был складываться счастливо, так как и жених и невеста превыше собственных чувств ставили любовь к Богу и угождение Ему. Николай Александрович понимал, что перемена религии принцессой Алисой не просто устранит последнее препятствие к венчанию, но и послужит к спасению души любимой им женщины, поэтому приложил все усилия, чтобы раскрыть перед невестой духовную полноту и красоту православной веры. Цесаревичу это удалось, о чем он рассказал в письме своей августейшей матери: «...она плакала все время и только от времени до времени произносила шепотом: “Нет, я не могу”. Я, однако, продолжал настаивать и повторять свои доводы, и, хотя этот разговор длился два часа, он не привел ни к чему, потому что ни она, ни я не уступали. Я передал ей Ваше письмо, и после этого она уже не могла спорить... Что касается меня, то в течение этих трех дней я все время находился в самом

тревожном состоянии... Сегодня утром нас оставили одних, и тут с первых же слов она согласилась. Одному Богу известно, что произошло со мной.

Я плакал, как ребенок, и она — тоже. Но лицо ее выражало полное довольство».

В этом же письме цесаревич написал строки, которые можно считать добрым советом, обращенным ко всем нам: «Спаситель сказал нам: “Все, что ты просишь у Бога, даст тебе Бог”. Слова эти бесконечно мне дороги, потому что в течение пяти лет я молился ими, повторяя их каждую ночь, умоляя Его облегчить Аликс переход в православную веру и дать мне ее в жены...»

Молился каждую ночь в течение пяти лет! И еще раз перечтем: «Все в воле Божией. Уповаю на Его милосердие, я спокойно и покорно смотрю на будущее».

Эти слова подобны девизу всей жизни Николая Александровича. Их необходимо постоянно повторять людям, готовящимся к вступлению в брак. Искать спутника жизни с молитвой (очень хорошо бы именно к царственным мученикам), по склонности сердца, полагаясь на волю Божию и не унывая, если Господь не сразу дает просимое, — вот чего хотелось бы пожелать всем, кто мечтает создать крепкую семью, в которой царил бы любовь.

Рецепты семейного счастья

Но любовь может и ослабеть, если в человеческих душах возобладает эгоизм. В царской семье этого не произошло. В этой удивительной семье действовали слова Священного Писания: «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему... Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2; 18, 24).

«Брак — это божественный обряд. Он был частью замысла Божия, когда Тот создавал человека, — читаем мы дневниковые записи государыни-мученицы Александры Феодоровны. — Это самая тесная и самая святая связь на земле... Без благословения Бога, без освящения Им брака все поздравления и добрые пожелания друзей будут пустым звуком. Без Его ежедневного благословения семейной жизни даже самая нежная и истинная любовь не сумеет дать все, что нужно, жаждущему сердцу. Без благословения Неба вся красота, радость, ценность семейной жизни в любой момент могут быть разрушены».

Семья была для императрицы самым важным. Она, конечно, не предполагала, что наступит время, когда люди будут разводиться едва ли не

после месяца совместной жизни из-за любого пустяка, но уже и тогда к разводам начинали привыкать, хотя они и не были делом легко достижимым. Не миновало поветрие разводов и родственников императора. Николай Александрович очень переживал, например, из-за распада брака своей младшей сестры, великой княгини Ольги Александровны.

Его супруга императрица Александра Феодоровна с грустью наблюдала, как люди вступают в брак или сватают детей, руководствуясь корыстью, легкомысленным увлечением, какими-то выгодами и прочими побудительными мотивами, далекими от христианского понимания брака. Она видела, что даже семьи, созданные по любви, рушатся из-за неумения потерпеть слабости второй половины, понести, по словам апостола, тяготы друг друга, и, наверное, предполагала, что вскоре станет совсем «просто»: не сошлись характерами — и нет семьи, и неважно, что страдают дети.

Государыня наблюдала, размышляла и записывала: «По вине тех, кто поженится, одного или обоих, жизнь в браке может стать несчастьем. Возможность в браке быть счастливым очень велика, но нельзя забывать и возможности его краха. Только правильная и мудрая жизнь в браке поможет достичь идеальных супружеских отношений.

Первый урок, который нужно выучить и исполнить, — это терпение. В начале семейной жизни обнаруживаются как достоинства характера и нрава, так и недостатки и особенности привычек, вкуса, темперамента, о которых вторая половина и не подозревала. Иногда кажется, что невозможно притереться друг к другу, что будут вечные и безнадежные конфликты, но терпение и любовь преодолевают все, и две жизни сливаются в одну, более благородную, сильную, полную, богатую, и эта жизнь будет продолжаться в мире и покое».

«Еще один секрет счастья в семейной жизни — это внимание друг к другу», — здесь Александра Феодоровна пишет, несомненно, о собственном опыте. «Муж и жена должны постоянно оказывать друг другу знаки самого нежного внимания и любви. Счастье жизни составляется из отдельных минут, из маленьких, быстро забывающихся удовольствий: от поцелуя, улыбки, доброго взгляда, сердечного комплимента и бесчисленных маленьких, но добрых мыслей и искренних чувств. Любви тоже нужен ее ежедневный хлеб.

Еще один важный элемент в семейной жизни — это единство интересов. Ничто из забот жены не должно казаться слишком мелким, даже для гигантского интеллекта самого великого из мужей. С другой стороны, каждая мудрая и верная жена будет охотно интересоваться делами ее мужа. Она захочет узнать о каждом его новом проекте, плане, затруднении, сомнении. Она

захочет узнать, какое из его начинаний преуспело, а какое — нет, и быть в курсе всех его ежедневных дел. Пусть оба сердца разделяют и радость и страдание. Пусть они делят пополам груз забот. Пусть все в жизни у них будет общим. Им следует вместе ходить в церковь, молиться рядом, вместе приносить к стопам Бога груз забот о своих детях и обо всем дорогим для них. Почему бы им не говорить друг с другом о своих искушениях, сомнениях, тайных желаниях и не помочь друг другу сочувствием, словами ободрения? Так они и будут жить одной жизнью, а не двумя.

Бойтесь малейшего начала непонимания или отчуждения. Вместо того чтобы сдержаться, произносится неумное, неосторожное слово — и вот между двумя сердцами, которые до этого были одним целым, появилась маленькая трещинка, она ширится и ширится до тех пор, пока они не оказываются навеки оторванными друг от друга. Вы сказали что-то в спешке? Немедленно попросите прощения. У вас возникло какое-то непонимание? Неважно, чья это вина, не позволяйте ему ни на час оставаться между вами.

Удерживайтесь от ссоры. Не ложитесь спать, затаив в душе чувство гнева. В семейной жизни не должно быть места гордости. Никогда не нужно тешить свое чувство оскорбленной гордости и скрупулезно высчитывать, кто именно должен просить прощения. Истинно любящие такой казуистикой не занимаются. Они всегда готовы и уступить, и извиниться».

После прочтения записей этой удивительной, любящей супруги начинаешь понимать, что слов: «Я тебя люблю» — еще недостаточно для семейного счастья — нужна постоянная работа над собой, основанная прежде всего на христианском мировоззрении. Гармоничные, здоровые отношения между супругами могут послужить залогом нравственного воспитания детей.

Царственная чета не скрывала своей любви от детей. Мать не давала малышам повода думать, что только они являются предметом ее обожания. Когда государь в связи с началом Русско-японской войны вынужден был на время оставить семью, трехлетняя Анастасия спросила у матери: «Тебе грустно, что папа уехал?» Александра Феодоровна ответила: «Да». И тогда девочка сделала трогательную попытку утешить ее: «Не беспокойся — он скоро вернется».

Муж — глава семьи

Дети росли, наблюдая не только безграничную родительскую любовь друг к другу, но и правильные, евангельские взаимоотношения между мужем и женой. Те, кто знаком с жизнью царственных мучеников поверхностно, на основании советских источников, читая эти строки, наверняка удивится и поморщится:

«Да ведь всем известно, что в этой семье не жена боялась мужа, а наоборот». И окажется не прав.

О том, насколько ее величеству был чужд дух эмансипации, свидетельствуют хотя бы такие ее строки: «Ему (великому князю Михаилу. — М. К.) следовало бы больше помогать тебе, его единственному брату, которому так нужна помощь. Жена, как бы дорога она ни была, никогда не сможет стать таким помощником: у нее не так устроен мозг, хоть и хотелось бы, чтобы это было иначе. О, когда у нее такой муж, как у меня... Благодарю Бога за такого мужа» (письмо императрицы Александры Феодоровны к государю Николаю от 26 июня 1904 года). Обратим внимание на последние две фразы. Опираясь на них, хотелось бы заступиться за современных несчастных «эмансипированных» женщин, ставших таковыми из-за слабости, безволия и эгоизма иных мужчин. Государыня Александра Феодоровна могла соответствовать идеалу евангельской супруги, потому что муж ее полностью соответствовал идеалу евангельского супруга.

Анна Танеева (Вырубова), близкая подруга императрицы, вспоминала: «Какой бы монотонной ни казалась жизнь императора и его семьи, она была полна безоблачного счастья. Никогда за все двенадцать лет моего общения с ними между императором и императрицей не приходилось мне слышать ни одного сказанного с раздражением слова, видеть ни одного сердитого взгляда. Для него она всегда была “солнышко” или “родная”, и он входил в ее комнату, задрапированную розовато-лиловым, как входят в обитель отдыха и покоя. Все заботы и политические дела оставлялись за порогом, и нам никогда не разрешалось говорить на эти темы, императрица же держала свои тревоги при себе. Она никогда не поддавалась искушению поделиться с ним своими тревожностями, рассказать о глупых и злобных интригах своих фрейлин или даже о более мелких заботах, касающихся образования и воспитания детей. “Ему надо думать обо всем народе”, — часто говорила мне она».

Здесь мы видим замечательную расстановку акцентов. Обязанности распределены классически. Муж — глава, в данном случае глава целого государства, с мужской выдержкой и внутренней силой несущий на себе колоссальные заботы. Его дом — семейный очаг, приют покоя и отдохновения. Жена — любимое «солнышко», согревающее его своими лучами, все усилия прилагающая к тому, чтобы обеспечить настоящий покой и отдых уставшему супругу. При этом она же единолично руководит всеми домашними делами. С этой женщиной — данной Богом супругой — нельзя быть раздражительным и мрачным, нельзя обременять ее своими тревогами, нельзя позволить даже ни единого сердитого взгляда. Жена — немощнейший сосуд, подруга, которую надо греть и питать, как собственную плоть. Но у мужа и жены, конечно, есть и общие трудности, которые они переносят, ободряя и укрепляя друг друга:

«Заботы о здоровье Алексея Николаевича они несли вместе». Естественный плод всего, о чем было выше сказано: «Дети буквально боготворили родителей» (А. А. Танеева).

По библейскому определению, жена — не рабыня, а помощница мужу. Таковой была и Александра Феодоровна, всегда бывшая «за мужем», никогда — впереди.

В конце 1914 года царь Николай II отбыл на фронт, чтобы лично руководить армией, деморализованной большими потерями. Отделенный от внутренних дел в стране, он нуждался в свежей информации и советах из Санкт-Петербурга. Он все чаще обращался за помощью к августейшей супруге, просил ее быть его глазами и ушами в столице. «На тебе лежит сохранение мира и согласия между министрами — этим ты оказываешь большую услугу и мне и стране», — говорил он.

«Сознавая свою неопытность в государственных делах, императрица Александра Феодоровна сначала писала неуверенно, потом, одобряемая мужем, с большой инициативой. Ее советы неизменно основывались на ее твердой вере в самодержавие, и она часто поощряла царя больше использовать свою монаршую власть...» — читаем мы в книге «Александра Феодоровна Романова. Дневниковые записи, переписка».

Еще современники государя, лично его знавшие, пытались развенчать миф о том, что императрица «подавляла волю» «слабого» супруга. Флигель-адъютант А. Мордвинов вспоминал: «Мне лично, имевшему радость находиться довольно часто и подолгу в интимной обстановке царской семьи, ни разу не приходилось слышать, чтобы ее величество “диктовала свою волю” государю, и, наоборот, я не раз бывал свидетелем того, что, несмотря на многократные просьбы и настояния императрицы по совершенно незначительным делам, далеким от государственных, исполнить которые было легко, его величество оставался тверд в принятых решениях. Вспоминаю, как незадолго до революции, когда, по убеждению всех, “никогда влияние императрицы не было так сильно”, ее величество на основании ходатайства чинов ее санитарного поезда просила государя дать разрешение всем гражданским чинам, соприкасавшимся с военной обстановкой, “лишь доносить” их походное обмундирование, превращенное ими совершенно в форму офицеров действующей армии, что вызывало давно не только недоразумения, но и естественное негодование в войсках».

Я помню, что государыня днем и в течение вечера несколько раз обращалась к его величеству с этой очень настойчивой просьбой, ссылаясь на многие доводы, но государь со все возрастающей категоричностью наотрез

отклонил все ее настояния.

Появившиеся в иностранной печати интимные письма императрицы к государю не разбивают, а скорее подтверждают сложившееся у меня в этом отношении убеждение. В них сказывается не “всесильная госпожа воли государя”, не “властная соправительница императора”, а лишь беспредельно любящая мать и жена, силящаяся по мере возможности помочь своему мужу в повседневных трудах, предупреждая о кажущихся ей интригах и опасностях, волнуемая, как всякая русская женщина, за исход войны и за судьбу своей хотя и второй, но крепко любимой родины.

В своих печалованиях и опасениях она, как самый близкий человек, естественно, не может удержаться и от советов, кажущихся ей наиболее благоразумными и необходимыми, но во скольких письмах чувствуется и горечь, что ее предупреждений обыкновенно не слушались, и высказывается опасение, что ее советам не будут следовать и впредь.

Быть может, она была “мятущаяся” душа, но была мятущейся в хорошем смысле этого слова, где нет удовлетворения мелочными стремлениями обыденной жизни и где более высоким проблемам человеческого духа отводится главное значение».

Об этом же пишет и современный исследователь жизни и правления императора Николая II Олег Платонов в предисловии к переписке царственной четы:

«Долгое время принято было считать, что царь подчинял свою волю воле царицы — мол, она обладала более твердым характером, духовно руководила им. Это неправильный и очень поверхностный взгляд на их взаимоотношения. Можно привести множество примеров, в их письмах они встречаются часто, как государь неуклонно проводил свою волю, если чувствовал ее правильность. Но его можно было убедить отменить свое решение, если он обнаруживал свою ошибку и справедливость решений царицы. Государыня не давила на супруга, а действовала убеждением. И если она чем-то и влияла на него, то добротой и любовью. Царь был очень отзывчив на эти чувства, так как среди многих родственников и придворных он чаще всего ощущал фальшь и обман. Читая царские письма, мы еще раз убеждаемся, с какой настойчивостью Николай проводил свои планы и отвергал предложения любимой жены, если считал их ошибочными».

Такие отношения любви-дружбы супругов, их взаимной поддержки при бесспорном авторитете отца были созвучны религиозным убеждениям императрицы и прививались ею детям.

Вот как рассуждал об этом М. К. Дитерихс «Рассказы приближенных и прислуги, окружавших царскую семью в период ее ареста, показания свидетелей охраны и комендатуры в различные периоды заключения семьи в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге позволяют обрисовать общие, основные, характерные черты, присущие как всей семье в целом, так и отдельным ее членам, в достаточной степени точности, своеобразности и определенности. Возвращение отца живым и объединение всей семьи вместе под одной кровлей было громадным нравственным и духовным утешением для всех ее членов в эти исключительно трагические дни их жизни и не могло не вызвать прежде всего радостного чувства, что их не разлучат и предоставят им во взаимной поддержке друг друга проявить любовь и силы, чтобы смягчить горячо любимому отцу и мужу его тяжелые душевные переживания и за текущие события, и за будущность дорогой для них всех великой Родины. В этом отношении примером самоотвержения, преданности и заботы о государе являлась жена и мать. Она сумела передать и воспитать в детях те же высокие чувства, сосредоточившие внимание и почитание семьи на отце, несмотря на то что по силе воли и характера внутренней руководительницей жизни и быта, и семейного очага оставалась матерью.

...Когда кто-нибудь из детей обращался к матери по вопросам, касавшимся воспитания, образования или отношений внешнего свойства, она всегда отвечала: “Я поговорю с отцом”. Когда к отцу обращались с вопросом того или другого внутреннего или хозяйственного распорядка или с вопросом, касавшимся всей семьи, он неизменно отвечал: “Как жена. Я поговорю с ней”. Оба поддерживали авторитет друг друга, и оба по вере сознательно проводили идею “единой плоти и единого духа”».

Следовательно, в души детей уже были заронены семена для благодатного прорастания на ниве добрых семейных отношений, хотя по Божию Промыслу этому и не удалось осуществиться.

Истинная любовь не проходит

В 1894 году, в день помолвки с любимой девушкой, цесаревич Николай записал в дневнике: «Чудесный, незабываемый день в моей жизни — день моей помолвки с дорогой, милой Аликс. После 10 часов она приехала к тете Михен, после разговора с ней мы поговорили между собой. Господи, какая тяжесть спала с моих плеч, какую радость мы доставили Папе и Маме! Я хожу весь день словно вне себя, не вполне сознавая полностью, что со мной происходит...»

После свадьбы Аликс оставила в дневнике супруга запись: «Я никогда не

верила, что в мире может быть такое полное счастье, такое чувство общности между двумя смертными. Больше не будет разлук. Соединившись наконец, мы связаны на всю жизнь, а когда эта жизнь закончится, мы встретимся снова в другом мире и навечно останемся вместе».

А вот выдержки из писем 1916 года. Жить царской семье оставалось около двух лет... Императрица — мужу: «Я так люблю получать от тебя цветы, они — залог нежной любви. Не каждый муж подумает о том, чтобы послать цветы своей старой жене».

7 апреля государь писал супруге: «Завтра 8-е (день помолвки царственной четы. — М. К.), мои мысли и молитвы будут с тобой, моя девочка, мое родное Солнышко. Тогда я боролся за тебя даже против тебя самой!!!»

В этот памятный день 8 апреля Александра Феодоровна напишет: «В этот день, день нашей помолвки, все мои нежные мысли с тобой, наполняя мое сердце бесконечной благодарностью за ту глубокую любовь и счастье, которыми ты дарил меня всегда с того памятного дня 22 года тому назад. Да поможет мне Бог воздать тебе сторицей за всю твою ласку!

Да, я — говорю совершенно искренне — сомневаюсь, что много жен таких счастливых, как я, — столько любви, доверия и преданности ты оказал мне в эти долгие годы в счастье и горе. За все муки, страдания и нерешительность мою ты мне так много дал взамен, мой драгоценный жених и супруг. Теперь редко видишь такие супружества. Несказанны твоё удивительное терпение и всепрощение. Я могу лишь на коленях просить Всемогущего Бога, чтоб Он благословил тебя и воздал тебе за все — только Он один может это сделать».

Глава 2

ОТЕЦ

Отец — господин

Что, по-вашему, сильнее всего кладет отпечаток на детскую личность, являясь главным фактором воспитания? Многие, наверное, ответят: авторитет и пример отца и матери, и поспорить с этим будет трудно. Отношение родителей к жизни, друг к другу, к окружающим людям, их мировоззрение, проявляющееся в конкретных делах, поступках и словах, формируют в сознании ребенка определенные образы отца и матери, оказывающие

непосредственное влияние на развитие его характера, мироощущения, религиозных и нравственных чувств. Поучения родителей ничего не дадут, если они вступают в противоречие с их делами и словами. Чтобы понять, какое влияние оказали на развитие своих детей государь Николай и государыня Александра, обратимся вновь к их светлым образам, может быть самым притягательным в мировой истории.

Центральное место в семье занимает отец. «Отец имеет силу и власть благословлять детей именем Божиим. Отец — господин для своих близких. Отец — это и слуга для своих близких. Отец семьи отчасти распространяет свое отцовство и на жену, как и Адам был по плоти отцом для Евы» (В.В. Ничипоров. «Введение в христианскую психологию»).

Государь Николай был отцом для своих пятерых детей, будучи при этом, во-первых и в главных, отцом для миллионов подданных. Эта его исключительная главенствующая роль в государстве налагала немалый отпечаток и на взаимоотношения с детьми.

Вспоминает флигель-адъютант А. Мордвинов: «Государь был, конечно, счастлив в своей семье, как только может быть счастлив человек, обладающий именно такой идеально сплоченной, любящей семьей... Но удовлетворяться одним семейным счастьем может не всякий: другая обширная семья — его Родина, которой государь стремился служить не только потому, что судьба и рождение поставили его во главе страны, но и просто как русский, — занимала его мысли и вызывала скрытые, глубоко мучительные переживания...»

Пьер Жильяр, близко соприкасавшийся, как воспитатель царевича Алексея Николаевича, с семьей последнего императора, отмечал: «В обыкновенное время государь видел своих детей довольно мало; его занятия и требования придворной жизни мешали ему отдавать им все то время, которое он хотел бы им посвятить. Он всецело передал императрице заботу о их воспитании и в редкие минуты близости с ними любил без всякой задней мысли, с полным душевным спокойствием наслаждаться их присутствием. Он старался тогда отстранить от себя все заботы, сопряженные с той громадной ответственностью, которая тяготела над ним; он старался забыть на время, что он царь, и быть только отцом».

Жильяру вторит Анна Танеева: «Одно из самых светлых воспоминаний — это уютные вечера, когда государь бывал менее занят и приходил читать вслух Толстого, Тургенева, Чехова и так далее. Любимым его автором был Гоголь. Государь читал необычайно хорошо, внятно, не торопясь, и это очень любил. Последние годы его забавляли рассказы Аверченко и Тэффи, отвлекая на несколько минут его воображение от злободневных забот».

Об этом же рассказывает и Татьяна Мельник-Боткина: «По вечерам его величество читал вслух великим князьям, которые, выздоравливая, переехали в одну комнату... Его величество приходил к ним, когда они уже лежали в постелях. Великие княжны готовили для него кресло и маленький столик с лампой и книгой посреди комнаты, чтобы им всем было хорошо слышно, и трогательно было видеть, как дочери и отец искали утешения и развлечения в обществе друг друга».

Настоящий отец, в полной мере соответствующий этому имени, обладающий нравственным авторитетом в семье, всегда будет благодатно влиять на детей, даже когда его внешнее присутствие в семье ограничено. Ведь духовное присутствие отца рядом с семьей, его покров, его добрую силу чуткие дети всегда ощутят. Хороший отец при самой полной занятости любое свободное время посвящает жене и детям. Жертва ли это? Для иных мужчин, может быть, да. Здесь все зависит от силы чувства и осознания своей мужской ответственности за «погоду в доме».

Из письма Николая Александровича супруге: «Я был так изумлен и тронут поведением Ольги, я даже предположить не мог, что она плачет из-за меня, пока ты не объяснила мне причину. Я начинаю сейчас чувствовать себя без детей более одиноким, чем раньше, — вот что значит опытный старый папа!»

Пьер Жильяр восхищался отношениями государя Николая Александровича с детьми: «Их отношения с государем были прелестны. Он был для них одновременно царем, отцом и товарищем. Чувства, испытываемые ими к нему, видоизменялись в зависимости от обстоятельств. Они никогда не ошибались, как в каждом отдельном случае относиться к отцу и какое выражение данному случаю подобает. Их чувство переходило от религиозного поклонения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы. Он ведь был для них то тем, перед которым почтительно преклонялись министры, высшие церковные иерархи, великие князья и сама их мать, то отцом, сердце которого с такой добротой раскрывалось навстречу их заботам или огорчениям, то, наконец, тем, кто вдали от нескромных глаз умел при случае так весело присоединиться к их молодым забавам».

Несколько слов и понятий, взятых из этого отрывка, могут стать для нас ключевыми, положенными в основу здоровых отношений между отцом и детьми: «поклонение», «доверчивость», «дружба», «сердце раскрывалось навстречу заботам», «умел присоединиться к забавам». Прежде чем требовать чего-либо от детей, мудрые родители сами вложат в них гораздо больше, чем собираются потребовать. Речь идет, конечно, не о деньгах и вкусной еде, но о ненавязчивом, доброжелательном вхождении во внутренний мир ребенка, о поддержке его в тот период, когда растущий человек только начинает свой путь

по дороге жизни. Мудрые родители знают, что, прежде чем воспитывать детей, необходимо воспитать себя.

«Мне трудно говорить с достаточной силой об отношениях государя к своей собственной семье и об отношении великих княжон как к своим родителям, друг к другу, так и к посторонним, имевшим радость с ними близко соприкасаться, — писал А. Мордвинов. — Скажу только, что их светлые образы даже и всеокрушающему времени не удастся вырвать из моей благодарной памяти и я всегда буду под впечатлением этой изумительной, до встречи с ними никогда ранее мною не виданной, чудной во всех отношениях семьи. То неизменное впечатление, которое всегда оставлял за собой их отец, даже у людей, враждебно относившихся к нему, было впечатление обаятельной простоты, спокойного достоинства и полного тихого самообладания во всех тягостных случаях жизни. Эти благородные черты культуры характера не даются одним наследственным предрасположением, а требуют большой работы над самим собой. Нелегко, наверное, далась эта работа и государю».

Каким он был?

Можно с уверенностью сказать, что многое в принципах воспитания детей государь Николай перенял у своего отца, императора Александра III. По словам О. Платонова, «воспитание и образование Николая II проходило под личным руководством его отца на традиционной религиозной основе в спартанских условиях. Учебные занятия будущего царя велись по тщательно разработанной программе в течение тринадцати лет. Чтобы будущий царь на практике познакомился с войсковым бытом и порядком строевой службы, отец направляет его на военные сборы. Параллельно отец вводит его в курс дела управления страной, приглашая участвовать в занятиях Государственного совета и Комитета министров. Блестящее образование соединялось у него с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы, что было не часто для государственных деятелей того времени. Отец сумел внушить ему беззаветную любовь к России, чувство ответственности за ее судьбу. С детства ему стала близка мысль, что его главное предназначение — следовать русским основам, традициям и идеалам». По воспоминаниям баронессы С. К. Бухсгевден, «император был очень вынослив; только в самые холодные дни он надевал пальто, обычно он выходил в военной тужурке, какую постоянно носил; он не любил теплой одежды и поддевал только вязаную кофту под тужурку. После прогулки он заходил к императрице, и немного ранее десяти часов начинался его деловой день. Первый разговор был с гофмаршалом, с которым он просматривал лист своих обязательств на текущий день. Ровно в десять часов начинались аудиенции министров. Каждого из них государь принимал

отдельно. Министры приносили с собой пачки бумаг, которые государь оставлял у себя для внимательного чтения. На каждом документе он ставил свои заметки карандашом и зачастую просиживал до поздней ночи, чтобы ознакомиться со всеми бумагами.

Николай II не имел секретаря и делал всю работу сам, даже накладывал государственные печати на конверты перед тем, как их передать для отправки. Ни одна бумага не оставалась на его столе — он всегда прочитывал и возвращал все без задержки. Его работа в течение царствования все время увеличивалась, так как появлялись новые министерства и департаменты.

Большое количество материалов, с которыми министры могли бы справиться сами, все же представлялись на рассмотрение государя. Настоящая причина этого заключалась в том, что министры предпочитали не нести ответственности в некоторых случаях...».

Трудолюбие и ответственность — эти качества четыре царевны и царевич переняли от отца в полной мере. Еще одна из ярких отличительных черт всех детей Николая II — милосердие, желание благотворить, идущее от души, чуждое всякого фарисейства. Отец всегда подавал в этом отношении дочерям и сыну достойный пример.

«Он был щедр и много помогал, жертвовал на пенсии из своих личных доходов. У государя не было никогда денег с собой. Однажды, когда он был в провинциальной церкви на обеде, староста подошел с тарелкой. Я увидела большое смущение среди членов императорской семьи, сзади которой я стояла. Великая княжна Татьяна Николаевна наклонилась ко мне: “Не могли ли бы вы одолжить отцу десять рублей золотых?” — спросила она шепотом.

Я вынула монету и сунула ей в руку. А на другой день я получила посылку с личной печатью государя. В ней была маленькая, из чудной голубой эмали коробочка, в которой лежала золотая десятирублевка, на небольшой бумажке государь написал: “От благодарного должника щедрой заимодавице”» (Из воспоминаний баронессы С. К Бухсгевден).

Человек сильной воли

Мы уже говорили о том, что государь безусловно воспринимался супругой и детьми как глава семьи. Этому во многом способствовали его необыкновенная выдержка и сила воли — качества, о которых едва ли не слово в слово рассказывают все более или менее близко знавшие государя. «Тщательно

скрываемая болезнь наследника объясняет многое в жизни императорской четы, пишет баронесса Софи Бухсгевден о трагедии царской семьи — наследственном заболевании царевича Алексея гемофилией. — Они всегда надеялись, что будет найдено какое-нибудь средство для лечения недуга. Это было тяжким испытанием — постоянное беспокойство за жизнь любимого ребенка, которое вдобавок они должны были скрывать и даже улыбаться. Умение владеть собой у государя помогало ему в этом. Сдержанность была второй его натурой. Многие спрашивали; отдавал ли он полностью себе отчет в трагичности некоторых событий? — настолько спокойно было его отношение, настолько скрытно было выражение его лица. На самом деле это была маска».

«В своих основных, главных, крепко им продуманных и выношенных убеждениях он не сомневался никогда, — писал флигель-адъютант Мордвинов. — Сомнения вызывали лишь подробности тех путей, которыми он стремился возможно лучше, без особых потрясений подойти к намеченной цели.

В глубине это была душа нежная и чувствительная, хотя он делал все, чтобы скрывать свои порывы и не давать им вырваться наружу. Наивность, жар, горячее убеждение других — все это в его глазах, вероятно, казалось “странным” знаком чрезмерной уверенности в себе, чего он так не любил.

Он был деликатен чрезвычайно, даже до утонченности, и умел, как никто, ценить искренность и, как никто, умел хранить в себе тайну, доверенную ему в порыве искреннего чувства другими, но своими, собственными тайнами ему было трудно делиться из чувства все той же утонченной деликатности, но не недоверия...»

Историк Ольденбург отмечал, что «у государя поверх железной руки была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и бурными столкновениями».

Юлия Ден, подруга императрицы, писала: «Николая II упрекали за слабоволие, но люди были далеки от истины. Ее величество, которая была в курсе всего, что говорится о государе и о ней самой, очень переживала из-за ложных наветов на императора.

— Его обвиняют в слабоволии, — сказала она как-то с горечью. — Как же плохо люди знают своего царя! Он сильный, а не слабый. Уверяю вас, Лили, громадного напряжения воли стоит ему подавлять в себе вспышки гнева, присущие всем Романовым. Он преодолел

непреодолимое: научился владеть собой, и за это его называют слабавольным. Люди забывают, что самый великий победитель — это тот, кто побеждает самого себя...

Ее величество клеймили за то, что она якобы оказывала вредное влияние на государя, и этому вредному влиянию предписывали все беды, выпавшие на долю России. Но ее влияние ничем не отличалось от влияния на своего мужа любой любящей женщины.

Главным для себя лицом ее величество считала государя императора. Только и было слышно от нее: “Так угодно Его Величеству”, “Так сказал Его Величество”, она была очень нежна с ним. Материнское чувство ее проявилось даже в любви к своему супругу. Государыня очень заботилась об императоре. Как супруги, они составляли одно целое. И стремились к простому человеческому счастью».

«Однажды С. Д. Сазонов (министр иностранных дел) высказал свое удивление по поводу спокойной реакции императора в отношении малопривлекательного в нравственном отношении человека, отсутствия всякого личного раздражения к нему. И вот что сказал ему император: “Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого”» (Из книги Олега Платонова «Император Николай II в секретной переписке»).

Таким выдержанным и волевым был Николай Александрович и в отношениях с семьей. Вспомним, как восхищалась подруга императрицы Анна Танеева тем, что царь не позволял себе ни одного раздражительного слова, ни единого угрюмого или сердитого взгляда. Строгость к детям государь применял-таки по мере необходимости, но одного его со властью сказанного слова, а иногда и сурового отеческого взгляда было достаточно, чтобы утихомирить не в меру расшалившихся детей. Они боялись отца самым лучшим и воистину святым видом страха — страхом любви.

Нравственность и мораль

Внутренняя сила, присущая императору, его право на власть сочетались в его натуре с редкой скромностью, добротой и отзывчивостью. Даже в книге Н. А. Соколова об убийстве царской семьи, повторяющей местами общераспространенные сплетни о царственных мучениках, ничего общего с действительностью не имеющие, мы найдем такую характеристику императора Николая II: «Государь император Николай Александрович получил воспитание, какое обыкновенно давала среда, в которой родился и жил он. Оно привило ему привычку, ставшую основным правилом поведения: быть всегда ровным, сдержанным, не проявляя своих чувств. Всегда он был ровен, спокоен. Никто из окружающих не видел его гнева. Он любил книгу и много читал по

общественным наукам, по истории. Он был очень прост и скромен в своих личных привычках, потребностях.

Не только русская пресса времен революции, но и некоторые историки и ныне стараются внедрить в сознание масс, что царь при всех его недостатках отличался еще склонностью к спиртным напиткам. Это неправда. Вино никогда не было для него потребностью. Он выпивал за завтраком, за обедом обычно не более рюмки сливовицы. Не пил коньяка, не любил шампанского. Если ему приходилось пить по необходимости, он пил столько, сколько требовала обстановка...

Будучи весьма религиозным, царь был наделен сильным чувством любви к простому русскому народу. В заключении, если только позволяли обстоятельства, он шел к солдатам, сидел с ними, разговаривал, играл в шашки, проявляя чрезвычайную простоту. Он вел к ним и детей.

Самой типичной чертой его натуры, поглощавшей все другие, была доброта его сердца, его душевная мягкость, утонченнейшая деликатность. По своей природе он был совершенно неспособен причинить лично кому-нибудь зло. Этим своим свойством он оставлял почти у всех людей одно и то же впечатление — очарования. Были два свидетеля, вынужденные всей своей ролью около царя давать отрицательное о нем толкование. Это Керенский и князь Львов. Первый видит в царе скрытность, недоверчивость к людям, презрение к ним, ограниченность интеллекта, не отрицая, однако, у него “какого-то чутья к жизни и к людям”. Князь Львов говорит о царе как о “лукавом византийце”.

И в то же время оба они: и Керенский и князь Львов, — характеризую царя, употребляют одно и то же выражение. Керенский говорит о его “чарующих глазах”. Львов говорит об “очаровании”, которое он производил на людей. Эта черта его натуры приводила к тому, что люди в общении с ним забывали в нем императора».

Последнее утверждение нельзя принимать однозначно. Преданная подруга государыни Анна Танеева пишет иное: «Несмотря на доброту государя, великие князья его побаивались. В одно из первых моих дежурств я обедала у их величеств; кроме меня, обедал дежурный флигель-адъютант, великий князь. После обеда великий князь стал жаловаться на какого-то генерала, что он в присутствии других сделал ему замечание. Государь побледнел, но молчал. От гневного вида государя у великого князя невольно тряслись руки, пока он перебирал какую-то книгу. После государь сказал мне: “Пусть он благодарит Бога, что ее величество и вы были в комнате, иначе бы я не сдержался!”»

Так что гневаться государь все-таки умел: он был живым человеком, чуткая

душа которого возмущалась всякой фальшью и неправдой, которых не водилось в собственной его семье. Танеева отмечала, сравнивая его с царицей: «У государыни был вспльчивый характер, но гнев ее так же быстро и проходил. Ненавядя ложь, она не выносила, когда даже горничная ей что-нибудь наврет; тогда она накричит, а потом высказывает сожаление: “Опять не могла удержаться!” Государя рассердить было труднее, но когда он сердился, то как бы переставал замечать человека и гнев его проходил гораздо медленнее». Но в другом месте Танеева пишет то, что полностью созвучно воспоминаниям других людей: «От природы он (государь. — М. К.) был добрейший человек... В нем не было ни честолюбия, ни тщеславия, а проявлялась огромная нравственная выдержка, которая могла казаться людям, не знающим его, равнодушием. С другой стороны, он был настолько скрытен, что многие считали его неискренним. Государь обладал тонким умом, не без хитрости, но в то же время он доверял всем. Удивительно, что к нему подходили люди, малодостойные его доверия. Как мало пользовался он властью и как легко было в самом начале остановить клевету на государыню! Государь же говорил: “Никто из благородных людей не может верить или обращать внимания на подобную пошлость”, не сознавая, что так мало было благородных людей».

Горько читать эти строки, зная к тому же, что государь был не так-то наивен, и знаменитые его воистину страшные слова: «Кругом измена, и трусость, и обман» — доказывают, что император Николай вполне сознавал, как «мало было благородных людей». Тем большую ценность представлял для него маленький уютный мирок, полный любви и света, — его счастливая семья.

Чудесную картину рисует в воспоминаниях С. Я. Офросимова: «По дорожке царскосельского парка идет государь с великими князьями. Они возвращаются с длинной прогулки вдоль озера среди высоких, опущенных снегом елей. Все, кто встречается им в пути, почтительно кланяются, и ни один из этих поклонов не остается незаметным и безответным.

Лицо государя оживлено, на нем нет обычной грусти и бледности. Он идет легким и бодрим шагом в кругу своих дочерей. Все они красивы, сильны и молоды; от них веет здоровьем и жизнью. Они идут без всякой чинности, они, быть может, с точки зрения строгого этикета даже слишком громко смеются и болтают, слишком быстро перегоняют друг друга, слишком тесно окружают отца...

Великая княжна Ольга Николаевна идет с ним под руку и с любовью смотрит ему в лицо. Она что-то слушает и смеется. Великая княжна Татьяна Николаевна идет под руку с другой стороны и тоже крепко сжимает руку отца и что-то быстро-быстро говорит. Младшие княжны то забегают вперед, то идут

позади. Их глаза лукаво горят, а самая младшая придумывает новую шалость, забывая снег за отвороты своей бархатной шубки. Государь радостно смотрит на них. Он словно гордится ими перед встречаемыми, он рад, что ими любят. Его синие добрые глаза словно горят всем: “Посмотрите, какие у меня славные дочери. Они не только мои, но и ваши; они русские”».

Глава 3

МАТЬ

Мать — главное служение

Важный труд, который человек может сделать для Христа, — это то, что он может и должен делать в своем собственном доме. У мужчин есть своя доля, она важна и серьезна, но истинным творцом дома является мать. То, как она живет, придает дому особую атмосферу. Бог впервые приходит к детям через ее любовь. Как говорят, “Бог, чтобы стать ближе всем, создал матерей” — прекрасная мысль! Материнская любовь как бы воплощает любовь Бога, и она окружает жизнь ребенка нежностью», — говорила государыня Александра Феодоровна. В XIX веке протоиерей Димитрий Соколов писал: «По отношению к ребенку мать-христианка занимает место не низшее и не равное, как супруга, она занимает место высшее; однако же это самое превосходство не освобождает ее от самоотвержения, требуемого назначением женщины... Быть матерью — это служение, а первое условие верного служения есть бескорыстие. Истинная, верная своему призванию мать не говорит: “Вот мой сын, которого я родила для себя”; она думает: “Вот человек, родившийся в мир для блага мира”».

В этих рассуждениях мы можем увидеть точный портрет государыни Александры Феодоровны как матери, созвучный описанию инока Серафима (Кузнецова) из книги «Православный царь-мученик». В этой книге императрица представлена как самоотверженная любящая мать, хозяйка своего дома, воистину госпожа — помощница своего господина. Мы читаем в книге, что «воспитанием и образованием своих детей императрица заведовала лично сама почти по всем предметам, кроме узкоспециальных... Она как детей, так и прислугу держала в полном послушании. Царицу все слушались, боялись чем-либо оскорбить не столько из-за страха, сколько из-за любви к ней, ибо, несмотря на ее строгость, все ее любили и уважали. Она была строга и аккуратна к себе, того же требовала и от других. Всякое свое распоряжение царица давала обдуманно и сознательно, твердо помня свои слова. Она не любила тех, кто умел много говорить, а дела не делал, часто напоминая мудрую

поговорку людскую: “Молчание — золото, а слово — серебро”. ...Государыня не любила роскоши и мотовства, в таком духе воспитывала и детей. Такого же взгляда был и государь».

Здесь приведены высказывания иностранного подданного о святой мученице государыне Александре:

«Благодаря тому что царица большую часть своего времени посвящает своему дому, семейная жизнь Русского двора естественно достигла высокого положения в сравнении с прочими дворами Европы. В особенности в современные годы в нем меньше бывает приемов, чем при дворах где-либо на материке... Даже если бы она была не императрица, ее домашняя жизнь считалась бы идеальной. Ее преданность сыну, который наконец родился у нее,

— одно из величайших событий в современной русской истории. За образованием детей императрица следит лично сама. Она безгранично любит всех детей, и все дети любят ее. В день рождения одного из своих детей она катается с ним довольно далеко куда-нибудь, и каждый из них с нетерпением ожидают этого события. Двое старших детей, великие княжны Ольга и Татьяна, унаследовали от своей матери любовь к музыке, и обе играют очень хорошо. Царю всегда их игра доставляет удовольствие».

Сама государыня-мученица Александра Феодоровна утверждала, что «родители должны быть такими, какими они хотят видеть своих детей не на словах, а на деле. Они должны учить своих детей примером своей жизни». Святой чете это удалось — они вырастили пятерых детей-мучеников, и заслуга в этом матери, на которой держались все семейные дела, воистину огромна и неоценима.

«Вместо высокомерной, холодной царицы, о которой мне столько говорили, я, к величайшему удивлению, нашел женщину, просто преданную своим материнским обязанностям, — — вспоминает учитель царских детей Пьер Жильяр. — В это время по некоторым признакам я мог также отдать себе отчет в том, что сдержанность ее, на которую столь многие обижались и которая вызывала против нее столько враждебных чувств, была скорее последствием приподнятой застенчивости и как бы маской ее чувствительности».

И далее он пишет: «Весьма сдержанная и в то же время очень непосредственная, прежде всего жена и мать, императрица чувствовала себя счастливой только среди своих. Образованная и обладавшая художественным чутьем, она любила чтение и искусство. Она любила также созерцание и погружалась в напряженную внутреннюю жизнь, из области которой выходила лишь при появлении опасности. Тогда она со страстной горячностью вступала в борьбу. Она была одарена самыми прекрасными нравственными качествами и

всегда руководствовалась самыми благородными побуждениями».

Сначала к царским дочерям были приставлены няня-англичанка и три русские няни в качестве ее помощниц. С рождением наследника государыня рассталась с англичанкой и назначила няней царевича Марию Вишнякову. Императрица ежедневно сама купала наследника и очень много времени уделяла времени в детской, так что, по выражению Анны Танеевой, «при дворе стали говорить, что императрица — не царица, а только мать». «Конечно, сначала не знали и не понимали серьезности положения здоровья наследника. Человек всегда надеется на лучшее будущее, — рассуждает Танеева. — Их величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких родственников и друзей, закрывая глаза на возрастающую непопулярность государыни. Она бесконечно страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодна, горда и неприветлива — такой она осталась в глазах придворных и петербургского света даже тогда, когда узнали о ее горе...»

Сейчас не редкость матери, просто не находящие времени заниматься детьми из-за работы, из-за карьеры, из-за домашнего хозяйства. Нынешних женщин можно только пожалеть: поставленные в условия, когда труд матерей не ценится ни обществом, ни государством, когда отец семейства порой не в состоянии прокормить семью, женщины вынуждены сами работать, выкраивая для мужа и детей очень мало времени. Девушки, не чувствуя уверенности в завтрашнем дне, торопятся получить образование, специальность, чтобы не остаться без куска хлеба, им некогда задуматься о будущей семейной жизни. Поэтому хотелось бы пожелать всем невестам, женам и матерям: вспоминайте почаще государыню Александру Феодоровну, которая была прежде всего жена и мать, претерпевала из-за этого нелюбовь, даже ненависть окружающих, выносила самые нелепые и жестокие обвинения. Ее великий материнский подвиг не был оценен при жизни. Мы же станем молиться ей, и святая царица обязательно поможет. Ведь главное, чего ждет Господь от родителей, — заботы о детях, и в первую очередь о их душах. О бессмертных душах людей, которых Он вверил до возрастания попечению отцов и матерей.

Мать-христианка

Блистательное ли окно дворца, слепое ли окошечко подвала — одно устремление мысли ввысь. ...Ни одной позы, никогда о себе. Только обязанности, долг перед мужем-царем, наследником-сыном. Никогда перед людьми — всегда пред Богом», — говорил о царице Александре Феодоровне И. Степанов.

Вновь откроем дневник государыни Александры Феодоровны. В нем мы

найдем записи, раскрывающие духовную суть ее отношений к детям, к дому, к ведению хозяйства.. Мы увидим христианский, а не обычный, увы, в наши дни эгоистический подход к семейным ценностям. «Нет ничего сильнее того чувства, которое приходит к нам, когда мы держим на руках своих детей, — писала императрица. — Их беспомощность затрагивает в наших сердцах благородные струны. Для нас их невинность — очищающая сила. Когда в доме новорожденный, брак как бы рождается заново. Ребенок сближает семейную пару так, как никогда прежде. В сердцах оживают молчавшие до этого струны. Перед молодыми родителями встают новые цели, появляются новые желания. Жизнь приобретает сразу новый и глубокий смысл.

На их руки возложена святая ноша, бессмертная жизнь, которую им надо сохранить, и это вселяет в родителей чувство ответственности, заставляет их задуматься. “Я” — больше не центр мироздания. У них есть новая цель, для которой надо жить, — цель достаточно великая, чтобы заполнить всю их жизнь... Конечно, с детьми у нас появляется масса забот и хлопот, и поэтому есть люди, которые смотрят на появление детей как на несчастье. Но так смотрят на детей только холодные эгоисты».

Вспомним теперь о «домашнем очаге», ассоциирующемся у иных с мещанством и «диким домостроем». В буквальном смысле — о доме, в котором живет семья. И о «чувстве дома», противопоставленном протоиереем Борисом Ничипоровым «психологической бездомности». Как относилась к этому Александра Федоровна? Вот ее слова:

«Главным центром жизни любого человека должен быть его дом. Это место, где растут дети, — растут физически, укрепляют свое здоровье и впитывают в себя все, что сделает их истинными и благородными мужчинами и женщинами. В доме, где растут дети, все их окружение и все, что происходит, влияет на них, и даже самая маленькая деталь может оказать прекрасное или вредное воздействие. Даже природа вокруг них формирует будущий характер. Все прекрасное, что видят детские глаза, отпечатывается в их чувствительных сердцах. Где бы ни воспитывался ребенок, на его характере сказываются впечатления от места, где он рос. Комнаты, в которых наши дети будут спать, играть, жить, мы должны сделать настолько красивыми, насколько позволяют средства. Дети любят картины, и если картины в доме чистые и хорошие, то чудесно на них влияют, делают их утонченнее. Но и сам дом, чистый, со вкусом убранный, с простыми украшениями и с приятным окружающим видом, оказывает бесценное влияние на воспитание детей...

Самые прочные узы — это узы, которыми сердце человека связано с настоящим домом. В настоящем доме даже маленький ребенок имеет свой голос. А появление младенца влияет на весь семейный уклад. Дом, каким бы он

ни был скромным, маленьким, для любого члена семьи должен быть самым дорогим местом на земле. Он должен быть наполнен такой любовью, таким счастьем, что, в каких бы краях человек потом ни странствовал, сколько бы лет ни прошло, сердце его должно все равно тянуться к родному дому. Во всех испытаниях и бедах родной дом — убежище для души...

Дом — это место тепла и нежности. Говорить о доме надо с любовью... В христианском доме должна жить любовь. Он должен быть местом молитвы. Именно в молитве мы черпаем благодать, нужную нам, чтобы сделать наш дом светлым, добрым, чистым...

Жизненно важно значение среды. Мы еще не вполне понимаем, как много значит атмосфера в доме, где растут дети, для становления их характера. Самое первое место для нас, где мы учимся правде, честности, любви, — это наш дом — самое родное место для нас в мире».

За искренне христианское отношение к семье государыня была вознаграждена горячей любовью, преданностью и предупредительностью детей. Нельзя сказать, что она не приложила к этому никаких усилий, хотя Александра Федоровна не требовала от детей любви как неперменной дани.

«Мать, которую они обожали, была в их глазах как бы непогрешима; одна Ольга Николаевна имела иногда поползновения к самостоятельности. Они были полны очаровательной предупредительности по отношению к ней. С общего согласия и по собственному почину они устроили очередное дежурство при матери. Когда императрице нездоровилось, та, которая в этот день исполняла эту дочернюю обязанность, безвыходно оставалась при ней» (П. Жильяр).

Пример терпения

Александра Федоровна имела плохое здоровье, будучи с детства подвержена невралгии лица. К восемнадцати годам у нее очень болезненно воспалился пояснично-крестцовый нерв, поразивший обе ноги и заставлявший ее временами проводить недели в инвалидном кресле. Сопровождаемые трудными беременностями заболевания государыни осложнились необходимостью выполнять официальные и общественные обязанности.

Кроме того, диагноз «гемофилия», поставленный царевичу Алексею, привел его мать к сердечному заболеванию. Великая княжна Ольга писала, что государыня была действительно больной женщиной: «Ее дыхание часто убыстрялось и было заметно болезненным. Я видела, как у нее синеют губы. Постоянная тревога об Алексее совершенно разрушила ее здоровье».

Императрица не хотела, чтобы о ее здоровье знало общество, и это

явилось еще одной из причин того, что Александра Феодоровна редко появлялась в обществе. Злые языки называли царицу истеричной и склонной к ипохондрии женщиной, и до сих пор малосведущие люди склонны ложно судить о последней русской царице.

Мужество, присущее государыне с юных лет, помогало ей достойно переносить болезни. В письме к старшей сестре, Виктории, она писала: «Ты не думай, что моя болезнь угнетает меня саму. Мне все равно, вот только мои дорогие и родные страдают из-за меня, да иногда не могу выполнять свои обязанности. Но, если Бог посылает мне этот крест, его надо нести. Наша милая Мамочка тоже потеряла здоровье в раннем возрасте.

Мне досталось столько счастья, что я охотно отдала бы за него все удовольствия; они так мало значат для меня, а моя семейная жизнь так идеальна, что сполна возмещает все, в чем я не могу принять участие...»

Естественно, что дети, постоянно имевшие перед глазами такой образец терпения, мужества и смирения пред Божией волей, как их мать императрица Александра Феодоровна, смогли в полной мере проявить те же качества во время суровых испытаний.

Нравственный облик императрицы в воспоминаниях современников

Близкая подруга Александры Феодоровны, Юлия Ден, которую государыня ласково называла Лили, свидетельствует, что императрица всегда подавала детям пример настоящей искренней дружбы; «Русские аристократы никак не могли взять в толк, с чего это их императрице вздумалось вязать шарфы и шерстяные платки и дарить им эти вязаные изделия или же отрезки на костюмы. У них было совершенно иное представление о том, каким должен быть царский подарок. Им было невдомек, с какой любовью вязала государыня этот злосчастный шарф или платок. Однако ее величество, проникнутая викторианскими представлениями о дружбе, не могла и не хотела понять, что старания ее напрасны...

Ее практичность, деловая сметка были не по нраву свите. Над этими качествами злопыхатели смеялись и осуждали государыню за то, что она удостаивала своей дружбой лиц, которые, по их мнению, недостойны внимания Императрицы всероссийской... Но государыня была непреклонна и никому не позволяла диктовать ей вкусы...

“Меня не заботит, богат тот человек или же беден. Друг для меня, кем бы он ни был, всегда остается другом”.

Действительно, этого у ее величества не отнять, она была поистине верным другом».

Лили вспоминает и о необыкновенной простоте Александры Феодоровны: «Государыня поднималась рано и принимала ванну без посторонней помощи. Причесывалась и одевалась ее величество чрезвычайно скромно, в чем проявлялось влияние викторианской эпохи».

Во многих воспоминаниях мы можем прочесть, что супруга Николая II держала себя как настоящая императрица, казалась недоступной и гордой. Перед ней робели. Но те, кто знал Александру Феодоровну ближе, утверждали, что именно гордость, это греховное свойство человеческой природы, была чужда государыне, хотя она прекрасно осознавала свое необычайное, ответственное положение в русском обществе. Оставаясь истинной царицей, Александра Феодоровна в военное время работала в госпитале в качестве простой хирургической сестры, да еще привлекла к этому дочерей— царевен — случай в истории уникальный. Недаром о лазарете, течение жизни которого, словно ласковым солнцем, освещалось заботами о раненых государыни и ее детей, сохранилось немало воспоминаний.

Татьяна Мельник: «Ее величество, если ее здоровье позволяло ей это, приезжала также ежедневно в дворцовый или собственный ее величества лазарет, где работали великие княжны. Изредка ее величество занималась перевязками, но чаще просто обходила палаты и сидела с работой у изголовья наиболее тяжелых больных. Были случаи, когда больные заявляли, что не могут без ее величества или что только ее присутствие успокаивает их боли, и она приезжала, в каком бы это ни было лазарете, и сидела, и сидела часа два, три только для того, чтобы доставить хоть немного спокойствия несчастным».

И. Степанов: «Императрица неслышно ступала, почти скользила по коридору. Как-то неожиданно появлялась она в дверях. Походка быстрая, слегка плечом вперед. Голову она держала немного назад с небольшим наклоном вправо... В походке и в манере держаться не было никакой величавости. Несмотря на высокий рост и стройную фигуру, она не была, что принято называть “представительной” — слишком свободны были ее движения. По лазарету она ходила одна, а не “следовала в сопровождении”. Заметно было, что она не привыкла держать себя на людях. Не было у нее столь свойственной высочайшим особам заученной “чарующей улыбки”. Она улыбалась с напряжением. Зато как радостно было вдруг вызвать чем-нибудь настоящую улыбку...

В перевязочной работала как рядовая помощница. В этой обстановке княжна Гедройц была старшей. В общей тишине слышались лишь отрывистые

требования: “ножницы”, “марлю”, “ланцет” и так далее — с еле слышным прибавлением: “Ваше величество”. Императрица любила работу. Гедройц уверяла, что у нее большие способности к хирургии. По собственному опыту знаю, что ее перевязки держались дольше и крепче других.

Зная по рассказам, что императрица очень набожна, я тщетно искал в ней признаки ханжества. Ежедневно по дороге в лазарет она заезжала в церковь Знамения поклониться чудотворной иконе. Ни разу в разговоре она не коснулась религии.

По воскресеньям в ее отсутствие приходил иногда приходский священник, кропил святой водой и исповедовал желающих». Стало быть, Александра Феодоровна умела не только мужественно претерпевать трудности, но и утешать при этом других, не переставая быть в то же время опорой для мужа и детей. Дитерихс так рассказывает о тяжелых, трагических днях после отречения государя от престола: «Напряжение последних дней, вызванное неведением о судьбе мужа, в связи с беспокойством за состояние здоровья детей, и особенно сына, и волнения за переживаемые Россией события в конце концов совершенно подорвали силы императрицы, и после возвращения в Александровский дворец она слегла и почти не вставала с постели. Внутреннее потрясение, усилившееся стремлением скрыть от детей и окружающих силу своих душевных мучений, отразилось на болезненности сердца, и после нескольких сильных припадков работа сердца приняла характер определенного порока, не допускавшего самых незначительных повышенных движений и физических усилий. Она была в состоянии самостоятельно переходить только из комнаты больных дочерей в комнату наследника и до начала апреля не спускалась даже в столовую. Все свое время государыня проводила среди любимых детей и была счастлива, что могла отжаться теперь всецело заботам о муже, семье и детях и отдохнуть душой от тех тяжелых дней, когда потеряла связь с государем и когда она так тревожилась за его участь.

Позже, когда погода стала теплее и силы ее несколько окрепли, при помощи мужа или своих приближенных дам она выходила в установленные дневные часы в парк, и в то время, когда другие члены семьи занимались различными физическими работами или огородными посадками, она усаживалась где-нибудь под деревом на подстилающемся ей коврик и занималась каким-либо рукоделием, вела беседы с окружавшими ее офицерами и солдатами охраны. Рукодельничала государыня постоянно и работала поразительно искусно, быстро и артистически. Обреченная своим болезненным состоянием на неподвижную жизнь, она почти никогда не выпускала какого-то рукоделия из рук. Пока семья содержалась в Царском Селе, императрица продолжала работать различные теплые вещи для больных и раненых и посылала их в местные лазареты и госпитали. Позднее, в Тобольске, она работала различные

вещи для своего домашнего обихода, и в вещах, оставшихся от Екатеринбург и отобранных у различных охранников, оказалось большое количество собственноручных рукоделий императрицы самого разнообразного характера. Видимо, она хорошо владела и карандашом, так как в оставшихся вещах нашлось несколько ее незначительных карандашных набросков, из коих карикатура на великую княжну Ольгу Николаевну в костюме сестры милосердия являлась вполне художественной и меткой по характерным чертам сходства».

Из книги Н. А. Соколова: «Она много отдавала своей души чужому горю, когда узнавала о нем. Письма ее к графине Анастасии Васильевне Гендриковой ярко рисуют ее духовный облик...

5 апреля 1912 года.

“Милая крошка Настенька, мое сердце переполнено состраданием, любовью ко всем вам. Не могу не написать вам хотя несколько строк. Не смею беспокоить вашу бедную маму; мои молитвы и мысли с нею. Ужасно подумать о всем вами переживаемом. Я так чувствую ваше горе, испытал ужас потери возлюбленного отца. И такой внезапный удар, как у вас.

Но я всегда думаю, что светлые пасхальные молитвы приносят много утешения душе, даруя нам уверенность в том, что настоящая наша жизнь — там, где ожидают нас дорогие наши.

Не могу себе представить, как устроится теперь ваша жизнь без отца, советника и руководителя, но Всемогущий Бог вас не оставит. Он даст силы и мужество достойно продолжать вашу жизнь, полную самоотречения, и благословит вас полностью за всю вашу любовь”.

22 октября 1916 года.

“Мне жаль, что Ваше настроение опять понизилось, но такие моменты неизбежны. Если бы мы могли всегда сохранять душевное равновесие (как нам бы следовало), то мы достигли бы совершенства. Это наитруднейшая задача. А когда физическое состояние неважно, то настроение падает еще, и тогда благодать Божия на время покидает нас.

Но не тревожьтесь — с помощью молитвы Вы снова подниметесь. Было бы слишком легко жить, если бы благодать всегда сопутствовала нам — приходится ее добиваться, вырабатывать собственный характер. Минуты гнева должны подавляться. Надо много трудиться для достижения совершенства.

Бодрствуйте и молитесь, как нам указано. Зло всегда стремится завладеть нами и беспокоить нас в минуты упадка духа. Жизнь — вечная борьба, но Бог Всемогущий поможет”».

Глава 4

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Есть одна прекрасная фотография, снятая в период, когда государь Николай уже не был императором. Выздоровливающая великая княжна Мария в кресле, возле нее — Татьяна и Анастасия, взгляды которых обращены друг к другу. Какая любовь, какая нежность передается нам через эту фотографию! Кажется, идиллия царила в кругу святой царской семьи, где вера в Бога определяла отношения между родителями и детьми, между сестрами и братом, где любовь ставилась превыше всего земного. И это было так, хотя, конечно же, и в этой семье время от времени возникали проблемы, присущие многим семьям. Идиллию видел и Пьер Жильяр; «Великие княжны были прелестны своей свежестью и здоровьем. Трудно было найти четырех сестер, столь различных по характерам и в то же время столь сплоченных дружкой. Последняя не мешала их личной самостоятельности и, несмотря на различие темпераментов, объединяла их живой связью. Из начальных букв своих имен они составили общее имя — “Отма”. Под этой общей подписью они иногда делали подарки или посылали письма, написанные одной из них от имени всех четырех».

Но и царские дети ссорились, как и все дети. Иначе бы императрица не писала старшей дочери: «Не ссорьтесь друг с другом, это, в самом деле, просто безобразно. Всегда будьте любящими и добрыми».

Нет сомнения, что ее дочери и сын были и добрыми, и любящими, но мало ли поводов найдут дети для разжигания маленьких обид? Если внимательно прочесть переписку императрицы с великими княжнами, можно догадаться и о ревности Марии по отношению к старшим сестрам, и о детском соперничестве между Ольгой и Татьяной. Великая княжна Ольга в детстве обладала неровным, вспыльчивым характером. «И не ворчи все время на Татьяну, — наставляет мать. — Будь доброй к Татьяне. Если ты будешь сердиться, то все ухудшишь».

Материнские слова, а больше всего родительская любовь приносили благодатный плод: в юности старшие княжны, по многим свидетельствам, были связаны крепкой дружкой, составляли так называемую «старшую пару» в отличие от «пары младшей» — Марии и Анастасии.

Маленькие дети способны испытывать очень сложные чувства, в том числе и ревность. Когда в семье рождается еще один ребенок, старший может считать себя несправедливо отвергнутым, решить, что его вообще

разлюбили. Он будет страдать, поведение его начнет портиться, а родители, скорее всего, его не поймут. Сейчас врачи отмечают, что почему-то взрослые не склонны замечать ревность в своих «старшеньких». Может быть, потому что она не беспочвенна? А всего-то нужно: не требовать от старшего ребенка «взрослого» мышления, не заниматься «уравниловкой», т. е. не делить между детьми «поровну» родительскую любовь заодно с одеждой и подарками, а просто всем сердцем любить и старших и младших, почаще говорить им о своей любви, насыщать их заботой, уделяя каждому достаточное внимание, не сравнивать детей друг с другом ни в мыслях, ни на словах и принимать каждого ребенка таким, какой он есть. Так было и в царской семье.

На Руси старшие братья и сестры искренне почитались младшими, и, если родители умирали, старший брат заступал место отца, старшая сестра — матери. На первый взгляд доля самого младшего незавидна: не только родителей — всех приходится слушаться. Но ведь младший ребенок чувствует себя более защищенным. Рядом больше людей, которые помогают ему, заботятся о нем, которым можно довериться. Нередко случается, что дети, особенно в подростковом возрасте, не могут открыть родителям какие-то свои тайны, но охотно делятся ими со старшими братьями и сестрами.

Все вышесказанное можно отнести к царевичу Алексею, младшему ребенку в семье Николая II. Всеобщий любимец, он всегда был почитаем к сестрам, постоянно баловавшим его. Татьяна Мельник вспоминает такой эпизод: «Иногда в этих объездах (лазаретов. — М. К.) принимал участие и Алексей Николаевич, очень любящий вступать в разговоры с ранеными. Однажды старшая сестра одного из лазаретов попросила офицеров, чтобы они как можно больше рассказали Алексею Николаевичу из жизни на фронте. И действительно, он был так заинтересован, что, когда великие княжны, бывшие в соседних палатах, пришли звать его домой, он сказал: “Ну вот, когда мне интересно, вы всегда уезжаете раньше, а когда скучно, так сидите, сидите без конца”».

Но, конечно, все-таки поехал тотчас же».

Как в любой многодетной семье, старшие дети брали на себя часть родительских функций. Царь и царица смотрели на старших княжон как на помощниц в воспитании младших. Об этом свидетельствуют, например, выдержки из писем государыни Александры к дочери Ольге: «Прежде всего помни, что ты должна быть всегда хорошим примером младшим... Они маленькие, не так хорошо все понимают и всегда будут подражать большим. Поэтому ты должна обдумывать все, что говоришь и делаешь», «Будь хорошей девочкой, моя Ольга, и помогай четырем младшим быть тоже хорошими».

Когда подросла великая княжна Татьяна, мать побуждала и ее стать образцом для младших детей. Впоследствии первенство само собой перешло к Татьяне, так как вторая дочь государя обладала большей силой характера, была сдержаннее и практичнее Ольги. Это совершенно не мешало искренней горячей привязанности старших княжон друг к другу.

Среди записей государыни Александры Феодоровны сохранились и рассуждения об отношениях между братьями и сестрами. «Между братьями и сестрами должна быть крепкая и нежная дружба, — писала она. — В наших сердцах и нашей жизни мы должны беречь и растить все красивое, истинное, святое. Дружеские связи в нашем собственном доме, чтобы они были глубокими, искренними и сердечными, должны формировать родители, помогая сблизиться душам. Нет в мире дружбы чище, богаче и плодотворнее, чем в семье, если только направлять развитие этой дружбы.

Каждая преданная сестра может оказать такое сильное влияние на своего брата, которое будет вести его, как перст Господа, по верной жизненной дороге. В своем собственном доме, на собственном примере покажите им всю возвышенную красоту истинной благородной женственности.

Пусть каждая женщина с помощью Божией стремится к совершенству. Когда у вашего брата появятся искушения, тогда перед его глазами возникнут видения такой любви и чистоты, что он с отвращением отвернется от искусительницы. Женщина для него — объект или уважения, или презрения, и зависит это от того, что он видит в душе своей сестры. Поэтому сестре надо стараться завоевывать любовь и уважение брата. Она не сможет причинить большего вреда, если нарушит его мысль, что все женщины бессердечны и легкомысленны, жаждут только удовольствий и желают, чтобы ими восхищались. А братьям, в свою очередь, следует охранять сестер...

Брат должен защищать свою сестру от любого зла и нежелательного влияния. Он должен ради нее вести себя безупречно, быть великодушным, правдивым, бескорыстным, любить Бога. Каждый, у кого есть сестра, должен ее лелеять и любить. Власть, которой она обладает, это власть истинной женственности, которая покоряет чистотой своей души, и сила ее — в мягкости.

Сердце молодого человека должно ликовать, если у него есть прекрасная благородная сестра, доверяющая ему и считающая его своим защитником, советчиком и другом. А сестре следует радоваться, если ее брат превратился в сильного мужчину, способного защитить ее от жизненных бурь. Между братом и сестрой должна быть глубокая, крепкая и близкая дружба, и они должны доверять друг другу.

Пусть между ними лягут моря и континенты, их любовь навсегда останется преданной, сильной и верной. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на борьбу и ссоры, особенно в священном кругу семьи».

Глава 5

МОЛИТВА — ОСНОВА МАЛОЙ ЦЕРКВИ

О религиозном воспитании

Религиозное воспитание самый богатый дар, который родители могут оставить своему ребенку; наследство никогда не заменит это никаким богатством» — так определяла значение воспитания детей в вере императрица Александра Феодоровна.

Сегодня религиозное воспитание кажется архаичным пережитком не только в нашей стране, претерпевшей наступление воинствующего безбожия, но и во всем мире. Меж тем нельзя найти пример, когда бы оно принесло какой-либо вред или сделало человека ущербным (если, конечно, не рассматривать примеры откровенного фанатизма и проявлений сектантского сознания). Благих же плодов от ребенка, душу которого с раннего детства насытят верой, можно ожидать гораздо с большими основаниями, чем от ребенка с воспитанием бездуховным. Духовный стержень — основа нравственно здоровой личности. Мы ведем речь о святой православной семье. Конечно же, мы не дерзнем причислить себя не только к святым, но вообще к примерным христианам, но это не значит, что мы не можем брать со святого семейства пример.

Святитель Феофан Затворник писал: «Не стыдясь и не боясь мира, постарайтесь дать детям истинное христианское воспитание, сообщая им одни христианские во всем понятия, приучая к христианским правилам жизни и возгревая любовь к Церкви Божией и всем порядкам церковным... Ныне многому учат, не соображаясь с христианскими обетами в крещении и не имея в виду ответственности пред Богом. Время такое мудреное настало... В заведениях дети становятся не те уже... При всем том нельзя думать, чтобы все внушаемое им [в семье] пропадало или пропало. Все остается и в свое время принесет плод. Вы своего не оставляйте, чем можете, действуйте, чтоб они не совсем сбились с дороги, а успех — все от Господа! Молитесь... Помогайте нуждающимся больше, их молитве поверяя детей. Эта молитва сильна...»

Весьма жестко выразился святитель Лука Войно-Ясенецкий: «Родители,

которые пренебрегают воспитывать детей по-христиански, незаконнее детоубийц, ибо детоубийцы тело от души разлучили, а они душу и тело ввергают в геенну огненную».

Как будто для современных матерей пишет государыня Александра Феодоровна: «Некоторые матери очень преданно любят своих детей, но думают только главным образом о земных вещах. Они нежно склоняются над своими детьми, когда те болеют. Они много работают и во всем отказывают себе, чтобы прилично одеть своих детей. Они очень рано начинают их учить понемногу и постоянно развивают их умственные способности, чтобы они со временем заняли достойное место в обществе. Но духовному развитию детей они не уделяют такого внимания. Они не учат их Божией воле. Есть дома, в которых дети вырастают, никогда не услышав молитвы от своих отцов и матерей и не получив никакого обучения духовного.

С другой стороны, есть дома, где постоянно ярко горит лампада, где постоянно говорят слова любви ко Христу, где детей с ранних лет учат тому, что Бог их любит, где они учатся молиться, едва начав лепетать. И спустя долгие годы память об этих священных мгновениях будет жить, освещая темноту лучом света, вдохновляя в период разочарования, открывая секрет победы в трудной битве, и ангел Божий поможет преодолеть жестокие искушения и не впасть в грех».

Обратим внимание: «...детей с ранних лет учат тому, что Бог их любит». Именно любит, а не «грозит», не «наказывает». Для воспитания религиозного чувства маленького ребенка необходимо, чтобы Бог, Которого открывают ему родители, не пугал его, чтобы Он воспринимался малышом как любящий Отец, Заступник и Утешитель. И это вовсе не является, как некоторые склонны думать, «данью протестантизму». Все религиозные переживания истинно православной царской семьи были проникнуты светлыми, жизнеутверждающими чувствами — надеждой в веру и бесконечной любовью. Особый религиозный настрой дети воспринимали от матери. Юлия Ден вспоминает о государыне: «Ее любовь к Богу и вера в Его милосердие были для ее величества важнее любви к детям и мужу. Она находила наивысшее утешение в религии еще в ту пору, когда ее окружали великолепие и блеск царской власти. И в горькие годы заточения, на пути к Голгофе, императрица черпала силы в своем религиозном чувстве. Если она действительно встретила свою кончину в том страшном Екатеринбургском подвале, то я уверена: именно горячая вера поддержала государыню в ее смертный час».

Очень непростое и, в общем-то, непредсказуемое это дело — христианское воспитание ребенка, подходить к нему нужно мягко, даже деликатно. Императрица Александра Феодоровна это понимала: «Нужно в человеке видеть

лучшее, что в нем есть, и уметь находить красоту и добро в жизни каждого, если мы хотим вдохновлять людей на развитие лучших их качеств. Богу не нужна помощь, чтобы раскрывать Его бутоны и давать цвести Его розам. Бутоны должны раскрываться и розы цвести естественным путем, — путем, который определил Господь. Заставлять их цвести раньше времени значило бы погубить их. Мы должны быть максимально осторожными, пытаюсь влиять на духовную жизнь других людей, особенно детей. Насилие может принести непоправимый вред. Лучшее, что мы можем сделать, чтобы развить духовную жизнь других, — это дать им атмосферу любви и чистоты».

Жизнь в храме Божиим

Исследователи переписки императора и императрицы единодушно отмечают, что наиболее убедительные свидетельства о благочестии Александры Феодоровны содержатся в ее письмах мужу и детям. В этих письмах постоянно упоминается о церковных таинствах, о святых, молитвах, об уповании на Бога. Кроме того, дневники святой царицы содержат частые цитаты на русском языке из святоотеческих источников. А теперь представим, какова должна быть духовная высота и мудрость матери, какой благой пример могла подать она детям, если в ее записках, не предназначенных для чужих глаз, находим мы такие собственные ее выстраданные размышления удивительной богословской глубины:

«Смирение — не в том, чтобы рассказать о своих недостатках, а в том, чтобы вынести, как о них говорят другие; в том, чтобы слушать их терпеливо и даже с благодарностью; в исправлении недостатков, о которых нам говорят; в том, чтобы не испытывать неприязни к тем, кто нам о них говорит».

«Не падайте духом, а спокойно доверяйтесь воле Божией и, что бы вам ни выпало, переносите все во славу Господа, так как после зимы следует лето, после ночи — день, а после бури — тишина».

«Нужно искать свое спасение в том положении, в какое поместило нас Провидение, а не строить воздушные замки, воображая, как добродетельны мы были бы в каком-то другом положении. И потом, нам надо по-настоящему верить в Бога даже в малом. Большинство людей проводят жизнь, охая и сокрушаясь по поводу своих привычек, рассуждая о том, что их надо изменить, составляя правила своей жизни в будущем, которого они ждут, но которого, быть может, будут лишены, и таким образом теряют время, которое следовало бы тратить на добрые дела на пути к своему спасению. Нет времени лучшего для того, которое Господь в Своей милости дает нам сейчас, а что принесет нам завтрашний день, мы не знаем. Спасение достигается не одним нашим мечтанием, а усердным прилежанием. Постоянное отрешение угодно Богу».

«Каждый день — это жизнь в— миниатюре. Если бы мы, проживая свой день, помнили, что все известно Богу, что мы делаем или говорим, и даже то, что нам не удастся сделать или сказать, то мы более тщательно обдумывали бы свои дела и поступки. Иисус сказал, что мы должны будем дать ответ за каждое праздное слово, которое мы сказали когда-либо. Кто-то сказал, что секрет счастливой старости — в хорошо проведенном вчерашнем дне».

«Терпение, доверие, радость человека — это плоды Святого Духа в нем».

«Если другие нас подводят — для нас это еще один урок терпения и кротости. Если у нас трудное положение, неподходящие условия — это для того, чтобы мы могли совершенствоваться в трезвении и учились быть довольными, находясь в любом обстоянии. Всегда Господь наш дает нам новые уроки, заставляя нас приблизиться к прекрасному образцу, который Он для нас создал, готовя нас к лучшему служению».

«Мы должны оставаться на своем месте, выполнять свой долг, нести свою ношу, выполнять Божию волю. Это тропа к душевному покою».

«Кто перестает помогать другим, становится обузой и для себя».

Подобных рассуждений в дневнике государыни — множество. Что же помогало ей, бывшей лютеранке, ставшей убежденной православной христианкой, содержать душу в такой нравственной чистоте, постоянно оставаться на духовной высоте?

Любовь к Церкви, к ее таинствам и обрядам, благочестие и молитвенность были характерны для государей рода Романовых. Но особенно любила церковные богослужения семья последнего императора, черпавшая в них великие духовные силы. Об этом говорит, например, письмо Александры Феодоровны от 24 сентября 1914 года: «Я каждый день хотела посещать церковь, а была там только один раз. Как жаль, ведь это такое утешение, когда на сердце печаль. Мы всегда ставим свечи перед тем, как идти в госпиталь, и я с любовью молюсь Богу и Пресвятой Богородице, чтобы они благословили нашу работу и наши руки принесли исцеление больным».

Офросимова вспоминала: «Почти каждую субботу и воскресенье я ходила в церковь Свободного полка. Это была временная церковь, устроенная в небольшом зале, пока строился Феодоровский собор. Сюда приходили молиться только царская семья и некоторые приближенные лица, остальное место занимали солдаты Сводного, Стрелкового и Конвойного Его Величества полков. Перед иконостасом находилось небольшое возвышение, на нем во время службы стояла вся царская семья. Вдоль стен висели старинные иконы древнерусского письма. Из темных и золотых окладов величаво

вырисовывались лики святых. Церковка почти всегда находилась в полумраке, лишь у иконостаса ярко горели свечи, озаряя царскую семью. Вся церковь имела строгий, но приветливый лик. Нигде не молились так искренне и глубоко, как здесь, ни в какой иной церкви не охватывало душу такое светлое, умиротворенное чувство. В эти молитвенные тихие часы государь был особенно дорог и близок моей душе».

Анна Танеева: «Два раза в день были службы в дворцовой церкви. В Великий Четверг их величества и мы все причащались. Ее величество, как всегда, в белом платье и белой наколке. Трогательная картина была, когда, приложившись к святой иконе, она кланялась на три стороны присутствующим. Маленький Алексей Николаевич бережно помогал матери встать с коленей после земных поклонов у святых икон. В Святую ночь, когда шли крестным ходом вокруг дворика, стало вдруг холодно и ветер задувал свечи. В Светлое Христово Воскресение в продолжение двух часов их величества христосовались: государь — с нижними чинами охраны, полиции, конвоя, команды яхты “Штандарт” и так далее, императрица — с детьми местных школ. Мы стояли за стеклянными дверями столовой, наблюдая, как подходившие получали из рук их величества фарфоровые яйца с вензелями. Государь и государыня чувствовали себя после этой церемонии утомленными».

Анна также вспоминала, что Александра Феодоровна была счастлива, когда ей удавалось помолиться в храме не узнанной никем: «Бывали счастливые дни, когда нас не узнавали, и государыня молилась, отходя душой от земной суеты, стоя на коленях на каменном полу, никем не замеченная в углу темного храма. Возвращаясь в свои царские покои, она приходила к обеду румяная от морозного воздуха, со слегка заплаканными глазами, спокойная, оставив все свои заботы и печали в руках Вседержителя Бога».

Любовь ко Христу и во Христе

Без глубокого проникновения в Православие даже постоянное посещение храма и неуклонное исполнение молитвенного правила могут оказаться недостаточными для истинного воцерковления. Но в духовной жизни царской семьи одно было неразрывно связано с другим.

Перед нами выдержка из письма государыни Александры Феодоровны от 1 октября 1915 года, посланного в Ставку, где царь Николай находился с сыном Алексеем. «Прошу тебя, следи за ним, чтобы маленький не утомлялся...» — пишет императрица, и тут же тревога о здоровье больного опасной болезнью мальчика сменяется, может быть, еще более сильной тревогой о его духовном здоровье: «Прошу тебя, дорогой, спрашивай его время от времени, хорошо ли

он молится».

Александра Феодоровна все время подробно описывала отсутствующему государю, как она с дочерьми проводит время. Упоминания о посещении храма в этих описаниях присутствуют постоянно: «Младшие девочки работают, а старшие пошли в наш госпиталь чистить инструменты. В половине 7-го пойдем к вечерне в нашу маленькую новую церковь». «Я молюсь с ним каждый вечер», — пишет государь. Александра Феодоровна на это откликнулась: «Как мило, что ты молишься с Беби по вечерам!» Беби — так ласково называли царевича в семье. И снова рассказывает государю: «Мы ходили к обедне в 10 часов, затем я переделась и мы пошли в госпиталь, где работали до 2 часов. После завтрака каталась с девочками».

Это одна сторона религиозной жизни святого семейства. Но и другая, внутренняя приоткрывается нам в переписке членов царской семьи. Мать-императрица писала старшей дочери Ольге: «Старайся серьезно говорить с Татьяной и Марией о том, как нужно относиться к Богу...»

«Ольга, дорогая, в комнате я или нет, ты всегда должна вести себя одинаково. Это не я за тобой смотрю, а Бог все видит и повсюду слышит, и это Ему мы должны в первую очередь постараться понравиться, делая все, что нужно, слушаясь своих родителей и тех, кто о нас заботится, и побеждая свои недостатки».

«Изо всех сил старайся быть как можно лучше, терпеливее и любезнее, во время святого поста серьезно вслушивайся в прекрасные молитвы в церкви».

Дети сострадали больной матери, жалели ее, но на примере собственной болезни государыня учила их терпению и смирению пред волей Божией.

«Когда Богу будет угодно, чтобы пришло время мне поправиться, Он поможет мне, но не раньше. Он знает, почему послал мне эту болезнь, и мы должны быть уверены, что это к лучшему».

«Ольга, дитя мое... Пока вы молились в церкви, я читала молитвенник, молилась здесь. Очень грустно, что я снова не ходила в церковь, но что делать? Остается молиться в своей комнате».

«Бог послал нам крест, который нужно нести. Я знаю, это скучно — иметь маму-инвалида, но всех вас это учит быть любящими и мягкими. Старайтесь быть только больше послушными, тогда мне будет легче, а ты покажешь маленьким хороший пример...»

«Нам всем положено нести свой крест. Мой таков. И я, дорогая, не ропщу, Богу все лучше ведомо. Не беспокойся, малышка, все будет хорошо. Да благословит тебя Бог».

Флигель-адъютант Мордвинов искренне изумлялся: «Я до сих пор теряюсь в догадках, каким образом государыня, выросшая в среде совершенно чуждой и противоположной русскому “народному” Православию, сумела впитать в себя самые характерные и глубокие его черты; склонен думать, что, помимо наследственного расположения к сложным духовным переживаниям, полученного от матери, государь отказывал в этом отношении немалое влияние».

Эти черты многие с насмешкой стараются относить “к пережиткам XIX века”, совершенно забывая, что в стремлениях человеческого духа и веры века играют ничтожную роль и настоящим верующим нашего “великого” XX столетия крепкие, восторженные до наивности верования первых веков христианства должны являться столь же заманчивыми, как и достойными подражания...

Они оба: и государь и императрица — носили в своей душе это стремление к Богу, и вся их внутренняя интимная жизнь была полна религиозным содержанием.

Глубину этой жизни можно было не только чувствовать — о ней можно было и догадываться по многим поступкам. Хотя замкнутые, стесняющиеся почти всегда, они были в этом отношении замкнуты особенно.

Как истинные носители религиозного света, они были носителями не показными, а тихими, скромными, почти незаметными для большинства.

Помню один день в Могилеве во время последнего приезда туда царской семьи, когда одна из великих княжон мне сказала: “Мама хочет быть у всенощной не в штабной церкви, а в городском монастыре и просит вас сопровождать нас. Только, пожалуйста, не предупреждайте никого и не говорите полиции. Мы хотим помолиться совсем незаметно для других”.

Мы вошли никем не замеченные в церковь и смешались с молящимися. Императрица купила свечи и сама, как и великие княжны, поставила их пред чудотворной иконой. Все ее движения, земные поклоны, приемы, с которыми она ставила свечку, крестилась, прикладывалась к образам, меня поразили своим изумительным сходством с движениями простых, религиозно настроенных русских женщин. Только женщина, родившаяся и выросшая в старинной православной среде, проникнутая православными обычаями, сознающая всю ценность церковных обрядов, даже думающая простодушно по-

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ

Видеть в каждом человека...

русски, могла таким внешним образом выражать свое молитвенное настроение...»

Понятно, что при таком своем отношении к Господу и Его дому — православному храму — родителям не пришлось прилагать специальных усилий, чтобы воспитать детей в благочестии. Царские дети впитывали домашнюю атмосферу благочестия так же естественно, как вдыхали воздух. «Временами старшие даже мечтали временно пожить в числе рядовых сестер обители у своей любимой тетушки» (Игумен Серафим [Кузнецов]).

В царской семье происходило то, о чем так хорошо писала Софья Куломзина в замечательной книге «Семья — малая Церковь. Записки православной матери и бабушки»: «Мне кажется, что первые шаги на пути открытия веры в Бога в жизни младенца связаны с его восприятием жизни органами чувств — зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием. Если младенец видит, как родители молятся, крестятся, крестят его, слышит слова “Бог”, “Господь”, “Христос с тобой”, принимает Святое Причастие, ощущает капли святой воды, трогает и целует икону, крестик, в его сознание понемногу входит понятие, что “Бог есть”. В младенце нет ни веры, ни неверия. Но у верующих родителей он растет, воспринимая всем своим существом реальность их веры так же, как ему понемногу делается понятным, что огонь жжется, что вода мокрая, а пол твердый. Младенец мало что понимает о Боге умом. Но из того, что он видит и слышит от окружающих, он узнает, что Бог есть, и принимает это... Первое, очень простое понятие о Боге заключается в этом осознании, что Бог есть, как есть тепло и холод, ощущение голода или сытости».

«В некоторых домах всегда какая-то мрачная атмосфера. Иных религия делает суровыми и угрюмыми. Но это не по-христиански. Религия, которую вдохновляет слово Христа, — солнечная и радостная» — так считала государыня Александра Феодоровна. В семейном гнезде последнего русского императора всегда царила радость, омрачаемая только болезнью царицы и недомоганием государыни. Православие воспринималось как жизнь во всей ее полноте. Дети любили устраивать праздники и делиться праздником с другими. Александра Феодоровна сама раскрашивала деревянные яйца на Пасху. Дети готовили подарки на церковные торжества и дарили не только друзьям, но и нуждающимся. Не было у них непонятной для мирского человека строгой аскезы — было смирение и стремление к лучшей, Небесной жизни. Была любовь ко Христу и Его Церкви. И евангельская любовь к ближнему. А это значит, они исполнили главную заповедь, данную Богом миру.

Умение видеть человека в каждом человеке должно стать главным правилом нашей жизни, если мы хотим жить по-настоящему. Но всегда ли мы даже не соблюдаем — просто осознаем необходимость этого правила?

В царской семье это было не правилом, но образом жизни. Известные простота и скромность этой семьи не были наигранными, к тому же они вовсе не приносили ей популярности. Напротив, больше всего царя и царицу осуждали именно за эти качества. Но дело в том, что для дружбы, для доверительных отношений император и его близкие не «выбирали» людей из того или иного сословия. В личной жизни царская семья вообще не делала различий между социальными ступенями. Ценился в первую очередь человек, его индивидуальные качества. Наигранный демократизм был Николаю II глубоко чужд. И если его дочерям-царевнам возможно было виснуть на камердинере Волкове, делиться с ним своими секретами и переживаниями (а в ответ Волков делал сердитое лицо, которое несколько не пугало и не обманывало княжон), это значит, что они видели в нем доброго, преданного и понимающего человека, с которым очень даже возможна такая простая теплая дружба.

Татьяна Мельник вспоминала, что никогда никто из окружающих не слышал от их величеств или от их высочеств слова «приказываю». Такое отношение к людям было определено, конечно, отцом и матерью семейства. Вот что писала императрица Александра Феодоровна великой княжне Ольге: «Будь особенно вежлива по отношению ко всем слугам и няням. Они так хорошо заботятся о вас. Подумай о Мари, как она устает и не очень хорошо себя чувствует, не заставляйте ее еще и нервничать. Слушайтесь ее, будьте послушными и всегда добрыми. Я сделала ее вашей няней, и вы всегда должны хорошо относиться к ней, а также к С. И. Ты достаточно большая, чтобы понять, что я имею в виду. Будь хорошей и слушайся маму. Прочти это Татьяне. Всегда проси прощения, когда была грубой или непослушной... А сейчас постарайся быть как можно лучше, и я буду счастлива».

Этому же учил детей и Николай II, бывший по натуре рыцарем в лучшем смысле этого слова. Мордвинов писал: «Вообще отношение государя и его семьи, к человеческим тяжелым внутренним переживаниям, к человеческим страданиям и несчастьям было изумительно сердечно и отзывчиво. Я прожил не

один десяток лет, много видел хороших, добрых людей, но почти нигде не встречал такой беспредельной, чарующей доброты, такого большого, незлобивого сердца, как в семье моего государя и его отца. Его доброта была не поверхностного качества, не выказывалась наружу и не уменьшалась от бесчисленных разочарований. Он помогал, сколько мог, из своих собственных средств, не задумываясь о величине просимой суммы, в том числе и лицам, к которым, я знал, он был лично не расположен.

Взгляды государя и его семьи на человеческие взаимоотношения были рыцарски благородными, чистыми, проникнутыми доброжелательством, и атмосфера, в которой протекала их домашняя, скромная однообразная жизнь, являлась тому наглядным доказательством. Во время семейных бесед их разговор был всегда далек от всяких мелких пересудов, затрагивавших чью-либо семейную жизнь и бросавших какую-либо тень на одну из их сторон. В течение многих дней и вечеров, когда я имел радость находиться в близком отношении с царской семьей, я ни разу не слышал даже намека на сплетню, столь оживлявшую всегда все классы как нашего, так и иностранного общества. Попытки некоторых близких лиц нарушить это обыкновение неизменно встречались молчанием и переменной разговором. В этом отношении семья моего государя была единственной из всех, какие я когда-либо знал: о них сплетничали все, даже близкие родные, они не сплетничали ни о ком.

Но вся семья отнюдь не обособлялась от жизни в других ее проявлениях. Эта жизнь, как светлая, так и темная, служебная и частная, ликующая и глубоко страдающая, жизнь верхов и низов, несмотря на их замкнутость, проникала к ним благодаря их положению бесчисленными путями, и в бесчисленных случаях они соприкасались с ней непосредственно».

К этим словам можно добавить только некоторые примеры, доказывающие, что государь требовал от своих детей уважения и внимания к нуждам любого человека даже в мелочах, из которых, как известно, складывается целое.

Н. Д. Семенов-Тянь-Шанский: «Государь очень хорошо плавал и любил купаться. После продолжительной гребли на двойке в финских шхерах мы причаливали к какому-нибудь островку и купались. В этих редких случайных встречах государь проявлял необыкновенную простоту в общении. Когда мы были в воде, цесаревич, разрезавшийся на берегу (он не купался), сбил мои вещи, аккуратно сложенные на скамейке, в песок. Я начал было выходить из воды, желая подобрать вещи, так как был ветер и их разбрасывало; его величество, обращаясь ко мне, сказал: “Оставьте вещи, Алексей их уронил, он и должен их собрать” — и, обращаясь к наследнику, заставил его поднять мои вещи».

С. Я. Офросимова: «Однажды государь приехал в лазарет, в котором работали великие княжны. Сев у постели одного из солдат, он заботливо начал расспрашивать его, всем ли он доволен и хорошо ли за ним ухаживают.

— Так точно, ваше величество, всем доволен; прямо хоть и не поправляйся, — ответил раненый. Но потом, что-то вспомнив, Добавил: — Вот только, ваше величество, сестры малость забывчивы... Намеднь дал я вот этой сестричке... вот что там стоит, веселенькая такая... курносенькая... дал я ей десять копеек на папиросы, а она ни папирос, ни денег не несет...

— Ольга, — позвал сестру государь — что же ты поручения не исполняешь? Папиросы обещала принести и забыла.

Великая княжна потупилась.

— За это вели купить ему на рубль.

Бедный солдат после этого целый день все охал:

— На кого пожаловался-то?.. На царскую дочку... Господи, грех-то какой!..»

Подумайте, дорогие родители, а не упускаем ли мы наших детей именно в таких незначительных на первый взгляд мелочах, не позволяем ли благодаря «пустякам» развиться в неокрепшей детской душе эгоизму и невниманию к другим людям?

Знакомство с жизнью

В книге «Государыня Александра Феодоровна. Дневниковые записи, переписка» рассказано, что с первых лет замужества императрица проявила интерес ко многим туберкулезным санаториям рядом с Ливадией — крымским поместьем царской семьи. Не удовлетворенная условиями содержания в них, Александра Феодоровна стала их поддерживать за счет собственных средств и организовывать и проводить каждое лето благотворительные базары рядом с Ливадией. Выручка шла для тех, кто был слишком беден, чтобы платить за лечение. Каждое лето императрица продавала в своем киоске прекрасное шитье и вышивки, собственноручно ею сработанные. Когда подросли дочери, Александра Феодоровна и их подключила к своей благотворительной деятельности. Она посещала дома многих больных туберкулезом, совершая визиты неожиданно, но ненавязчиво. Когда не могла пойти сама, то посылала дочерей. Ей часто говорили, что для девочек опасно сидеть у постели больных из-за туберкулезных бактерий, но она отметала эти возражения, и великие княжны посещали многих тяжелейших пациентов. Она сказала как-то, что дети должны

знать, что, «кроме красоты, в мире много печали».

Вот еще один из главных принципов воспитания: не прятать детей от жизни не только в радостных, но и в скорбных ее проявлениях. А казалось бы, как просто было окружить детей императора только приятными вещами! Но такое просто не приходило в голову августейшим родителям. В полной мере это проявилось во время Первой мировой войны, когда не только сама государыня, но и ее юные дочери работали в госпиталях и посещали раненых. Даже риск для здоровья великих княжон не пугал Александру Феодоровну, поскольку моральное и духовное здоровье детей она ставила выше их физического здоровья. При работе с ранеными усталость была огромна, но и духовная отдача тоже огромна. «Наши девочки прошли через тяжелые курсы для своих лет, и их души очень развились, — писала императрица мужу, — они в самом деле такие славные и так милы теперь. Они делили все наши душевные волнения, и это научило их смотреть на людей открытыми глазами, так что это очень им поможет позднее в жизни. Мы одно, а это, увы, так редко в теперешнее время, мы тесно связаны вместе».

«Ты видишь, — пишет она в другом письме, — наши девочки научились наблюдать людей и их лица, они очень сильно развились духовно через все это страдание, они знают все, через что мы проходим; это необходимо и делает их зрелыми. К счастью, они по временам большие беби, но у них есть вдумчивость и душевное чувство гораздо более мудрых существ».

Так же воспитывали и сына. Чтобы показать мальчику, наследнику, реальную жизнь его будущих подданных, страдания войны, государь брал с собой Алексея

Николаевича на фронт, невзирая на то что это приносило некоторый ущерб его здоровью и учению. Воспитатель царевича Жильяр писал о том, что жизнь в Могилеве, в Ставке, вносила серьезную задержку в классные занятия Алексея Николаевича и была вредна для его здоровья: «Там было столько впечатлений, притом слишком сильных для такой нежной и хрупкой натуры. Мальчик становился нервным, рассеянным, неспособным на производительный труд. Я доложил о своих наблюдениях императору. Признавая их вполне основательными, он возразил мне, что все эти отрицательные стороны вознаграждаются тем, что Алексей Николаевич теряет здесь свою природную застенчивость и нелюдимость и что от зрелища всех бедствий и горя у него на всю жизнь останется столь спасительное для него в будущем отношение к войне».

И вновь хочется сказать современным родителям: подумайте, а почему бы вам в церковные праздники по старинному обычаю не посетить вместе с детьми

больницы, детские дома, дома престарелых, просто больную соседку? Да и не только в праздники. Но при этом необходимо соотноситься с возрастом детей, с их нервной организацией и возможностями, как делала это царская чета. Психика маленького ребенка легко травмируема. Ведь и ее величество не маленьких, но повзрослевших детей посылала к туберкулезным больным, не слабую здоровьем Ольгу, но более выносливую Татьяну благословила помогать врачам при операциях.

«Что касается детей, то долг родителей — подготовить их к жизни, к любым испытаниям, которые ниспослет им Бог» — эти слова Александры Феодоровны нисколько не расходятся с другим ее утверждением: «Радость и счастье нужны детям не меньше, чем растениям нужны воздух и солнечный свет». Достичь этого поможет «не просто любовь, а культивируемая любовь в повседневной жизни семьи, выражение любви в словах и поступках. Любезность в доме — не формальная, а искренняя и естественная».

Между тем сейчас нашлись «светочи» педагогической мысли, считающие, что буквально с пеленок перед детьми надо открывать всю правду-матку жизни, со всеми ужасами и чернотой. Страшно представить себе, на что обречена в этом случае детская психика. И если ребенок уже с трех лет постоянно заглядывает в экран, перед которым, небрежно развалясь, папа и мама смотрят кровавые триллеры, боевики и порнографию, что с ним станет, что из него вырастет?

Царская чета бережно оберегала детей от всего непотребного. Да, царевич и царевны видели не только красоту, но и горесть жизни. Но они не знали мерзостей порока. Старшие царевны видели гнойные раны солдат, ампутированные руки и ноги. Смерд ран они могли ощутить — смерда человеческих пороков не ощущали даже в заключении, когда похабники-караульные всячески пытались оскорбить чистоту юных девушек.

Пьер Жильяр, преподававший великой княжне Ольге французский язык, вспоминал: «Когда она стала старше, всякий раз, как я давал ей книгу, под предлогом трудности текста или незначительности интереса, который он представлял, я отмечал на полях места или главы, которые она должна была пропускать, с тем чтобы потом вкратце передать ей их содержание. Я делал так из предосторожности».

Конечно же, Ольга не делала попыток заглянуть в отмеченный учителем текст и тем была ограждена от вольностей, которые могли встретиться во французских книгах. Юлия Ден вторит Жильяру: «Все великие княжны были бесхитростными, невинными созданиями. Ничего нечистого, дурного в их жизнь не допускалось. Ее величество очень строго следила за выбором книг,

которые они читали. В основном это были книги английских авторов. Их величества не имели ни малейшего представления о безобразных сторонах жизни».

Очень примечательный момент: вспомним, что в наши дни малыши по примеру родителей с трех лет усваивают нецензурную лексику.

Отцы и дети

В императоре и императрице не было ни капли родительского эгоизма. Огромная любовь к детям, которой жила Александра Феодоровна, не перешла в превозношение детей. Вот ее слова: «Родители иногда грешат чрезмерным беспокойством или неумными и постоянно раздражающими увещаниями, но сыновья и дочери должны соглашаться с тем, что в основе этой чрезмерной заботливости лежит глубокая тревога за них... Нет на земле более подходящего для мужчины поступка, чем тот, когда мужчина в расцвете своих сил, как малый ребенок, с любовью склоняется перед своим немощным родителем, оказывая ему почитание и уважение... Пока живы родители, ребенок всегда остается ребенком и должен отвечать родителям любовью и почтением». Что делать, чтобы так происходило в действительности? Александра Феодоровна тут же отвечает сама: «Любовь детей к родителям выражается в полном доверии к ним. Для настоящей матери важно все, чем интересуется ее ребенок. Она так же охотно слушает о его приключениях, радостях, достижениях, планах и фантазиях, как другие люди слушают какое-нибудь романтическое повествование». Когда достигнуты такие взаимоотношения, лишь тогда родительские наставления могут принести реальную пользу. Так было в святом царском семействе.

Чему же учила детей императрица Александра Феодоровна? Из письма к дочери Ольге: «Девочка моя, ты должна помнить, что одна из главных вещей — быть вежливой, а не грубой и в манерах, и в словах. Грубые слова в устах детей — это более чем некрасиво. Всегда обдумывай свое поведение, будь честной, слушай старших...»

«Дети должны учиться самоотречению, — рассуждала императрица. — Они не смогут иметь все, что им хочется. Они должны учиться отказываться от собственных желаний ради других людей. Им следует также учиться быть заботливыми. Беззаботный человек всегда причиняет вред и боль — ненамеренно, а просто по небрежности. Для того чтобы проявить заботу, не так уж много нужно — слово ободрения, когда у кого-то неприятности, немного нежности, когда другой выглядит печальным, вовремя прийти на помощь тому, кто устал. Дети должны учиться приносить пользу родителям и друг другу.

Они могут это сделать, не требуя излишнего внимания, не причиняя другим забот и беспокойства из-за себя. Как только они немного подрастут, детям следует учиться полагаться на себя, учиться обходиться без помощи других, чтобы стать сильными и независимыми».

«Наполните любовью свои дни»

Христианские принципы жизни царской четы становились принципами воспитания детей: «Мы всегда должны думать о том, чтобы наша помощь другим приносила им какую-то пользу, учила их чему-то, изменяла к лучшему характер, делала их мужественнее, сильнее, искреннее, счастливее. В мире много людей, впавших в отчаяние, и мы должны иметь сказать им слово надежды или сделать доброе дело, которое выведет их из безысходности и даст силы вернуться к радостной, полной жизни. Любовь — это самое великое в мире. Мы должны стараться, чтобы все, что мы делаем, вся наша жизнь были на благо другим людям. Мы должны так жить, чтобы никому не навредить, чтобы наша жизнь служила примером для других...»

Даже то, что нам не нравится, мы должны делать с любовью и тщанием, и перестанем видеть то, что было нам неприятно. Мы должны оказывать помощь не только, когда нас об этом попросят, но сами искать случая помочь...

Наш Господь хочет от нас, чтобы мы не предавали доверия. Верность — великое слово. Наполните любовью свои дни. Забудьте себя и помните о других. Если кому-то нужна ваша доброта, то доброту эту окажите немедленно, сейчас. Завтра может быть слишком поздно. Если сердце жаждет слов ободрения, благодарности, поддержки, скажите эти слова сегодня. Беда слишком многих людей в том, что их день заполнен праздными словами и ненужными умолчаниями, что они откладывают на потом свою заботу о ком-то. Мы не можем достаточно ясно представить себе, что многие вещи, если не сделать их сейчас, не следует делать вообще. Не уклоняйтесь от своих обязанностей, какими бы они ни были неприятными. Невыполненный долг в этот день оставит чувство пустоты, а позднее придет чувство сожаления. Делайте что-то нужное в каждый момент своей жизни. Каждый день, когда мы делаем что-нибудь хорошее в верности своей Христу, возвышает нас и устанавливает более высокую планку для нашей судьбы.

Любовь не вырастает, не становится великой и совершенной вдруг и сама по себе, но требует времени и постоянного попечения...

Всегда любить — это долг» (царица-мученица Александра Феодоровна).

Глава 7

СВОБОДА И ПОСЛУШАНИЕ

Эта проблема — свобода и послушание детей, — наверное, головная боль многих женщин, плачущих (или в раздражении кричащих): «Ах, какой мой ребенок непослушный, как я с ним замучилась!»

Дорогие мамы, папы, бабушки и дедушки. Не вы одни такие. И еще, непослушный не есть преступник. Почему в определенном возрасте ребенок начинает бунтовать? И почему укрепление в вере (нередко и у великих святых) порой происходит через мучительный внутренний бунт, помыслы безверия и даже отчаяния? Что такое свобода, которую дал нам Господь? Вероятно, каждый ответит по-разному. Но все-таки... «Свобода или послушание» или «свобода и послушание»?

Дорогие родители, не спрашивали ли вы себя, почему вы хотите, чтобы ребенок слушался вас. Государыня Александра Феодоровна не затруднилась бы ответить на этот вопрос. «Послушай, дорогая, — пишет она самой «трудной» своей дочери, Ольге, — ты должна стараться быть послушнее. Когда я тебе велю что-то делать, делай это сразу, даже если другие заняты чем-то своим. Учись послушанию, пока ты еще мала, и ты приучишься слушаться Бога, когда станешь старше».

Так вот в чем дело! Послушание нужно детям не для того, чтобы потешить родительскую гордыню, а чтобы научиться слушаться Бога; приобрести разумное послушание, т. е. христианскую добродетель, — одно из условий спасения. И если разумные родители проецируют детское послушание на высшее — на Бога, естественно, они будут стараться и сами вести себя по-христиански. «Благословение отчее утверждает дома чад, клятва же матерня искореняет до основания» (Сир. 3, 8-9) — это потрясающие слова из Священного Писания. Родительская власть над детьми дана свыше, эта власть — из той священной иерархии, на основании которой положил Господь жить и развиваться человеческому обществу. Одна из десяти основополагающих заповедей Божиих: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долгодетен будеши на земли».

В наши дни детские психиатры одной из основных причин детских болезней называют родительские требования безусловного подчинения и тоталитарный контроль над ребенком. В чем дело? Да в том, что заповеди в нашем обществе забылись вместе со страхом Божиим. И что остается? Гордыня: «Ты обязан меня слушаться!» «А почему?» — вправе спросить ребенок. Ребенок не

понимает, а если бы понимал, сформулировать бы не смог, но нередко он чувствует, что родители забыли, что тоже обязаны — обязаны своему Небесному Отцу и Господину. Что только в кротости, в смирении пред Ним они обретут истинную власть над своим чадами. А иначе получается злоупотребление властью, карикатура на нее, перехлест мутной волны гнева и самонадеянности. «Я» знаю как надо. И не слышат родители в шуме этой волны мудрейших слов апостола Павла: «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол. 3, 21). Это наставление, видимо, казалось апостолу очень важным, если он еще раз повторил: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 4). А дети убегают от родителей в опасные компании, в ранние, бездумные, обреченные на несчастье браки или становятся пациентами психологов и психиатров.

Многие из нынешних родителей, только требуя, почти ничего не отдавая, порой оскорбляя ребенка на каждом шагу (не брезгуя и сквернословием), наверное, считают, что воспитывают детей. А на самом деле они просто поддались лени и пошли по пути «наименьшего сопротивления». Ведь возиться с личностью — это так утомительно...

Жаждали ли царь Николай и царица Александра механического, «кукольного» послушания детей? Конечно же, нет! А казалось бы, чего проще — зажать царских отпрысков в строгие рамки этикета, как в корсет, по ходу дела погоняя их, как вожжами, цитатами из Священного Писания. Да нет, росли дети внутренне свободными, смеялись, шалили, весело играли, ссорились порой, проявляли характер. Так что же такое послушание?

«Часто взрослые жалуются на непослушание детей, но в их жалобах бывает непонимание самого смысла послушания, — сетует православная мать и бабушка Софья Куломзина. — Ведь послушание бывает разное. Есть послушание, которое мы должны внушить младенцу ради его безопасности: “Не трогай — горячо!”, “Не лезь — упадешь!” Но для восьми-девятилетнего уже важно иное послушание — не сделать чего-нибудь плохого, когда тебя никто не видит. А еще большая зрелость начинает проявляться, когда ребенок сам чувствует, что хорошо и что плохо, и сознательно удерживается... Цель дисциплины — научить человека владеть собой, быть послушным тому, что он считает высшим, поступать так, как он считает правильным, а не так, как ему хочется. Этим духом внутренней дисциплины должна быть проникнута вся семейная жизнь, и жизнь родителей еще больше, чем детей, и счастливы те дети, которые растут в сознании, что их родители послушны правилам, которые они исповедуют, послушны своим убеждениям. Слушаться ты должен не потому, что “я так хочу!”, а потому что “так нужно!”, и обязательность таких правил признается родителями и для самих себя».

Любые родители должны быть готовы к тому, что проблема отцов и детей придет и в их семью. Даже царское семейство не миновала эта проблема. Об этом пишет сама государыня Александра супругу: «...такое полное одиночество... У детей при всей их любви все-таки совсем другие идеи, и они редко понимают мою точку зрения на вещи, даже самые ничтожные; они всегда считают себя правыми, и, когда я говорю им, как меня воспитали и как следует быть воспитанной, они не могут понять. Только когда я спокойно говорю с Татьяной, она понимает».

Татьяна — любимица матери; судя по множеству воспоминаний, наиболее похожая на нее лицом и характером. Ольга же «скорее дочь отца». Вспомним: Пьер Жильяр писал, что только Ольга Николаевна, по его мнению, проявляла самостоятельность. И действительно, государыня пишет в этом же письме: «Ольга всегда крайне нелюбезна по поводу всякого предложения, хотя бывает, что она в конце концов делает то, что я желаю. А когда я бываю строга, она на меня дуется... с ней все делается труднее из-за ее настроения».

Из этого письма можно понять, что Татьяна для матери — образец послушания. Но вот что сама Татьяна пишет в записке к ней: «Моя дорогая, родная, милая Мама. Я прошу прощения за то, что не слушаю тебя, спорю с тобой, что непослушная. Сразу я никогда ничего не чувствую, а потом чувствую себя такой грустной и несчастной оттого, что утомила тебя, потому что тебе все время приходилось мне все повторять. Пожалуйста, прости меня, моя бесценная Мамочка. Сейчас я действительно постараюсь быть как можно лучше и добрее, потому что я знаю, как тебе не нравится, когда одна из твоих дочерей не слушается и плохо себя ведет. Я знаю, как это ужасно с моей стороны плохо себя вести, моя дорогая Мама, но я на самом деле, милая моя, буду стараться вести себя как можно лучше и никогда не утомлять тебя и всегда слушаться с первого слова. Прости меня, дорогая. Пожалуйста, напиши мне только одно слово, что ты меня прощаешь, и тогда я смогу пойти спать с чистой совестью. Да благословит тебя Бог всегда и повсюду — никому не показывай это письмо».

Поцелуй от твоей любящей, преданной, благодарной и верной дочери Татьяны».

Так каковы же должны быть мудрость матери, ее терпение и такт, чтобы у дочери-подростка с сильным самостоятельным характером в период так называемого «переходного возраста» излилось из-под пера такое трогательное, искреннее и сердечное письмо-покаяние в обыкновенном подростковом упрямстве?! Часто родители или машут рукой на такое упрямство, или борются с ним, как с самым страшным злом. Надо ли говорить, что ни то ни другое не дадут благого результата?

В письмах императрицы к детям, кроме нежности, всегда проявляется чувство уважения к человеческой личности ребенка. Обучая детей послушанию, императрица строга и последовательна: «Скажем, есть вещи, которые тебе нравится делать, но ты знаешь, что я их запретила, — стремись их не делать, даже если мое запрещение кажется тебе странным и ты не понимаешь его причины, но я-то ее знаю и знаю, что это для твоей пользы. Быстрее выполняй мои распоряжения, а не тяни время, чтобы посмотреть, делают ли другие. Ты должна показать хороший пример, а другие ему будут следовать. Внуши им, что нужно слушаться меня и папу и, конечно, Мари и С. И. Я сама была маленькой девочкой, меня учили слушаться, и я благодарна тем, кто меня учил, был строг со мной». Совершенно верно: есть родительские требования, которые детьми должны безусловно выполняться. Запреты должны быть разумными, немногочисленными, но четкими: раз нельзя — так нельзя. Однако почему в письме Александры Феодоровны не ощущается духа приказа? Только материнские любовь и теплота. Потому что любовь определяла в жизни императрицы все, а менторство вообще было ей чуждо, как христианке. И потому-то ей, своей «дорогой, милой Мама», дочери изливали сердечные тайны, будучи уверенными, что их не только выслушают, но и помогут добрым советом, продиктованным настоящим пониманием не только «взрослой жизни», но и их «детских и полудетских» проблем. Читая переписку Александры Феодоровны, удивляешься, как серьезно, с каким уважением императрица подходит к проблемам своих взрослеющих детей, удивляешься этой дружбе, основанной прежде всего на безусловном родительском авторитете, питаемом добрым примером. В отличие от многих современных родителей царь и царица не забывали и не боялись лишний раз приласкать детей, не думали, что могут этим их избаловать. Откроем наугад любое письмо Александры Феодоровны к кому-нибудь из детей: «Целую и благословляю тебя нежно. Да хранят твой сон святые ангель», «Нежно благодарю тебя за твое милое письмецо», «Моя дорогая малышка», «1000 поцелуев от твоей старой мамы». И дети в ответ находят для матери и отца самые нежные, самые ласковые слова. Доброе отношение старших рождало потребность в добровольном послушании.

«На первом месте у них стояли их величества, — писала Юлия Ден. — Первое, что неизменно спрашивали дети, как мы их называли, было: “А рара это понравится? Как ты полагаешь, тама это одобрит?” К родителям обращались просто — рара и тама».

Между тем, как мы уже говорили, даже с такими детьми родителям иногда приходилось нелегко. С. Я. Офросимовой довелось однажды наблюдать в храме такую картину: «Стоя вместе с государем на возвышении, цесаревич иногда оборачивался к солдатам и строил им такую уморительную гримасу, что по рядам солдат проходил шорох от сдерживаемого смеха, на который государь

озабоченно оглядывался, чувствуя, что цесаревич шалит, но на его обеспокоенный взгляд цесаревич отвечал такой серьезной и невинной миной, что государь успокаивался. Государю было нелегко справляться с живыми по характеру княжнами и с шалуном цесаревичем, нелегко было сдерживать проявление их живости».

Порой государь даже выходил из себя, как пишет А. А. Танеева: «Вспоминаю обед на яхте «Штандарт» в Кронштадте с массой приглашенных. Тогда великой княжне Анастасии Николаевне было пять лет. Она незаметно забралась под стол и, как собачка, там ползала: осторожно ущипнет кого-нибудь за ногу — важный адмирал в высочайшем присутствии не смеет выразить неудовольствия. Государь, поняв, в чем дело, вытащил ее за волосы, и ей жестоко досталось».

Но, хотя поведение Ольги Николаевны иногда огорчает мать, и «Мария в дурном настроении ворчит все время и огрызается», и юная Анастасия порой шаловлива не в меру, для отца и матери они все равно милые девочки. Интересно, что и царевич Алексей, которого в раннем детстве баловали по причине его тяжелой болезни, всегда был послушен родителям, несмотря на свою живость и склонность к проказам.

Непослушный ребенок никогда не станет для таких родителей, какими были царь Николай II и его супруга, противником, с которым надо воевать не жизнь, а на смерть. А для вас?

Глава 8

УКЛАД ЖИЗНИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Распорядок дня

В любой книге по воспитанию ребенка авторы обязательно порекомендуют нам приблизительный режим дня для детей разного возраста. Конечно же, режим — это очень нужно и важно (при условии, разумеется, что он не превращается в постоянную пытку для ребенка). И все бы хорошо, кроме одного: не предусмотрено время на молитву. А без этого, без освящения грядущего дня обращением к Богу все остальное уже не столь важно. В семье императора Николая Александровича было иначе. «Весь внешний и духовный уклад домашней жизни царской семьи представлял собой типичный образец

чистой, патриархальной жизни простой русской религиозной семьи, — вспоминал М. К. Дитерихс. — Вставая утром от сна или ложась вечером, каждый из членов семьи совершал свою молитву, после чего утром, собравшись по возможности вместе, мать или отец громко прочитывали прочим членам положенные на данный день Евангелие и Послания. Равным образом, садясь за стол или вставая из-за стола после еды, каждый совершал положенную молитву и только тогда принимался за пищу или шел к себе. Никогда не садились за стол, если отец чем-нибудь задерживался: ждали его».

В этом семействе чередование различных занятий также было регламентировано, и соблюдался режим достаточно строго. Но не настолько строго, чтобы стать для детей невыносимым. Распорядок дня не тяготил царевен и царевича.

Когда императорская семья пребывала в Царском Селе, ее жизнь носила более семейный характер, чем в других местах, приемы были ограничены из-за плохого самочувствия императрицы. Свита во дворце не жила, поэтому за столом семья собиралась без посторонних и совершенно запросто. Дети, подрастая, обедали вместе с родителями. Пьер Жильяр оставил описание зимы 1913/14 года, проводимой семьей в Царском Селе. Уроки с наследником начинались в 9 часов с перерывом между 11 часами и полуднем. В этот перерыв совершалась прогулка в карете, санях или автомобиле, затем занятия возобновлялись до завтрака, до часу дня. После завтрака учитель и ученик всегда проводили два часа на воздухе. Великие княжны и государь, когда бывал свободен, присоединялись к ним, и Алексей Николаевич веселился с сестрами, спускаясь с ледяной горы, которая была устроена на берегу небольшого искусственного озера. В 4 часа дня уроки возобновлялись до обеда, который подавался в 7 часов для Алексея Николаевича и в 8 для остальных членов семьи. День заканчивали чтением вслух какой-нибудь книги.

Праздность была абсолютно чужда семье последнего императора. Даже после ареста, совершившегося в Царском Селе, Николай Александрович с семейством всегда были при деле. По словам М. К. Дитерихса, «вставали в 8 часов утра; молитва, утренний чай всех вместе... Гулять разрешалось им два раза в день: от 11 до 12 часов утра и от 2 с половиной до 5 часов дня. В свободное от учебных занятий время государыня и дочери шили что-нибудь, вышивали или вязали, но никогда не оставались без какого-либо дела. Государь в это время читал у себя в кабинете и приводил в порядок свои бумаги. Вечером, после чая, отец приходил в комнату дочерей; ему ставили кресло, столик, и он читал вслух произведения русских классиков, а жена и дочери, слушая, рукодельничали или рисовали. Государь с детства был приучен к физической работе и приучал к ней и своих детей. Час утренней прогулки император обыкновенно употреблял на моцион хождения, причем его

сопровождал большей частью Долгоруков; они беседовали на современные переживавшиеся Россией темы. Иногда вместо Долгорукова его сопровождала какая-нибудь из дочерей, когда они поправились от своей болезни. Во время дневных прогулок все члены семьи, за исключением императрицы, занимались физической работой: очищали дорожки парка от снега, или кололи лед для погреба, или обрубали сухие ветви и срубали старые деревья, заготавливая дрова для будущей зимы. С наступлением теплой погоды вся семья занялась устройством обширного огорода, и в этой работе с ней вместе принимали участие некоторые офицеры и солдаты охраны, уже привыкшие к царской семье и стремившиеся выказывать ей свое внимание и доброжелательство».

Об этом же пишет и Жильяр, рассказывая о заключении царской семьи в Тобольске: «Император страдал от недостатка физического труда. Полковник Кобылинский, которому он на это жаловался, приказал привезти березовые стволы, купил пилы и топоры, и мы могли теперь заготавливать дрова, в которых так нуждались на кухне, а также в доме для топки наших печей. Эта работа на открытом воздухе являлась для нас большим развлечением за время нашего пребывания в Тобольске. Великие княжны в особенности горячо пристрастились к этому новому спорту».

Здесь нужно отметить, что такими занятиями, как, например, прополка сорняков в огороде, великие княжны не гнушались и до ареста. Старшие же дочери в последние годы царствования их отца, во время Первой мировой войны, были загружены до предела. Императрица всегда прилагала все усилия к тому, чтобы оказать реальную пользу ближним, и привлекала детей к делу благотворительности. Об этом следует, рассказать подробнее.

Благотворительность

В комментариях к дневниковым записям и переписке императрицы Александры Феодоровны мы читаем, что она в течение первых лет замужества, рожая с перерывами в два года детей и сама их нянча, в то же время курировала крупные благотворительные акции семьи: мастерские, школы, больницы, план реформирования тюрем. Собственное состояние императрицы было небольшим, и для проведения своих благотворительных акций ей приходилось урезать личные расходы. Во время голода 1898 года она дала на борьбу с ним из личных средств 50 тысяч рублей — восьмую часть годового дохода семьи. Это сверх и помимо обычных благотворительных дел.

Бесчисленное количество раз, сама часто недомогая, императрица ездила из Царского Села в Санкт-Петербург навещать больных. Будучи сама доброй

матерью, она особенно сочувствовала горестям других матерей. Люди, которых она хорошо знала, и те, которые едва знали ее, все были уверены, что найдут со стороны Александры Феодоровны теплое сочувствие своим бедам.

С особой теплотой вспоминают об Александре Феодоровне ее близкие подруги Анна Танеева и Юлия Ден. Они были именно подругами царицы, а не придворными дамами, близко соприкасались с семьей императора и оставили о ней бесценные записи. Танеева много помогала императрице в благотворительных начинаниях, к которым постоянно привлекались и царские дети. Рассказ Анны Танеевой очень интересен. «Воспитанной в Англии и Германии императрице, — писала она, — не нравилась пустая атмосфера петербургского света, и она все надеялась привить вкус к труду. С этой целью она основала Общество рукоделия, члены которого — дамы и барышни обязаны были сработать не менее трех вещей в год для бедных. Сначала все принялись за работу, но вскоре, как и ко всему, наши дамы охладели, и никто не мог сработать даже трех вещей в год. Идея не привилась. Невзирая на это государыня продолжала открывать по всей России дома трудолюбия для безработных, учредила дома призрения для падших девушек, страстно принимая к сердцу все это дело...

Описывая жизнь в Крыму, я должна сказать, какое горячее участие принимала государыня в судьбе туберкулезных, приехавших лечиться в Крым, Санатории в Крыму были старого типа. Осмотрев их все в Ялте, государыня решила сейчас же построить на свои личные средства в их имениях санатории со всеми усовершенствованиями, что и было сделано. Часами я разъезжала по приказаниям государыни по больницам, расспрашивая больных от имени государыни о всех их нуждах. Сколько я возила денег от ее величества на уплату лечения неимущим! Если я находила какой-нибудь вопиющий случай одиноко умирающего больного, императрица сейчас же заказывала автомобиль и отправлялась со мной, лично “привозя деньги, цветы, фрукты, а главное, обаяние, которое она всегда умела внушить в таких случаях, внося с собой в комнату умирающего столько ласки и бодрости. Сколько я видела слез благодарности! Но никто об этом не знал: государыня запрещала мне говорить об этом. Императрица организовала четыре больших базара в пользу туберкулезных в 1911 — 1914 годах; они принесли массу денег. Она сама работала, рисовала и вышивала для базара и, несмотря на свое некрепкое здоровье, весь день стояла у киоска, окруженная огромной толпой народа. Полиции было приказано пропускать всех, и люди давили друг друга, чтобы получить что-нибудь из рук государыни или дотронуться до ее платья; она не уставала продавать вещи, которые буквально вырывали из ее рук Маленький Алексей Николаевич стоял возле нее на прилавке, протягивая ручки с вещами восторженной толпе. В день “белого цветка” императрица отправлялась в Ялту

в шарбанчике с корзинами белых цветов; дети сопровождали ее пешком. Восторгу населения не было предела. Народ, в то время не тронутый революционной пропагандой, обожал их величества, и это никогда нельзя забыть...

Государыня любила посещать больных — она была врожденной сестрой милосердия; она вносила с собой к больным бодрость и нравственную поддержку. Раненые солдаты и офицеры часто просили ее быть около них во время тяжелых перевязок и операций, говоря, что “не так страшно”, когда государыня рядом. Как она ходила за своей больной фрейлиной княжной Орбельяни! Она до последней минуты жизни княжны оставалась при ней и сама закрыла ей глаза. Желая привить знание и умение надлежащего ухода за младенцами, императрица на личные средства основала в Царском Селе школу нянь. Во главе этого учреждения стоял детский врач доктор Раухфус. При школе находился приют для сирот на пятьдесят кроватей. Также она основала на свои средства Инвалидный дом для двухсот солдат — инвалидов Русско-японской войны. Инвалиды обучались здесь всякому ремеслу, для каковой цели при доме имелись огромные мастерские. Около Инвалидного дома, построенного в царскосельском парке, императрица устроила целую колонию из маленьких домиков в одну комнату с кухней и с огородами для семейных инвалидов. Начальником Инвалидного дома императрица назначила графа Шуленбурга, полковника Уланского Ее Величества полка.

Кроме упомянутых мной учреждений, государыня основала в Петербурге школу народного искусства, куда приезжали девушки со всей России обучаться кустарному делу. Возвращаясь в свои села, они становились местными инструкторшами. Девушки эти работали в школе с огромным увлечением. Императрица особенно интересовалась кустарным искусством; целыми часами она с начальницей школы выбирала образцы, рисунки, координировала цвета и так далее. Одна из этих девушек преподавала моим безногим инвалидам плетение ковров. Школа была поставлена великолепно и имела огромную будущность...

Все, кто страдал, были близки ее сердцу, и она всю себя отдавала, чтобы в минуту скорби утешить человека.

Я видела русскую императрицу в операционной госпиталя державшей склянки с эфиром, подающей простерилизованные инструменты, помогающей при самых трудных операциях, принимающей от хирургов ампутированные конечности, убирающей пропитанные кровью и даже кишасие паразитами бинты, выносящей все эти запахи, зрелище и агонию в самом ужасном на земле месте — в военном госпитале во время войны. Она делала свою работу с тихим смирением и неутомимостью человека, которому Бог предназначил это

служение. Татьяна была почти такой же верной, как и ее мать, и жаловалась только, что из-за молодости ее освобождают от самой трудной работы. Императрицу ни от чего не освобождали, и она сама этого не желала.

К рассказу преданной подруги императрицы практически нечего добавить. Из этого рассказа, а также из множества других воспоминаний совершенно очевидно, что дети разделяли бескорыстные материнские труды, направленные на помощь людям. Так было и в мирное время, но особенно в тяжкие дни Русско-японской и Первой мировой войн. Залы Зимнего Дворца ее величество обратила в мастерские, собрала сотни знатных дам и девиц, организовала рабочую общину. Сама неутомимо работала, и все дочери брали с матери пример, усердно шили и вязали, не исключая и великую княжну Ольгу Николаевну, не любившую рукодельничать. Только одно Харбинское депо получило от Зимнего Дворца до двенадцати миллионов разных вещей.

«Августейшая семья не ограничивалась денежной помощью, но жертвовала и своими личными трудами, — свидетельствует инок Серафим (Кузнецов) в книге «Православный царь-мученик». — Сколько руками царицы и дочерей было вышито церковных воздухов, покровов и других вещей, рассылаемых военным, монастырским и бедным церквам. Мне лично приходилось видеть эти царские подарки и иметь даже у себя в далекой пустынной обители». Александра Феодоровна сама писала государю во время Первой мировой войны: «Выставка-базар действуют очень хорошо. Наши вещи раскупаются прежде, чем они появятся; каждой из нас удается ежедневно изготовить подушку и покрывало».

До петровских времен занятие рукоделием как раз и было главным делом цариц и царевен, но работа супруги и дочерей императора в качестве медицинских сестер оказалась начинанием неслыханным, вызвавшим изумление и нарекания в светском обществе. Было совершенно непонятно, зачем императрице это нужно. Ее обвиняли в лицемерии, не представляя, что лихорадочная деятельность в госпитале, по воспоминаниям очевидцев, не прекращалась с раннего утра до поздней ночи. Вставали государыня и ее старшие дочери рано, ложились иногда в два часа ночи. Когда прибывали санитарные поезда, императрица и великие княжны делали перевязки, ни на минуту не присаживаясь с 9 часов иногда до 3 часов дня. Во время тяжелых операций раненые умоляли государыню быть рядом, умирающие просили ее посидеть возле кровати, подержать им руку или голову, и она невзирая на усталость успокаивала их целыми часами.

Кроме работы в Царском Селе, Александра Феодоровна иногда с государем, а иногда одна с двумя старшими дочерьми посещала учреждения Красного Креста в западных и центральных городах России. Великим князьям часто

приходилось сопровождать государыню в поездках по России, они посещали военные госпитали, ездили в Ставку. «Великие княжны очень любили эти поездки в Могилев, — писал П. Жильяр, — всегда слишком короткие, как им казалось: это вносило небольшую перемену в их однообразную и суровую жизнь. Они пользовались там большей свободой, чем в Царском Селе.

Станция в Могилеве была очень далеко от города и стояла почти в поле. Великие княжны пользовались своими досугами, чтобы посещать окрестных крестьян и семьи железнодорожных служащих. Их простая и безыскусственная доброта побеждала все сердца, и, так как они очень любили детей, их всегда можно было видеть окруженными толпой ребятишек, которых они собирали по дороге и закармливали конфетами».

Но обыкновенно, по словам Т. Мельник-Боткиной, «во время войны и без того скромная жизнь царской семьи проходила одинаково изо дня в день за работой». Как же непохож был уклад жизни этой удивительной семьи на то, что можно было увидеть в семьях современной им знати и тех, кто за этой знатью тянулся! Мудрено ли, что так светское общество ненавидело святое семейство, жизнь которого была им немим укором и примером, следовать которому не хотели.

Образование

Поскольку время императора Николая было всецело отдано государственным делам, образованием детей заведовала Александра Феодоровна. Пьер Жильяр, вспоминая первые свои уроки с Ольгой и Татьяной, которым было тогда соответственно десять и восемь лет, так описывал отношение императрицы к учебным занятиям дочерей: «Императрица не упускает ни одного моего слова; у меня совершенно ясное чувство, что это не урок, который я даю, а экзамен, которому я подвергаюсь... В течение следующих недель императрица регулярно присутствовала на уроках детей... Ей часто приходилось, когда ее дочери оставляли нас, обсуждать со мной приемы и методы преподавания живых языков, и я всегда поражался здравым смыслом и проницательностью ее суждений». Жильяр явно был удивлен таким отношением государыни и «сохранил совершенно отчетливое воспоминание о крайнем интересе, с каким императрица относилась к воспитанию и обучению своих детей, всецело преданная своему долгу». Он рассказывает о том, что Александра Феодоровна хотела внушить дочерям внимательность к наставникам, «требуя от них порядка, который составляет первое условие вежливости... Пока она присутствовала на моих уроках, я всегда при входе находил книги и тетради старательно расположенными на столе перед местом каждой из моих учениц. Меня никогда не заставляли ждать ни одной минуты».

Не один Жильяр свидетельствует о таком внимании государыни к учебным занятиям детей. Софи Бухсгевден также пишет: «Ей нравилось присутствовать на уроках, обсуждать с учителями направление и содержание занятий». Да и сама Александра Феодоровна рассказывала императору в письме: «Дети начали свои зимние уроки. Мария и Анастасия недовольны, но Беби все равно. Он готов еще больше учиться, так что я сказала, чтобы уроки продолжались вместо сорока пяти минут, так как теперь, слава Богу, он гораздо крепче».

Некоторые противники канонизации царской семьи возмущались, как могли православные родители, имеющие возможность выбирать наставников для своих детей, назначить учителями к ним иностранцев, инославных. Вновь обратившись к воспоминаниям А. А. Танеевой, посмотрим, ошиблась ли в этом августейшая чета:

«Старшим учителем, который заведовал их образованием, был некий П. В. Петров. Он назначал к ним других наставников. Кроме него, из иностранцев были Mr. Gibbs, англичанин, и Mr. Gilliard. Первой их учительницей была госпожа Шнейдер, бывшая раньше учительницей великой княжны Елизаветы Феодоровны. Она же потом обучала русскому языку молодую государыню и так и осталась при дворе. У Трины — так ее называла государыня — был не всегда приятный характер, но она была предана царской семье и последовала за ней в Сибирь. Из всех учителей дети их величеств больше всего любили Gilliard'a (Пьера Жильяра. — М.К.), который сначала учил великих княжон французскому языку, а после стал гувернером Алексея Николаевича; он жил во дворце и пользовался полным доверием их величеств. Mr. Gibbs'a тоже очень любили; оба последовали в Сибирь и оставались с царской семьей, пока большевики их не разлучили».

Даже после отречения государя от престола и ареста всей семьи, не зная, что ожидает всех их в будущем, августейшие родители решили, что дети не должны прерывать учебу. «По мере выздоровления их высочества принялись за уроки, но так как учителей к ним не допускали, за исключением тоже арестованного Жильяра, то эти обязанности ее величество разделила между всеми. Она лично преподавала всем детям Закон Божий, его величество — Алексею Николаевичу географию и историю, великая княжна Ольга Николаевна — своим младшим сестрам и брату английский язык, Екатерина Адольфовна — арифметику и русскую грамматику, графиня Генне — историю, доктору Деревенько было поручено преподавание Алексею Николаевичу естествознания, а мой отец занимался с ним русским чтением. Они оба увлекались лирикой Лермонтова, которого Алексей Николаевич учил наизусть; кроме того, он писал переложения и сочинения по картинам, и мой отец наслаждался этими занятиями» (Т. С. Мельник-Боткина).

Развлечения

То, что царские дети никогда не сидели без дела, вовсе не значит, что они вообще не отдыхали. Детские игры государыня тоже считала делом, причем делом весьма важным: «Просто преступление — подавлять детскую радость и заставлять детей быть мрачными и важными... Их детство нужно по мере возможности наполнить радостью, светом, веселыми играми. Родителям не следует стыдиться того, что они играют и шалят вместе с детьми. Может, именно тогда они ближе к Богу, чем когда выполняют самую важную, по их мнению, работу».

Родителей, которые захотят послушаться мудрого совета императрицы Александры Феодоровны, эти слова могут предостеречь сразу от двух ошибок. Первая: у взрослых есть склонность резко ограничивать ребячьи забавы, при этом часто забывают, что дети есть дети и нельзя постоянно приносить их игру в жертву занятиям, пусть даже самым важным. Вторая ошибка: пустить ребенка на самотек, не интересуясь его занятиями в часы досуга, как, например, делают многие мамы, разрешая детям часами напролет играть в компьютерные игры. Организовать детскую игру ненавязчиво и мудро — большой талант. К счастью для себя, царские дети не знали компьютеров и у них были мудрые, любящие родители, всегда готовые разделить их забавы, а потому и отдых великих княжон и наследника всегда был веселым и здоровым.

Если бы сейчас родители сами играли с детьми или хотя бы просто вдумывались, во что играют и как развлекаются их чада, можно было бы избежать многих бед. Это не преувеличение. Что такое для ребенка игра? Акт творчества, познания, первые уроки жизни. Нормальная детская игра развивает ребенка, учит его принимать решения, быть самостоятельным. Правда, это не значит, что детские игры надо строго регламентировать. Иначе родители, испугавшись впасть в две первые ошибки, совершат третью — станут постоянно вмешиваться в игру ребенка «со своей взрослой колокольни», желая сделать ее правильной и «развивающей».

О том, что ее величество не из-за «педагогических принципов», но от сердца испытывала потребность разделять досуг детей, говорит выдержка из ее письма к старшей дочери: «И то, что любящая вас старушка мама всегда болеет, также омрачает вам жизнь, бедные дети. Мне очень жаль, что я не могу больше времени проводить с вами и читать, и шуметь, и играть вместе, но мы должны все вытерпеть». Совершенно искренний вздох!

Царь Николай, как уже было упомянуто, тоже очень любил проводить время с детьми, играя и развлекаясь с ними. «Во время дневных прогулок государь, любивший много ходить, обыкновенно обходил парк с одной из дочерей, но ему

случалось также присоединяться к нам, и с его помощью мы однажды построили огромную снеговую башню, которая приняла вид внушительной крепости и занимала нас в продолжение нескольких недель» (П. Жильяр). Благодаря Николаю Александровичу его дети полюбили физические упражнения. Сам государь, по рассказу Юлии Ден, любил бывать на свежем воздухе, он был отменным стрелком, превосходным спортсменом. У него были чрезвычайно сильные руки. Излюбленным его развлечением являлась гребля. Он любил байдарку и каноэ. Когда императорская семья отдыхала в финских шхерах, государь проводил на воде целые часы.

Внешних развлечений, вроде выездов, балов, царские дети практически не знали. Они сами придумывали себе занятия, кроме игр на воздухе, прогулок и физических упражнений, — например, организовывали домашние театральные постановки. Эти маленькие пьесы всегда становились радостным событием, давали и детям и родителям душевное отдохновение даже в трагические дни их заключения. Великие княжны очень любили решать головоломки. А царевич Алексей, как любой мальчишка, собирал в карман всякие мелочи — гвозди, веревки, и так далее — самые интересные игрушки.

Большой радостью были для царских детей летние поездки в шхеры или в Крым. Во время этих небольших путешествий матросы учили детей плавать. «Но и кроме купания, в этих поездках было много радостного: катание на шлюпках, поездки на берег, на острова, где можно было возиться, собирать грибы. А сколько интересного на яхтах и судах, их сопровождавших! Гребные и парусные гонки шлюпок, фейерверк на островах, спуск флага с церемонией» (П. Савченко).

Вся семья любила животных. Кроме собак и кота, у них был осел Ванька, с которым очень любил играть цесаревич. «Ванька был бесподобное, умное и забавное животное, — вспоминает П. Жильяр. — Когда Алексею Николаевичу захотели подарить осла, долго, но безрезультатно обращались ко всем барышникам в Петербурге; тогда цирк Чинизелли согласился уступить старого осла, который по дряхлости уже не годился для представлений. И вот таким образом “Ванька” появился при дворе, вполне оценив, по-видимому, дворцовую конюшню. Он очень забавлял нас, так как знал много самых невероятных фокусов. Он с большой ловкостью выворачивал карманы в надежде найти в них сладости. Он находил особую прелесть в старых резиновых мячиках, которые небрежно жевал, закрыв один глаз, как старый янки».

Так проводили досуг четыре дочери и сын императора Николая II. Их игры и развлечения, способствуя жизнерадостности, нисколько не нарушали детской непосредственности, укрепляли дружбу детей с родителями. Эта тесная дружба способствовала единению семьи не только в радости, но и в горе, когда в

заточении святое семейство явило даже враждебно относящимся к ним людям удивительный пример любви и сплочения перед лицом смертельной опасности.

Глава 9

ВОСПИТАНИЕ ДОЧЕРЕЙ

Истинная женственность — в чистоте

Без чистоты невозможно представить истинную женственность. Даже среди этого мира, погрязшего в грехах и пороках, возможно сохранить эту святую чистоту» (императрица Александра Феодоровна). Супруга Николая II, несомненно, лучше многих понимала, как велико предназначение женщины, как свята ее истинная красота — в вере, чистоте и смирении. В этом и сила женщин. Но сами они нередко об этом забывают, а еще чаще, пожалуй, забывают мужчины. Потому-то, чувствуя себя униженными и бесправными, отважные, но недалёковидные девушки девятнадцатого века дерзко ломали традиционные представления о женщине, бросая вызов сильному полу. В чем-то были они, наверное, правы — хотя бы в том, что утверждали: нельзя женщинам лишь наряжаться и красоваться. Но в целом проиграли. Они же не могли заглянуть в наш век, дабы узреть чудовищные плоды «победившей» эмансипации.

Сейчас, пожалуй, одни только православные бьют тревогу: мы теряем женщину! Извлекаются на свет Божий и переиздаются книги, брошюры о христианском воспитании девочек, о месте женщины в семье и обществе. Попытки эти выглядят во многом беспомощными: предлагаемая литература безнадежно устарела, так как между 1917 годом и нынешним днем почти непроходимая пропасть. Дворянки, разночинки еще, пожалуй, и могли бы что-нибудь почерпнуть из этих книг, но православная христианка XXI века учиться по ним уже не сможет. Так у кого же учиться? Где искать идеал для подражания? И вновь мы ответим — в семье последнего российского императора.

Есть одна книга, которая не устареет никогда. Конечно, это Библия. В первую очередь Новый Завет. Именно в духе этой всегда современной книги и были воспитаны дочери государя Николая II. Разрабатывали ли отец и мать какую-то особую программу воспитания? Думается, помогая своим девочкам взрослеть и познавать жизнь, они просто руководствовались мудрыми принципами собственной жизни. Успехи воспитания оказались несомненными: «Великие княжны выросли простыми, ласковыми, образованными девушками,

ни в чем не выказывавшими своего положения в общении с другими» (А. А. Танеева), «Трудно представить себе более очаровательных, чистых и умных девочек» (С. К. Бухсгевден), «В общем трудно определяемая прелесть этих четырех сестер состояла в их большой простоте, естественности, свежести и врожденной доброте» (П. Жильяр).

С. Я. Офросимова: «Жизнь княжон не была ни веселой, ни разнообразной. Воспитывались они в строгом патриархальном духе, в глубокой религиозности. Это и воспитало в них ту веру, ту силу духа и смирения, которые помогли им безропотно и светло вынести тяжелые дни заточения и принять мученическую смерть. Государыня не позволяла княжнам ни одной секунды сидеть без дела. Они должны были быть всегда занятыми, всегда находиться в действии. Чудные работы и вышивки выходили из-под их изящных, быстрых ручек. Внешне однообразную свою жизнь княжны наполняли весельем своих жизнерадостных и живых характеров. Они умели находить счастье и радость в малом. Они были юны не только своими годами, но были юны в самом глубоком смысле этого слова — их радовало все: солнце, цветы, каждая минута, проведенная с отцом, каждая короткая прогулка, во время которой они могли посмотреть на толпу; они радовались каждой улыбке незнакомых или прохожих; они сияли всем лаской и яркими красками цветущих русских лиц. Везде, где они появлялись, звучал их веселый звонкий смех. Никто и никогда не чувствовал себя с ними стесненно, их простота делала всех такими же простыми и непринужденными, какими они были сами».

Один из главных секретов успеха в воспитании был прост, и мы уже упоминали о нем: отец и мать принимали своих четырех столь непохожих друг на друга дочерей такими, какими их сотворил Бог, не пытаясь «уравнять» детей или в чем-то переломить их нравы. Все в юных царевнах воспринималось родителями как данное, начиная... с пола. Да, именно так, потому что горячее желание иметь сына у их величеств было связано прежде всего с проблемами престолонаследия. Но императрица Александра Феодоровна даже в том, что определяется единственно Богом, оказалась «виноватой» перед родственниками своего царственного супруга! Иные из Романовых не понимали, что их ропот против ни в чем не повинной царицы, у которой поначалу рождались одни дочери, был направлен в первую очередь против Господа Бога, Который Сам определил, кто должен послужить Ему в святом семействе. Но самое главное лицо, заинтересованное в наследнике, — император Николай никогда не переставал быть чутким и любящим супругом. «Когда три девочки родились одна за другой, молва упрекала в этом государыню. Государь, естественно, тоже мечтал о наследнике, но он никогда этого не показывал» (С. К. Бухсгевден).

Можно представить себе, с каким трепетом и надеждой ждали царь и царица сына, особенно мечтая о нем во время третьей и тем более четвертой

беременности государыни. «При рождении четвертой дочери, великой княжны Анастасии, по рассказам графа Бенкендорфа, когда государю сообщили о рождении девочки, он долго гулял в одиночестве и был грустным. Но, вернувшись, он совсем переменялся, с улыбкой вошел в комнату императрицы и поцеловал новорожденного ребенка (С. К Бухсгевден)».

Да, о неприятии пола не могло быть и речи — и это в семье, где просто необходим был мальчик, наследник. Что же сказать о некоторых родителях, которые подспудно, а иногда и явно отвергают новорожденного малыша, если ему не посчастливилось родиться того пола, о котором мечтали взрослые?! Некоторые из-за этого начинают иногда воспитывать мальчика как девочку, а девочку — как мальчика.

Подруга всех четырех великих княжон Юлия Ден — Лили, как называли ее вслед за матерью царевны, также свидетельствует, что ее величество страстно желала сына и появление на свет четырех дочерей было для нее в известной степени разочарованием. Однако государыня любила своих дочек, они были ее друзьями, преданными помощницами, а простое, но довольно строгое воспитание отнюдь не превращало их в золушек.

Воспитание дочерей в царской семье действительно было строгим, поскольку так была воспитана сама Александра Феодоровна, да и государя Николая в детстве не баловал отец — император Александр III. Царевны спали на походных кроватях, мало покрытые, каждое утро принимали холодную ванну. Государыня, сама очень скромная в одежде, в выборе причесок, не позволяла и дочерям много наряжаться. Великая княжна Ольга Николаевна полностью восприняла это отношение к роскоши и, по воспоминаниям, одевалась очень скромно, постоянно одергивая в этом отношении других сестер.

Мы знаем, что каждый рубль, сэкономленный на каком-нибудь роскошном платье, шел на благотворительность. Может быть, Александра Феодоровна, будь она обычной матерью, и побаловала бы дочерей, но она чувствовала постоянную ответственность за своих подданных: когда началась Первая мировая война, новые платья вообще перестали шиться. Великим княжнам приходилось самим аккуратно чинить свою одежду. Получилось точь-в-точь по апостолу Павлу: не плетением волос украшались царские дочери, но добрым и смиренным нравом.

Кажется, царевны в силу своего особого положения должны были получить какое-то необычное воспитание. Однако умная и строгая мать воспитывала прежде всего будущих женщин, христианок и просто достойных людей, но ни в коем случае не изнеженных принцесс, недоступных простым смертным. Все

вспоминают о том, что дочери царя, кроме, пожалуй, Татьяны Николаевны, мало думали о своем высоком положении, да и Татьяну обзывала к этому лишь ее высокая общественная активность.

Еще раз обратим внимание на то, что государыня занималась детьми сама — ведь постоянный контакт с матерью особенно важен для девочек. По воспоминаниям Софи Бухсгевден, императрица в самом деле воспитывала дочерей сама, и делала это прекрасно. Она проявляла свой авторитет только при необходимости, и это не нарушало той атмосферы абсолютного доверия, которая царилла между нею и дочерьми. Александра Феодоровна понимала жизнерадостность юности и никогда не сдерживала девочек, если они шалили и смеялись.

По словам Жильяра, обстоятельства рано приучили всех четырех сестер довольствоваться самими собой и своей природной веселостью: «Как мало молодых девушек без ропота удовлетворялись бы таким образом жизни, лишенным всяких внешних развлечений. Единственную отраду его представляла прелесть тесной семейной жизни, вызывающей в наши дни такое пренебрежение». Девушки чувствовали разобщенность с окружающими, но при этом были всегда веселы, жизнерадостны, неизменно добры и приветливы ко всем. «Все они, не исключая и Татьяны Николаевны, были очень милыми, симпатичными, простыми, чистыми, невинными девушками; они в своих помыслах были куда чище очень многих современных девиц и гимназисток, даже младших классов гимназии» (полковник Кобылинский).

Что побуждало царственную чету фактически изолировать дочерей от света? Дело не только в том, что болезнь наследника вынуждала семью ограничить внешнее общение. Государыня знала так называемый свет, естественно, не понаслышке, больше всех страдая от клеветы, наблюдая развращенность нравов и торжество гордыни. Зная, что дворцовое окружение будет тлетворно влиять на юных девушек, Александра Феодоровна резко ограничивала их общение с придворной знатью, заслужив еще больше упреков и оскорблений этой знати. Ольге Николаевне лишь один раз довелось танцевать на взрослом балу. Танеева писала: «Императрица боялась дурного влияния светских барышень и даже не любила, когда ее дети виделись с двоюродной сестрой — Ириной Александровной. Впрочем, они не страдали от скуки; когда они выросли, они постоянно увлекались и мечтали то о том, то о другом. Летом они играли в теннис, гуляли, гребли с офицерами яхты или охраны. Эти детские наивные увлечения забавляли родителей, которые постоянно подтрунивали над ними. Великая княгиня Ольга Александровна (сестра императора. — М. К) устраивала для них собрания молодежи. Иногда и у нее пили чай со своими друзьями. Портнихой была у них M-m Brisac; одевались они просто, но со вкусом, летом — почти всегда в белом. Золотых вещей у них было немного. В двенадцать лет

они получали первый золотой браслет, который никогда не снимали».

Родители считали своей наиважнейшей задачей хранение целомудрия дочерей. Судя по переписке с матерью, и Ольга, и Татьяна были увлечены кем-то, особенно Ольга. Со стороны Александры Феодоровны они встретили сочувствие и мудрое понимание женщины, достаточно много прожившей на свете. Государыня, зная, что ее дочери слишком молоды, что для великих княжон в силу их особого положения выбор друга сердца достаточно затруднителен, мягко наставляла дочерей учиться управлять своими сердечными желаниями. Резкость по отношению к детям вообще не была ей свойственна, тем более в таких предметах, где необходимо проявлять особенную чуткость.

Не было и речи в этой воистину православной семье о каких-то странных принципах воспитания дочерей, которые почему-то пропагандируются в некоторых современных православных брошюрах, — например, что девочкам нельзя преподавать иностранные языки, да и лучше бы им вообще поменьше учиться, а заниматься только домашним хозяйством. Некоторые не в меру ревностные в благочестии родители не разрешают дочерям заниматься физическими упражнениями. А дочери императора Николая учились, изучали иностранные языки, играли в теннис и ездили верхом. При этом не представляли себе жизни без Церкви. И не было в их образе жизни ни малейшего намека на эмансипацию.

А ведь женский вопрос был весьма актуален в дореволюционной России. Он же породил встречный вопрос в православной среде: как воспитывать девочку? Протоиерей Димитрий Соколов в книге «Назначение женщины по учению слова Божия» писал: «Естественно встает вопрос: должно ли готовить ее (девицу. — М. К.) к общечеловеческому назначению или к частному — к супружеству? Все писавшие о воспитании девиц не соглашались между собой в этом отношении. На этот вопрос мы отвечаем на основании Священного Писания, что подготовка к тому или другому назначению, взятая отдельно, не достигает цели. Нет сомнения, что девица должна быть подготовлена к общечеловеческому назначению, которое состоит в прославлении и исполнении дел Бога, сотворившего человека по образу Своему. Но независимо от главного назначения, какое женщина разделяет с мужчиной, она имеет еще назначение частное, как помощница мужа, — назначение, к которому и должна быть подготовлена. Только и эта подготовка к частному назначению не должна быть исключительной: не всякая женщина бывает призвана к супружеству, а потому воспитание, данное единственно в этом виде, не достигло бы своей цели».

Все верно. Но если протоиерей Димитрий считал, что вопрос, на который он дает ответ, «естественно» встал перед растерявшимся обществом, то нам теперь

ясно, что перед царственной четой он точно так же «естественно» не вставал. Воспитывать дочь для замужества или общественной жизни — такой вопрос был просто невозможен в императорском семействе. О том, что в силу своего положения великие княжны должны были иметь обязанности перед обществом, спора не было — главное, они должны были научиться достойно их выполнять. Но в представлении государыни Александры Феодоровны спора не было и в том, что дом и семья — это то, что держится в первую очередь на женщине и каждая девушка обязана понять это еще в детстве.

Царица обучала дочерей основам домашнего хозяйства, хотела видеть в них настоящих помощниц, царевны вышивали, шили рубашки, гладили белье. Александра Феодоровна воспитывала в них чувство дома. Но каждая из сестер в силу своей индивидуальности воспринимала по-разному материнские уроки.

В дочерях Николая II мы находим четыре различных женских типа, четыре непохожих характера. Рассмотрим же их подробнее.

Великая княжна Ольга Николаевна — образец истинной женской красоты

Юлия Ден вспоминала: «Самой старшей из четырех сестер-красавиц была великая княжна Ольга Николаевна. Это было милое создание. Всякий, кто видел ее, тотчас влюблялся. В детстве она была некрасивой, но в пятнадцать лет как-то сразу похорошела. Немного выше среднего роста, свежее лицо, темно-синие глаза, пышные светло-русые волосы, красивые руки и ноги. К жизни Ольга Николаевна относилась серьезно, была наделена умом и покладистым характером. На мой взгляд, это была волевая натура».

Почему-то традиционно главным достоинством женщины является красота. Не будем и мы спорить с тем, что воспевалось веками. Да только не обойтись без вопроса: а что, собственно, есть красота? Ведь образ русской красавицы разительно отличается от западных идеалов. На Святой Руси телесная красота женщины подчинена красоте ее души, красотой души и сотворяется. На Западе красота телесная есть первое и единственное женское достоинство. В наши дни это вылилось в ужасные формы. Телевидение заполонила реклама косметики, шампуней, лаков для ногтей. Нам внушается — настоящая женщина — та, которая больше других похожа на куклу, которая неизменно возбуждает похоть во всех проходящих мимо мужчинах. Женщина-хищница, женщина-обольстительница и... всего лишь красивая мужская игрушка.

Настоящая красота ненавязчива и чиста. Ее может и не быть в том понимании, к которому мы привыкли, — гармоничность черт лица, красивые

формы... Это красота пушкинской Татьяны, в которой по замыслу автора не было ничего ослепительного, но... Пример такой красоты имеем мы в старшей дочери государя Николая великой княжне Ольге, которую, по мнению С. Я. Офросимовой, в строгом смысле слова нельзя назвать красивой, «но все ее существо дышит такой женственностью, такой юностью, что она кажется более чем красивой. Чем больше глядишь на нее, тем милевиднее и прелестнее становится ее лицо. Оно озарено внутренним светом, оно становится прекрасным от каждой светлой улыбки, от ее манеры смеяться, закинув головку слегка назад, так что виден весь ровный, жемчужный ряд белоснежных зубов. Умело и ловко спорится работа в ее необыкновенно красивых и нежных руках. Вся она, хрупкая и нежная, как-то особенно заботливо и любовно склоняется над простой солдатской рубашкой, которую шьет. Ее мелодичный голос, ее изящные движения, вся ее прелестная тонкая фигурка — олицетворение женственности и приветливости. Она вся ясная и радостная. Невольно вспоминаются слова, сказанные мне одним из ее учителей: “У Ольги Николаевны хрустальная душа”».

Хрустальная душа творит и внешне прекрасный образ, лицо девушки озарено внутренним светом — отблеском светлой души.

Анна Танеева считала, что Ольга и Мария Николаевны были похожи на семью отца и имели чисто русский тип. «Ольга Николаевна была замечательно умна и способна, и учение было для нее шуткой, почему она иногда ленилась. Характерными чертами у нее были сильная воля и неподкупная честность и прямота, в чем она походила на мать. Эти прекрасные качества были у нее с детства, но ребенком Ольга Николаевна бывала нередко упряма, непослушна и очень вспыльчива; впоследствии она умела себя сдерживать. У нее были чудные белокурые волосы, большие голубые глаза и дивный цвет лица немного вздернутый нос, походивший на государев».

Софи Бухсгевден оставила такое описание великой княжны Ольги, гармонично дополняющее воспоминания Танеевой: «Великая княжна Ольга Николаевна была красивая, высокая, со смеющимися голубыми глазами... она прекрасно ездила верхом и танцевала. Из всех сестер она была самая умная, самая музыкальная; по мнению ее учителей, она обладала абсолютным слухом. Она могла сыграть на слух любую услышанную мелодию, переложить сложные музыкальные пьесы... Ольга Николаевна была очень непосредственна, иногда слишком откровенна, всегда искренна. Она была очень обаятельная и самая веселая. Когда она училась, бедным учителям приходилось испытывать на себе множество ее всевозможных шуточек, которые она изобретала, чтобы подшутить над ними. Да и повзрослев, она не оставляла случая позабавиться. Она была щедрой и немедленно отзывалась на любую просьбу». М. К. Дитерихс: «Великая княжна Ольга Николаевна представляла собою типичную хорошую русскую

девушку с большой душой. На окружающих она производила впечатление своей ласковостью, своим чарующим милым обращением со всеми. Она со всеми держала себя ровно, спокойно и поразительно просто и естественно. Она не любила хозяйства, но любила уединение и книги. Она была развитая и очень начитанная; имела способность к искусствам: играла на рояле, пела и в Петрограде училась пению, хорошо рисовала. Она была очень скромной и не любила роскоши».

Кого напоминают все эти прекрасные портреты? Ловишь себя на мысли, что при приближении к этому очаровательному образу невольно вспоминается идеал всех девочек — добрая и скромная принцесса из сказки (именно принцесса, а не королева — о королеве речь пойдет позднее). Хрупкая, нежная, утонченная, не любящая домашнего хозяйства... И чисто русский тип, присущий, по словам Танеевой, Ольге Николаевне, не мешает, а гармонично дополняет этот образ. Недаром и там, где, по нашим детским представлениям, самое место настоящей принцессе — на балу, — успела побывать из четырех сестер только Ольга Николаевна. «На настоящем балу была только великая княжна Ольга Николаевна, и то всего один раз, в день трехсотлетия Дома Романовых. В этот вечер личико ее горело таким радостным смущением, такой юностью и жаждой жизни, что от нее нельзя было отвести глаз. Ей подводили блестящих офицеров, она танцевала со всеми и женственно, слегка краснея, благодарила по окончании танца кивком головы. Остальным княжнам так и не удалось побывать на настоящем балу» (С. Я. Офросимова).

Пьер Жильяр, описывая свое первое знакомство с высокородной ученицей, которая впоследствии станет его любимой ученицей, выделяемой из всех, сразу отметил и ребяческую бойкость, и девичью чистоту маленькой принцессы: «Старшая из великих княжон, Ольга, девочка десяти лет, очень белокурая, с глазками, полными лукавого огонька, с приподнятым слегка носиком, рассматривала меня с выражением, в котором, казалось, было желание с первой минуты отыскать слабое место, но от этого ребенка веяло чистотой и правдивостью, которые сразу привлекали к нему симпатии».

У учителя еще будет возможность замечательно изучить этот интереснейший и довольно сложный характер, он отметит большой ум, стремление к самостоятельности, постоянную искренность — ни капли лукавства! — и покоряющее всех истинно девичье обаяние. Жильяр дал своей лучшей ученице такую характеристику: «Старшая, Ольга Николаевна, обладала очень живым умом. У нее было много рассудительности и в то же время непосредственности. Она была очень самостоятельного характера и обладала быстрой и забавной находчивостью в ответах... Я вспоминаю между прочим, как на одном из наших первых уроков грамматики, когда я объяснял ей спряжения и употребление вспомогательных глаголов, она прервала меня вдруг

восклицанием: “Ах, я поняла, вспомогательные глаголы — это прислуга глаголов; только один несчастный глагол 'иметь' должен сам себе прислуживать!”... Вначале мне было не так легко с нею, но после первых стычек между нами установились самые искренние и сердечные отношения».

Все как один вспоминают, что Ольга обладала большим умом. Но, похоже, этот ум был склада философского, вовсе не практического. Про ее сестру Татьяну вспоминали, что та быстрее ориентировалась в различных ситуациях и принимала решения. Ольга же была не прочь отвлеченно порассуждать, и ее суждения отличались большой глубиной. Она увлекалась историей, ее любимой героиней была Екатерина Великая. Ольга Николаевна замечательно доказала, что истинно женская привлекательность вполне совместима с глубоким живым умом.

Более других детей великая княжна Ольга была похожа на государя Николая, которого она, по словам учителя Сиднея Гиббса, «любила больше всего на свете». Она обожала его, ее так и называли — «дочь отца». Дитерихс писал: «На всех окружающих производило впечатление, что она унаследовала больше черт отца, особенно в мягкости характера и простоты отношения к людям». Но, унаследовав сильную отцовскую волю, Ольга не успела научиться, подобно ему, сдерживать себя. «Ее манеры были “жесткие”», — читаем мы у Н. А. Соколова. Старшая царевна была вспыльчива, хотя и отходчива. Отец при удивительной доброте и нелукавстве умел скрывать свои чувства, его дочь — истинная женщина — этого совершенно не умела. Ей не хватало собранности, и некоторая неровность характера отличала ее от сестер. Можно сказать, что она была капризнее сестер. И отношения с матерью у великой княжны Ольги складывались сложнее, чем с отцом.

Все усилия матери и отца были направлены на то, чтобы сохранить ясный свет «хрустальной души» своего старшего ребенка, быть может самого непростого по характеру ребенка, и им это удалось. Лейб-медик Е. С. Боткин так писал об Ольге Николаевне: «Я никогда не забуду тонкое, совсем непоказное, но такое чуткое отношение к моему горю... Сейчас забегала Ольга Николаевна — право, точно ангел залетел». Внешняя красота, которая, по мнению Танеевой, проявилась в пятнадцать лет — в трудное время превращения девочки в девушку, — во многом явилась результатом постоянного воспитания и возрастания души этой девочки, отобразила ее внутреннюю красоту. А ведь при других родителях все могло быть иначе, если бы позывы к самостоятельности, о которых вспоминает Жильяр, грубо подавлялись или же, наоборот, оставались бы без всякого внимания, превращая сильную, волевою, тонко чувствующую девушку в капризное властолюбивое существо.

Вот выдержки из писем — примеры, чем отвечала мать на капризность и своенравие своей горячо любимой старшей дочери:

«Ты бываешь такой милой со мной, будь такой же и с сестрами. Покажи свое любящее сердце».

«Моя милая, дорогая девочка, я надеюсь, что все обошлось хорошо. Я так много думала о тебе, моя бедняжка, хорошо зная по опыту, как неприятны бывают такие недоразумения. Чувствуешь себя такой несчастной, когда кто-то на тебя сердится. Мы все должны переносить испытания: и взрослые люди и маленькие дети,

Бог преподает нам урок терпения. Я знаю, что для тебя это особенно трудно, так как ты очень глубоко все переживаешь и у тебя горячий нрав. Но ты должна научиться обуздывать свой язык. Быстро помолись, чтобы Бог тебе помог. У меня было столько всяких историй с моей гувернанткой, и я всегда считала, что лучше всего извиниться, даже если я была права, только потому, что я моложе и быстрее могла подавить свой гнев. М. такая хорошая и преданная, но сейчас она очень нервничает: она четыре года не была в отпуске, у нее болит нога, она простудилась и очень переживает, когда нездоров Беби. И целый день находиться с детьми (не всегда послушными) для нее тяжело. Старайся всегда ей сочувствовать и не думай о себе. Тогда с Божией помощью тебе будет легче терпеть. Да благословит тебя Бог. Очень нежно тебя целую. Твоя мама».

«Да, старайся быть более послушной и не будь чересчур нетерпеливой, не впадай от этого в гнев. Меня это очень расстраивает, ты ведь сейчас совсем большая. Ты видишь, как Анастасия начинает повторять за тобой».

«Дитя мое. Не думай, что я сердито прощалась с тобой на ночь. Этого не было. Мама имеет право сказать детям, что она думает, а ты ушла с таким угрюмым лицом. Ты не должна так делать, малышка, потому что это расстраивает меня, а я должна быть сурова, когда необходимо. Я слишком часто балую моих девочек. Спи спокойно. Да благословит и да хранит тебя Бог. Крепко тебя целую. Твоя старая мама».

В мягком, полном любви увещании чувствуется материнская твердость, благословение дочери на решительную борьбу со своими недостатками. Императрица понимала, что Ольга Николаевна, похоже, обладала большой глубиной и тонкостью чувств, иногда скрывающихся за некоторой нервностью. Она кажется загадочнее своих сестер.

Мы читаем, как непосредственна и весела была Ольга Николаевна, как отрадно было с ней окружающим. Но вот что пишет М. К. Дитерихс: «Вместе с тем великая княжна Ольга Николаевна оставляла в изучавших ее натуре людях

впечатление человека, как будто бы пережившего в жизни какое-то большое горе», «Бывало, она смеется, а чувствуется, что ее смех только внешний, а там, в глубине души, ей вовсе не смешно, а грустно».

Софи Бухсгевден: «Ольга Николаевна была предана своему отцу. Ужас революции повлиял на нее гораздо больше, чем на других. Она полностью изменилась, исчезла ее жизнерадостность».

Мы уже говорили о том, что Ольга, будучи подростком, переживала чувство влюбленности, позднее могла даже перенести какую-то скрытую от всех личную драму. Переписка императрицы с мужем и самой Ольгой указывают на что-то подобное. В этих письмах мы найдем конкретный пример того, о чем шла речь выше, — как чутко и бережно относились августейшие родители к чувствам своих детей:

«Да, Н. П. очень мил. Я не знаю, верующий ли он. Но незачем о нем думать. А то в голову приходят разные глупости и заставляют кого-то краснеть».

«Я знаю, о ком ты думала в вагоне, — не печалься так. Скоро с Божией помощью ты его снова увидишь. Не думай слишком много о Н. П. Это тебя расстраивает».

«Я уже давно заметила, что ты какая-то грустная, но не задавала вопросов, потому что людям не нравится, когда их спрашивают... Конечно, возвращаться домой, к урокам (а это неизбежно) после долгих каникул и веселой жизни с родственниками и приятными молодыми людьми нелегко... Я хорошо знаю о твоих чувствах к... бедняжке. Старайся не думать о нем слишком много, вот что сказал наш Друг. Видишь ли, другие могут заметить, как ты на него смотришь, и начнутся разговоры... Сейчас, когда ты уже большая девочка, ты всегда должна быть осмотрительной и не показывать своих чувств. Нельзя показывать другим свои чувства, когда эти другие могут счесть их неприличными. Я знаю, что он относится к тебе как к младшей сестре и он знает, что ты, маленькая великая княжна, не должна относиться к нему иначе. Дорогая, я не могу написать все, на это потребуется слишком много времени, а я не одна. Будь мужественна, приободришься и не позволяй себе так много думать о нем. Это не доведет до добра, а только принесет тебе больше печали. Если бы я была здорова, я попыталась бы тебя позабавить, рассмешить — все было бы тогда легче, но это не так, и ничего не поделаешь. Помоги тебе Бог. Не унывай и не думай, что ты делаешь что-то ужасное. Да благословит тебя Бог. Крепко целую. Твоя старая мама».

«Дорогое дитя! Спасибо за записку. Да, дорогая, когда кого-нибудь любишь, то переживаешь с ним его горе и радуешься, когда он счастлив. Ты спрашиваешь, что делать. Нужно от всего сердца молиться, чтобы Бог дал

твоему другу силу и спокойствие, чтобы перенести горе, не ропща против Божией воли. И нужно стараться помогать друг другу нести крест, посланный Богом, Нужно стараться облегчить ношу, оказать помощь, быть бодрой. Ну, спи спокойно и не слишком забивай свою голову посторонними мыслями. От этого не будет толку. Спи спокойно и старайся всегда быть хорошей девочкой. Да благословит тебя Бог. Нежные поцелуи от твоей старой мамы».

Действительно, у великих княжон не было никаких тайн от Александры Феодоровны. А сейчас многие ли дочери решатся открыть матери свое сердце?

В январе 1916 года, когда Ольге шел уже двадцатый год, начались разговоры о том, чтобы выдать ее замуж за великого князя Бориса Владимировича. Но императрица была против. Она писала супругу: «Мысль о Борисе слишком несимпатична, и я уверена, что наша дочь никогда бы не согласилась за него выйти замуж, и я ее прекрасно поняла бы». Тут же ее величество добавляет: «У нее в голове и сердце были другие мысли — это святые тайны молодой девушки, другие их не должны знать, это для Ольги было бы страшно больно. Она так восприимчива».

Как мать, императрица волновалась за будущее своих детей. «Я всегда себя спрашиваю, за кого наши девочки выйдут замуж, и не могу себе представить, какая будет их судьба», — писала она с горечью Николаю Александровичу, быть может предчувствуя большую беду. Из переписки государя и государыни ясно, что Ольга жаждала большого женского счастья, которое обошло ее стороной. Родители сочувствовали ей, но наверняка задавались вопросом: есть ли пара, достойная их дочери? Увы...

Когда началась Первая мировая война, юная принцесса, так любящая единение, склонная ко всему красивому, утонченному, вынуждена была выйти из стен своего уютного дворца. «Первые годы войны, когда внимание всех было приковано всецело к фронту, совершенно перестроили жизнь великой княжны Ольги. Из замкнутого круга семьи с ее простой, строго размеренной жизнью ей пришлось вопреки всем склонностям и чертам ее характера повести жизнь работницы вне семьи, а иногда и общественного деятеля... Часто великим княжнам приходилось самим выезжать в Петроград для председательствования в благотворительных комитетах их имени или для сбора пожертвований. Для великой княжны Ольги это было непривычным и очень нелегким делом, так как она и стеснялась, и не любила никаких личных выступлений» (П. Савченко).

Забегим вперед и скажем, что ее сестра Татьяна, которой тесен был круг семейных обязанностей, на новых поприщах чувствовала себя как рыба в воде. Ольга же, похоже, не была создана для общественной жизни. Государыня, развивая в детях самостоятельность, рассматривая участие великих княжон в

общественной жизни как непременный долг императорских дочерей, все-таки старалась помочь в такой ситуации старшей дочери. «Я взяла с собой Ольгу, — пишет она мужу, — чтобы посидела со мной, она тогда более привыкнет видеть людей и слышать, что происходит. Она умное дитя».

Каждый должен трудиться по мере сил, поэтому и в комитете, и в госпитале великая княжна Ольга работала меньше, чем Татьяна. Она, похоже, вообще была хрупкого здоровья. Но была ли она при этом принцессой на горошине?

Т.Е. Мельник-Боткина: «Великая княжна Ольга Николаевна, более слабая здоровьем и нервами, недолго вынесла работу хирургической сестры, но лазарета не бросила, а продолжала работать в палатах, наравне с другими сестрами убирая за больными».

С.Я. Офросимова: «Великую княжну Ольгу Николаевну все обожали, боготворили; про нее больше всего любили мне рассказывать раненые.

Однажды привезли новую партию раненых. Их, как всегда, на вокзале встретили великие княжны. Они исполняли все, что им приказывали доктора, и даже мыли ноги раненым, чтобы тут же, на вокзале, очистить раны от грязи и предохранить от заражения крови. После долгой и тяжелой работы княжны с другими сестрами размещали раненых по палатам.

Усталая великая княжна Ольга Николаевна присела на постель одного из вновь привезенных солдат. Солдат тотчас же пустился в разговоры. Ольга Николаевна, как и всегда, и словом не обмолвилась, что она великая княжна.

— Умаялась, сердечная? — спросил солдат.

— Да, немного устала. Это хорошо, когда устанешь.

— Чего же тут хорошего?

— Значит, поработала.

— Этак тебе не тут сидеть надо. На фронт бы поехала.

— Да моя мечта — на фронт попасть.

Чего же? Поезжай.

— Я бы поехала, да отец не пускает, говорит, что я здоровьем для этого слишком слаба.

— А ты плюнь на отца да поезжай.

Княжна рассмеялась.

— Нет, уж плюнуть-то не могу. Уж очень мы друг друга любим».

Такова была старшая дочь императора Николая II. Ее лучшая подруга —

любимая сестра Татьяна представляет собой совершенно другой женский тип.

Великая княжна Татьяна Николаевна. Общественное служение женщины

Великая княжна Татьяна Николаевна носила имя святой мученицы Татианы, которая при жизни исполняла служение диаконисы, т.е. «принадлежала к тому чину церковному, который нес, как бы мы теперь сказали, активное социальное служение среди больных, заключенных в тюрьмах, среди тех, кто беден и скуден в этом мире» (протоиерей Максим Козлов). И в этом отношении вторая дочь государя по праву носила свое имя — она, так же как и ее Небесная покровительница, была открыта обществу и готова была активно работать на благо подданных своего отца. При этом она оставалась истинной царской дочерью. Все портреты Татьяны Николаевны, оставленные современниками, очень схожи между собой. Приведем здесь наиболее яркие:

С. Я. Офросимова: «Направо от меня сидит великая княжна Татьяна Николаевна. Она великая княжна с головы до ног, так она аристократична и царственна. Лицо ее матово-бледно; только чуть-чуть розовеют щеки, точно из-под ее тонкой кожи пробивается розовый атлас. Профиль ее безупречно красив, он словно выточен из мрамора резцом большого художника. Своеобразие и оригинальность придают ее лицу далеко расставленные друг от друга глаза. Ей больше, чем сестрам, идут косынка сестры милосердия и красный крест на груди. Она реже смеется, чем сестры. Лицо ее иногда имеет сосредоточенное и строгое выражение. В эти минуты она похожа на мать. На бледных чертах ее лица — следы напряженной мысли и подчас даже грусти. Я без слов чувствую, что она какая-то особенная, иная, чем сестры, несмотря на общую с ними доброту и приветливость. Я чувствую, что в ней — свой целый замкнутый и своеобразный мир».

Баронесса С. К. Бухсгевден: «Татьяна Николаевна, по-моему, была самая хорошенькая. Она была выше матери, но такая тоненькая и так хорошо сложена, что высокий рост не был ей помехой. У нее были красивые, правильные черты лица, она была похожа на своих царственных красавиц родственниц, чьи фамильные портреты украшали дворец. Темноволосая, бледнолицая, с широко расставленными глазами — это придавало ее взгляду поэтическое, несколько отсутствующее выражение, что не соответствовало ее характеру. В ней была смесь искренности, прямолинейности и упорства, склонности к поэзии и абстрактным идеям. Она была ближе всех к матери и была любимицей у нее и у отца. Абсолютно лишенная самолюбия, она всегда была готова отказаться от своих планов, если появлялась возможность погулять с отцом, почитать матери, сделать то, о чем ее просили. Именно Татьяна Николаевна нянчилась с

младшими, помогала устроить дела во дворце, чтобы официальные церемонии согласовывались с личными планами семьи. У нее был практический ум императрицы и детальный подход ко всему».

Юлия Ден: «Великая княжна Татьяна Николаевна была столь же обаятельной, как и ее старшая сестра, но по-своему. Ее часто называли горячкой, но я не знала никого, кому бы гордыня была бы менее свойственна, чем ей. С ней произошло то же, что и с ее величеством. Ее застенчивость и сдержанность принимали за высокомерие, однако стоило вам познакомиться с ней поближе и завоевать ее доверие, как сдержанность исчезала и перед вами предстала подлинная Татьяна Николаевна. Она обладала поэтической натурой, жаждала настоящей дружбы.

Его величество горячо любил вторую дочь, и сестры шутили, что если надо обратиться к государю с какой-то просьбой, то «Татьяна должна попросить рара, чтобы он нам это разрешил». Очень высокая, тонкая, как тростинка, она была наделена изящным профилем камен и каштановыми волосами. Она была свежа, хрупка и чиста, как роза».

А. А. Танеева: «Татьяна Николаевна была в мать — худенькая и высокая. Она редко шалила и сдержанностью и манерами напоминала государыню. Она всегда останавливала сестер, напоминала волю матери, отчего они постоянно называли ее «гувернанткой». Родители, казалось мне, любили ее больше других. Государь говорил мне, что Татьяна Николаевна напоминает государыню. Волосы у нее были темные... Мне также казалось, что Татьяна Николаевна была очень популярна: все ее любили — и домашние, и учителя, и в лазаретах. Она была самая общительная и хотела иметь подруг».

П. Жильяр: «Татьяна Николаевна от природы скорее сдержанная, обладала волей, но была менее откровенна и непосредственна, чем старшая сестра. Она была также менее даровита, но искупала этот недостаток большой последовательностью и ровностью характера. Она была очень красива, хотя не имела прелести Ольги Николаевны.

Если только императрица делала разницу между дочерьми, то ее любимицей была Татьяна Николаевна. Не то чтобы ее сестры любили мать меньше ее, но Татьяна Николаевна умела окружать ее постоянной заботливостью и никогда не позволяла себе показать, что она не в духе. Своей красотой и природным умением держаться в обществе она затеняла сестру, которая меньше занималась своей особой и как-то ступевывалась. Тем не менее эти обе сестры нежно любили друг друга; между ними было только полтора года разницы, что, естественно, их сближало. Их звали «большие», тогда как Марию Николаевну и Анастасию Николаевну продолжали звать «маленькие»».

А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора: «Татьяна была выше, тоньше и стройнее сестры, лицо — более продолговатое, и вся фигура породистее и аристократичнее, волосы немного темнее, чем у старшей. На мой взгляд, Татьяна Николаевна была самой красивой из четырех сестер».

К Битнер: «Если бы семья лишилась Александры Феодоровны, то крышей бы для нее была Татьяна Николаевна. Она была самым близким лицом к императрице. Они были два друга».

Полковник Кобылинский: «Когда государь с государыней уехали из Тобольска, никто как-то не замечал старшинства Ольги Николаевны. Что нужно, всегда шли к Татьяне: «Как Татьяна Николаевна». Эта была девушка вполне сложившегося характера, прямой, честной и чистой природы; в ней отмечались исключительная склонность к установлению порядка в жизни и сильно развитое сознание долга. Она ведала, за болезнью матери, распорядками в доме, заботилась об Алексее Николаевиче и всегда сопровождала государя на его прогулках, если не было Долгорукова. Она была умная, развитая; любила хозяйничать, и в частности вышивать и гладить белье».

А. Якимов, царский охранник: «Такая же, видать, как царица, была Татьяна. У нее вид был такой же строгий и важный, как у матери. А остальные дочери: Ольга, Мария и Анастасия — важности никакой не имели».

Неудивительно, что сравнение Татьяны с великой княжной Ольгой нередко приводится в этих воспоминаниях. «Большая пара» была очень дружна: все время вместе, но тем не менее, чем сильнее выросли великие княжны, тем заметнее для всех становилось преобладание второй сестры. И если Ольгу Николаевну мы сравнивали с принцессой, то Татьяна, несомненно, королева.

Приведем письмо от 15 августа 1915 года: «Я все время молилась за вас обоих, дорогие, чтобы Бог помог вам в это ужасное время. Я просто не могу выразить, как я жалею вас, мои любимые. Мне так жаль, что я ничем не могу помочь... В такие минуты я жалею, что не родилась мужчиной. Благословляю вас, мои любимые. Спите хорошо. Много раз целую тебя и дорогого Папу... Ваша любящая и верная дочь Татьяна».

Не сразу догадаешься, что эти строки, написанные явно сильным человеком, принадлежат восемнадцатилетней девушке и обращены к родителям. Но уже в записке Татьяны к матери, датированной 1912 годом, тон почтительной послушной дочери мягко замещается теплой материнской интонацией. «Я надеюсь, что Аня (Танеева. — М. К.) будет мила с тобой и не будет тебя утомлять и не будет входить и тревожить тебя, если ты захочешь побыть одна. Пожалуйста, дорогая Мама, не бегай по комнатам, проверяя, все ли в порядке.

Пошли Аню или Изу, иначе ты устанешь и тебе будет трудно принимать тетю и дядю. Я постараюсь и на борту с офицерами буду вести себя как можно лучше. До свидания, до завтра. Миленькая, не беспокойся о Беби. Я присмотрю за ним, и все будет в порядке» — так пишет матери девочка-подросток. Чувствуются рано определившийся цельный характер, хозяйственная сметка, практичность и деловитость. А за всем этим, если не забывать, кем написаны эти строки, — романовская царская сила и воля.

Но и чисто женские таланты были присущи Татьяне Николаевне в большей степени, чем сестрам. Анна Танеева писала, что, занимаясь рукоделием, Татьяна работала лучше других. У нее были очень ловкие руки, она шила себе и старшим сестрам блузы, вышивала, вязала и великолепно причесывала мать, когда девушки отлучались.

Итак, заведовала распорядками в доме, хозяйничала, вышивала, гладила белье — любила как раз то, к чему не лежало сердце Ольги Николаевны. Да еще и воспитывала младших. Если представить Татьяну Николаевну повзрослевшей, уже в замужестве, то сразу вырисовывается образец русской жены — женщина домовитая, мать семейства умная и строгая, у которой все в руках спорится, все домашние ее уважают, дети даже побаиваются, истинная хранительница семейного очага. Есть нечто от Домостроя.

Но можно с уверенностью сказать, что, если бы жизнь царской семьи не прервалась так рано, великая княжна Татьяна не смогла бы найти полное применение своим силам и талантам только в семье, так как это была натура социально активная. Домашний уклад, который, несомненно, в собственной семье был бы подчинен Татьяне и управляем ею, не смог бы завладеть душой ее настолько, чтобы она не вышла за семейный порог. Не только распорядками в доме могла бы она заведовать, но и в определенной общественной структуре, а, если бы понадобилось, то и в целом государстве. Женщина и власть, женщина и политика — сочетание, кажущееся исключением, вполне имеет право на существование. Хозяйка в случае с великой княжной Татьяной Николаевной — понятие более широкое. Счастливое сочетание, которое почему-то обычно представляется невозможным, — домовитая мать семейства, хорошая супруга и... умный политик. В столь юном возрасте Татьяна Николаевна уже имела созревший политический кругозор русской царицы, и не зря государь император так любил беседовать с ней. Увидим ли мы и здесь намек на эмансипацию? Нисколько.

Татьяна — единственная, с кем в переписке Александра Феодоровна говорит о делах, о войне, даже о том, что мучает царицу лично, — о распускаемой против нее клевете. Когда Татьяна попросила прощения в том, что резко сказала о Германии, забыв, что это родина ее матери, государыня ответила ей: «Вы,

девочки мои, меня не обижаете, но те, кто старше вас, могли бы иногда и думать... но все вполне естественно. Я абсолютно понимаю чувства всех русских и не могу одобрять действия наших врагов. Они слишком ужасны, и поэтому их жестокое поведение так меня ранит, а также то, что я должна выслушивать. Как ты говоришь, я вполне русская, но не могу забыть мою старую родину».

Императрица дает Татьяне распоряжения: «Спроси Биби по телефону, нельзя ли во время панихиды поставить солдатский гроб рядом с гробом полковника, чтобы в смерти они были равны. Когда мы приехали туда, как раз принесли одного. Ей нужно спросить мужа; я нахожу, что это было бы более по-христиански... впрочем, пусть они делают как нужно».

Письма Татьяны. 1916 год. Рождество: «Моя бесценная, дорогая Мама, я молюсь, чтобы Бог помог сейчас вам в это ужасное, трудное время. Да благословит и защитит Он вас от всего дурного. Я верю, что душа нашего любимого Друга (Г. Е. Распутина. — М. К.) всегда с нами и молится за тебя, мой милый ангел, Мама».

Новый год, 1917-й: «Моя милая Мама, я надеюсь, что Господь Бог благословит этот Новый год и он будет счастливее, чем прошедший. И что он, может быть, принесет мир и конец этой кошмарной войне. И я надеюсь, дорогая, что ты будешь лучше себя чувствовать».

Увы, желание великой княжны Татьяны не сбылось. Новый, 1917 год принес бедствия неизмеримые и непредсказуемые. А если бы их не было? Если бы... Тогда, как мы уже сказали, Татьяна Николаевна, скорее всего, заняла бы не последнее место при брате в управлении государством. Не случайно именно в ее переписке из заточения мы найдем рассуждения о переживаниях Родины. Из письма великой княжны Татьяны Николаевны М. С. Хитрово, Тобольск, 11 января 1918 года: «Как грустно и неприятно видеть теперь солдат без погон, и нашим стрелкам тоже пришлось снять. Так было приятно раньше видеть разницу между нашим и здешним гарнизонами. Наши — чистые с малиновыми погонами, крестами, а теперь и это сняли. Нашивки тоже. Но кресты, к счастью, еще носят. Вот подумать, проливал человек свою кровь за Родину, за это получал награду, за хорошую службу получал чин, а теперь что же? Те, кто служил много лет, их сравнивали с молодыми, которые даже не были на войне. Так больно и грустно все, что делают с нашей бедной Родиной, но одна надежда, что Бог так не оставит и вразумит безумцев».

Обратимся к статье Татьяны Горбачевой «Татьяна, достойная своего имени»: «Когда началась Первая мировая война, великой княжне Татьяне исполнилось семнадцать лет. Для нее наступило совершенно особое время, —

время, когда в полной мере проявились не только ее доброта, милосердие, но и душевная стойкость, большие организаторские способности, а также талант хирургической сестры...»

Через несколько недель после начала войны великая княжна Татьяна выступила инициатором создания в России «Комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий». «Татьянинский комитет» ставил перед собой следующие цели: оказание помощи лицам, впадшим в нужду вследствие военных обстоятельств, в местах их постоянного места жительства или же в местах их временного пребывания; содействие отправлению беженцев на родину или на постоянное место жительства; поиск работы для трудоспособных; содействие в помещении нетрудоспособных в богадельни, приюты; оказание беженцам денежных пособий; создание собственных учреждений для помещения нетрудоспособных; прием пожертвований.

Великая княжна Татьяна была Почетной председательницей этого Комитета, в который входили известные в России государственные и общественные деятели. В заседаниях Комитета также участвовали представители военного министерства, министерств Внутренних дел, Путей сообщения и Финансов.

Отметим, что великая княжна Татьяна Николаевна, формально занимавшая пост Почетной председательницы, несмотря на свой юный возраст, активно, «разумно» и «толково» по словам А. Мосолова, участвовала в деятельности комитета ее имени и входила во все его дела. Лично благодарила тех, кто помогал деятельности Комитета. Приведем письмо великой княжны Татьяны к О. В. Палей, оказавшей немалую поддержку беженцам; «Княгиня Ольга Валериановна. Получила Ваше пожертвование в пользу близкого моему сердцу населения, пострадавшего от военных бедствий, выражаю Вам мою искреннюю признательность. Остаюсь к Вам неизменно благожелательною. Татьяна».

В «Татьянинском комитете» были утверждены «Правила о дипломах и жетонах...». Дипломы и жетоны жаловались «за оказание Комитету выдающихся заслуг пожертвованиями или устройством сборов, подписок, выставок, концертов, спектаклей, лекций, лотерей и т. п.». Были установлены дипломы двух разрядов (диплом первого разряда печатался золотым шрифтом на веленовой бумаге), которые выдавались за собственноручным подписанием великой княжны Татьяны Николаевны.

Жетоны также устанавливались двух разрядов и имели вид синего эмалевого щита с изображением инициалов августейшей Почетной председательницы Комитета под великокняжеской короной. Жетоны первого разряда были серебряные, второго — бронзовые. Дамы могли носить их как брошь, а

мужчины — как брелок на часовой цепочке или же в верхней петлице платья. Организаторы комитета надеялись, что «составят здесь такую же грозную силу, которая своим самоотверженным трудом и средствами на благо Родины будет так же страшна врагу, как и воюющая рать».

Общественная деятельность великих княжон приветствовалась и активно направлялась императрицей. Из письма государыни супругу от 20 сентября 1914 года: «В 4 ч. Татьяна и я приняли Нейдгарда по делам ее комитета — первое заседание состоится в Зимнем Дворце в среду, после молебна, я опять не буду присутствовать. Полезно предоставлять девочкам работать самостоятельно, их притом ближе узнают, а они научатся приносить пользу».

Эту же мысль ее величество повторила в письме от 21 октября 1914 года: «О. и Т. сейчас в Ольгином Комитете. Татьяна одна принимала Нейдгарда с его докладом, продлившимся целых полчаса».

Это очень полезно для девочек. Они приучаются быть самостоятельными, и это их гораздо большему научит, так как приходится думать и говорить за себя без моей постоянной помощи».

Письмо от 24 октября 1914 года: «Татьяна была на заседании в своем Комитете, оно продолжалось 1,5 часа. Она присоединилась к нам в моей крестовой общине, куда я с Ольгой заезжала после склада».

Еще одна деятельность, которой великая княжна Татьяна Николаевна самоотверженно отдавала все свои силы, — это работа медицинской сестры.

С. Я. Офросимова: «Если бы, будучи художницей, я захотела нарисовать портрет сестры милосердия, какой она представляется в моем идеале, мне бы нужно было только написать портрет великой княжны Татьяны Николаевны; мне даже не надо было бы писать его, а только указать на фотографию ее, висевшую всегда над моей постелью, и сказать: “Вот сестра милосердия”».

«Во время войны, сдав сестринские экзамены, старшие княжны работали в царскосельском госпитале, выказывая полную самоотверженность в деле... У всех четырех (сестер. — М. К.) было заметно, что с раннего детства им было внушено чувство долга. Все, что они делали, было проникнуто основательностью в исполнении».

Особенно это выражалось у двух старших. Они не только несли в полном смысле слова обязанности заурядных сестер милосердия, но и с большим умением ассистировали при операциях... Серьезнее и сдержаннее всех была Татьяна», — пишет Мосолов.

Татьяна Евгеньевна Мельник-Боткина (дочь лейб-медика Николая П. Е. С.

Боткина) вспоминала, что доктор Деревенко, «человек весьма требовательный по отношению к сестрам», говорил уже после революции, что ему редко приходилось встречать такую спокойную, ловкую и дельную хирургическую сестру, как Татьяна Николаевна.

«С трепетом просматривая в архиве дневник великой княжны Татьяны 1915-1916 годов, — рассказывает Татьяна Горбачева, — написанный крупным ровным почерком, удивлялась я необыкновенной чуткости великой княжны — после посещения лазаретов она записывала имена, звания и полк, где служили те люди, кому она помогла своим трудом сестры милосердия. Каждый день она ездила в лазарет... И даже в свои именины».

В госпитале Татьяна выполняла тяжелую работу. Государыня то и дело сообщает мужу: «Татьяна заменит меня на перевязках», «предоставляю это дело Татьяне».

Т. Мельник-Боткина: «Я удивляюсь и их трудоспособности, — говорил мне мой отец про царскую семью, уже не говоря про его величество, который поражает тем количеством докладов, которое он может принять и запомнить, но даже великая княжна Татьяна; например, она, прежде чем ехать в лазарет, встает в семь часов утра, чтобы взять урок, потом <...> [едет] на перевязки, потом завтрак, опять уроки, объезд лазаретов, а как наступит вечер... сразу [берется] за рукоделие или за чтение».

Видимо, Татьяне Николаевне не чужды были наклонности амазонки. Государыня часто сообщает супругу, что Татьяна отправилась кататься верхом, тогда как другие девочки предпочли другие занятия: «...собираюсь покататься с тремя девочками, пока Татьяна ездит верхом».

И. Степанов: «Татьяна... была шефом армейского уланского полка и считала себя уланом, причем гордилась тем, что родители ее — уланы. (Оба гвардейских уланских полка имели шефами государя и императрицу.) “Уланы рара” и “уланы тата”», — говорила она, делая ударение на последнем “а”. Государыня пишет Николаю Александровичу: «Татьяна в восторге, что ты видел ее полк и нашел его в полном порядке».

Отличность Татьяны от сестер, ее духовное старшинство проявляются даже в мелочах. «Обе младшие и Ольга ворчат на погоду, — рассказывает в письме Александра Феодоровна, — всего четыре градуса, они утверждают, будто видно дыхание, поэтому они играют в мяч, чтобы согреться, или играют на рояле, Татьяна спокойно шьет».

Скажем еще несколько слов об этой удивительной девушке. Великая княжна Татьяна постоянно училась самоанализу, училась владеть собой. Вспомним

фразу из письма императрицы: «Только когда я спокойно говорю с Татьяной, она понимает». Татьяна Николаевна, будучи еще совсем в юных годах, уже весьма самокритична и способна оценивать свое внутреннее состояние: «Может быть, у меня много промахов, но, пожалуйста, прости меня» (письмо к матери от 17 января 1909 года).

«16 июня 1915 года. Я прошу у тебя прощения за то, что как раз сейчас, когда тебе так грустно и одиноко без Папы, мы так непослушны. Я даю тебе слово, что буду делать все, чего ты хочешь, и всегда буду слушаться тебя, любимая».

«21 февраля 1916 года. Я только хотела попросить прощения у тебя и дорогого Папы за все, что я сделала вам, мои дорогие, за все беспокойство, которое я причинила. Я молюсь, чтобы Бог сделал меня лучше...»

В письмах к родителям Татьяна все время называет себя «вечно любящей, верной и благодарной дочерью».

Будучи натурой уравновешенной, практического склада, вторая великая княжна была склонна к конкретным делам благотворительности. Баронесса Бухсгевден вспоминала про Ольгу Николаевну, что та «была щедра и немедленно отзывалась на любую просьбу. От нее часто слышали: “Ой, надо помочь бедняжке такому-то или такой-то, я как-то должна это сделать”. Ее сестра Татьяна была склонна более оказывать помощь практическую, она спрашивала имена нуждающихся, подробности, записывала все и спустя некоторое время оказывала конкретную помощь просителю, чувствуя себя обязанной сделать это».

Есть мнение, что до рождения наследника государь хотел переделать закон о престолонаследии в пользу старшей дочери, Ольги. Но, если бы так произошло, не исключено, что старшая великая княжна отреклась бы от престола в пользу своей любимой сестры Татьяны Николаевны. Кто знает...

Великая княжна Мария Николаевна. Тип русской жены и матери

Среди сестер, двух старших с уже сложившимися яркими характерами и бойкой младшей, великая княжна Мария Николаевна как будто теряется и затушевывается. Но дело здесь не в каких-то внешних моментах, а в самом характере прекрасной девушки, о которой мы будем сейчас говорить.

Эта юная царевна замечательно точно вписывалась в архетип русской жены и матери, представляя собой, может быть, самый любимый на Руси женский

образ: веселая, сердцем чистая красна девица, лебедушка, будущая скромная и верная супруга, домоседка и хозяйюшка.

С. Я. Офросимова заметила эту яркую, подчеркнутую самой природой русскость великой княжны Марии: «Рядом с ней сидит великая княжна Мария Николаевна. Ее смело можно назвать русской красавицей.

Высокая, полная, с соболиными бровями, с ярким румянцем на открытом русском лице, она особенно мила русскому сердцу.

Смотришь на нее и невольно представляешь ее одетой в русский боярский сарафан; вокруг ее рук чудятся белоснежные кисейные рукава, на высоко вздымающейся груди — самоцветные камни, а над высоким белым челом — кокошник с самокатным жемчугом. Ее глаза освещают все лицо особенным, лучистым блеском; они... по временам кажутся черными, длинные ресницы бросают тень на яркий румянец ее нежных щек. Она весела и жива, но еще не проснулась для жизни; в ней, верно, таятся необъятные силы настоящей русской женщины».

Жильяр в то же время отмечал некоторую подчиненность Марии сестрам: «Мария Николаевна была красавицей, крупной для своего возраста. Она блистала яркими красками и здоровьем, у нее были большие чудные глаза. Вкусы ее были очень скромны, она была воплощенной сердечностью и добротой; сестры, может быть, немного этим пользовались и звали ее “добрый толстый Туту”; это прозвище ей дали за ее добродушную и немного мешковатую услужливость».

Софи Бухсгевден, фрейлина императрицы и подруга всех четырех девушек, писала, что Мария Николаевна была в полном подчинении у младшей, Анастасии Николаевны, — «постреленка», как звала ее мать. Но несомненно, что это подчинение, если оно действительно имело место, не могло исходить из-за слабости характера Марии. Мы увидим, что эта юная девушка обладала большой внутренней силой. «У нее был сильный, властный взгляд. Помню ее привычку подавать руку, нарочно оттягивая ее вниз» (И. В. Степанов).

Юлия Ден вспоминала: «Когда я впервые познакомилась с великой княжной Марией Николаевной, она была еще совсем ребенком. Во время революции мы очень привязались друг к другу и почти все дни проводили вместе. Она была просто золото и обладала недюжинной внутренней силой.

Однако до наступления тех кошмарных дней я даже не подозревала, насколько она самоотверженна. Ее высочество была поразительно красива... глаза, опущенные длинными ресницами, густые темно-каштановые волосы. Некоторая полнота Марии Николаевны была поводом для шуток со стороны ее

величества. Она не была такой живой, как ее сестры, зато имела выработанное мировоззрение и всегда знала, чего хочет и зачем».

Лили Ден поведала о следующем эпизоде из тех кошмарных, по ее выражению, дней: «“А где Мари?” — спросила государыня. Я вернулась в красную комнату. Мария Николаевна по-прежнему сидела, скорчившись, в углу. Она была так юна, так беспомощна и обижена, что мне захотелось утешить ее, как утешают малое дитя. Я опустилась рядом с ней на колени, и она склонила голову мне на плечо. Я поцеловала ее заплаканное лицо.

“Душка моя, — проговорила я. — Не надо плакать, Своим горем вы убьете папа. Подумайте о ней”.

Услышав слова: “Подумайте о ней”, великая княжна вспомнила о своем долге перед родителями. Все и всегда должны отвечать их интересам.

“Ах, я совсем забыла, Лили. Конечно же, я должна подумать о папа”, — ответила Мария Николаевна.

Мало-помалу рыдания утихли, к ее высочеству вернулось самообладание, и она вместе со мной отправилась к родительнице».

О храбрости и самообладании великой княжны Марии Николаевны вспоминает и другая свидетельница тех страшных дней, Анна Танеева: «...никогда не забуду ночь, когда немногие верные полки (Сводный, конвой Его Величества, Гвардейский экипаж и артиллерия) окружили дворец, так как бунтующие солдаты с пулеметами, грозя все разнести, толпами шли по улицам ко дворцу. Императрица вечером сидела у моей постели. Тихонько, завернувшись в белый платок, она вышла с Марией Николаевной к полкам, которые уже готовились покинуть дворец. И может быть, и они ушли бы в эту ночь, если бы не государыня и ее храбрая дочь, которые со спокойствием до двенадцати часов обходили солдат, ободряя их словами и лаской, забывая при этом смертельную опасность, которой подвергались. Уходя, императрица сказала моей матери: “Я иду к ним не как государыня, а как простая сестра милосердия моих детей”».

«Мама убивалась, и я тоже плакала, — призналась Мария Николаевна Танеевой, — но после ради мамы я старалась улыбаться за чаем».

Обладая не меньшей внутренней силой, чем сестра Татьяна, Мария тем не менее «домашняя девушка» со своей глубинной душевной жизнью, внутри которой происходили мало кем замечаемые внутренние процессы. Были ей присущи собственные глубокие переживания, скрытые от сестер, но чуткая мать и в этой богатой, по природе сокровенной натуре угадывала эти

переживания, всегда подбадривала, была Марии, как и остальным детям, любящим страшим другом.

Следующие отрывки из переписки между императрицей Александрой Феодоровной и ее дочерью Марией немного проясняют образ этой наименее известной из всех сестер:

«Дорогая Мария, с любовью благодарю тебя за несколько твоих писем. Наш Друг пришел на очень короткое время. Старайся всегда быть хорошей и послушной маленькой девочкой, тогда все будут любить тебя. У меня с Анастасией нет никаких секретов, я не люблю секреты. Да благословит тебя Бог. Много поцелуев от твоей мамы».

«Моя дорогая Машенька. Твое письмо меня очень опечалило. Милое дитя, ты должна пообещать мне никогда впредь не думать, что тебя никто не любит. Как в твою голову пришла такая необычная мысль? Быстро прогони ее оттуда. Мы все очень нежно любим тебя, и, только когда ты чересчур расшалишься, раскапризничаешься и не слушаешься, тебя бранят, но бранить не значит не любить. Наоборот, это делают для того, чтобы ты могла исправить свои недостатки и стать лучше!

Ты обычно держишься в стороне от других, думаешь, что ты им мешаешь, и остаешься одна с Триной, вместо того чтобы быть с ними. Они воображают, что ты не хочешь с ними быть. Сейчас ты становишься большой девочкой, и тебе лучше следовало бы быть больше с ними.

Ну, не думай больше об этом и помни, что ты точно так же нам дорога, как и остальные четверо, и что мы любим тебя всем сердцем.

Очень тебя любящая старая мама».

«Да, я тоже очень опечалена тем, что наш любимый Друг сейчас уезжает. Но пока он в отъезде, нужно стараться жить так, как он нам этого желает. Тогда мы будем чувствовать, что он с нами в молитвах и мыслях».

«Мария, дорогая, не забудь перед исповедью* и Причастием почитать книгу, которую тебе дал батюшка. Аня и я делаем то же самое. Благословение от твоей старушки Мамы».

«Мария, дитя мое, ну не будь такой дикой, обязательно слушайся старших сестер и не простужайся. Я надеюсь, что ты отлично проведешь время на яхте. Спи спокойно. Благословение от твоей старушки мамы».

«Моя дорогая Мария, ты читаешь это, когда мы уедем. Очень печально оставлять вас, троих малышек, и я буду постоянно о вас думать. Ты в этой

группе старшая и поэтому должна хорошо присматривать за младшими — я никогда не оставляла Беби на двое суток.

Ходи в госпиталь... и в Большой дворец навещать раненых. Показывала ли ты Трудно твой госпиталь? Сделай это, дорогая, доставь ей удовольствие. Загляни к Соне, когда будешь свободна. Пошли телеграмму... Когда вы утром встанете, напиши, как у вас троих дела, и вечером — о том, как вы провели день. В воскресенье с утра пораньше — в церковь».

«Дорогая Мария. Пожалуйста, раздай всем офицерам в Большом дворце (во время Первой мировой войны государыня превратила Екатерининский дворец в военный госпиталь. — Ред.) эти образа от меня. Разверни их... Если будет слишком много, то остаток отдай мне обратно. Потом, я посылаю хлеб — освященную просфору и неосвященную — они должны это разогреть и съесть. Я также посылаю образа для наших раненых офицеров, но я не знаю, сколько их у нас лежит, и некоторые неправославные. Лишние передай офицерам в вашем госпитале. Надеюсь, что ты принесешь мне письмо. Да благословит и да хранит тебя Бог. 1000 поцелуев от твоей старушки мамы, которая очень по тебе скучает».

Внутренний мир великой княжны Марии Николаевны был окрашен ярким религиозным чувством. Это одно из свойств женщин «из терема» — религиозность у них основательная, глубоко и искренне переживаемая, носимая в душе и почти не выставляемая напоказ. С матерью-другом, правда, можно поделиться. Переписываясь с Александрой Феодоровной, Мария Николаевна чаще других сестер анализировала свои религиозные переживания, говорила о вере и Церкви.

Знаешь, это очень странно, но, когда я вышла из комнаты Алексея после молитвы, у меня было такое чувство, как будто я пришла с исповеди... такое приятное, небесное ощущение».

«Моя дорогая Мама! Ты говорила мне, что хотела бы пойти причаститься Святых Тайн. Знаешь, я тоже хотела пойти в начале поста. Надеюсь, у тебя будет хорошая поездка. Много раз целую тебя и Папу. Анастасия тоже вас целует. Как бы мне хотелось пойти на исповедь 14-го. Да благословит вас Бог. Твоя Мария».

«Мама, моя дорогая, желаю тебе счастливого Рождества и надеюсь, что Бог пошлет тебе силы снова ходить в госпиталь. Спи спокойно. Твоя любящая дочь Мария. Я тебя люблю и нежно целую».

«Моя любимая Мама, я так за тебя рада, что ты скоро увидишь дорогого Папу. Я или Анастасия будем читать молитвы с Беби».

Наиболее полный портрет великой княжны Марии Николаевны составил Дитерихс

«Великая княжна Мария Николаевна была самая красивая, типично русская, добродушная, веселая, с ровным характером, приветливая девушка. Она любила и умела поговорить с каждым, в особенности с простым человеком. Во время прогулок в парке вечно она, бывало, заводила разговор с солдатами охраны, расспрашивала их и прекрасно помнила, у кого как звать жену, сколько детишек, сколько земли и т.п. У нее находилось всегда много общих тем для бесед с ними.

За свою простоту она получила в семье кличку “Машка” — так звали ее сестры и Алексей Николаевич. Говорили, что наружностью и силой она уродилась в императора Александра III.

И действительно, она была очень сильна: когда больному Алексею Николаевичу нужно было куда-нибудь передвинуться, он зовет: “Машка, неси меня”. Она легко его поднимала и несла.

Заболела она корью последней из семьи; вследствие простуды в исторический вечер 27 февраля болезнь ее приняла особую тяжелую форму, перейдя в крупозное воспаление легких очень сильной степени. Только сильный организм великой княжны помог в конце концов побороть тяжелую болезнь, но неоднократно положение принимало критическое состояние.

Во время ареста она сумела расположить к себе всех окружающих, не исключая и комиссаров Панкратова и Яковлева, а в Екатеринбурге охранники-рабочие обучали ее готовить лепешки из муки без дрожжей».

Н. А. Соколов подчеркивает, что «по натуре это была типичнейшая мать. Ее сферой были маленькие дети. Больше всего она любила возиться и нянчиться с ними».

Сидней Гиббс рассказывал, что великая княжна Мария Николаевна в восемнадцать лет (в 1917 г.) «была плотной и очень сильной, легко могла меня поднять. Приятной внешности. После болезни (корь) очень сильно похудела. Она рисовала карандашом и красками и неплохо играла на пианино, но хуже, чем Ольга или Татьяна. Мария была простая, любила детей, немножко склонна быть в лени; возможно, из нее бы получилась прекрасная жена и мать».

Таким образом, из нескольких фрагментов мы можем сложить портрет простой и скромной молодой девушки с художественными наклонностями, безусловно с твердыми убеждениями и развитым материнским чувством. Интересно отметить, что в последнюю ужасную поездку в Екатеринбург, когда

детей временно оставили в Тобольске, потому что Алексей Николаевич был слишком болен, чтобы ехать, Николай Александрович и Александра Феодоровна взяли с собой именно Марию Николаевну, с тем чтобы она помогала матери.

Великая княжна Анастасия Николаевна — «сорванец» и утешительница

Самая младшая из великих княжон, Анастасия Николаевна, казалось, была из руги, а не из плоти и крови. Она была очень, чрезвычайно остроумна и обладала несомненным даром мима. Во всем умела находить забавную сторону... Думаю, из нее вышла бы превосходная комедийная актриса. Она то и дело проказничала, это был настоящий сорванец, но я бы не посмела сказать, что она отставала в своем развитии, как однажды заявил месть Жильяр, наставник цесаревича.

Во время революции Анастасии исполнилось всего шестнадцать — в конце концов не ахти какой преклонный возраст! Она была хорошенькой, но лицо у нее было смышленное, и в глазах светился недюжинный ум» (Юлия Ден).

Кто сказал, что юная девушка должна ходить всегда, опустив очи в землю, поступью плавной и неспешной? А что, если Господь даровал совершенно другую натуру?

Девочка-«сорванец», «Швибз», как называли ее родные, может быть, и хотела бы соответствовать домостроевскому идеалу девушки, да не могла. Но, скорее всего, она об этом просто не задумывалась, потому что основной чертой ее не до конца раскрывшегося характера была веселая ребячливость.

А. А. Танеева: «Все эти три великие княжны (кроме Татьяны. — М. К.) шалили и резвились, как мальчики, и манерами напоминали Романовых. Анастасия Николаевна всегда шалила, лазила, пряталась, смешила всех своими выходками, и усмотреть за ней было нелегко».

Т. Е. Мельник-Боткина: «Больше всего мы видели Анастасию Николаевну. Она приходила и садилась в ногах дивана, на котором лежал отец, а вечером, когда при закате солнца должна была стрелять пушка, она всегда делала вид, что страшно боится, и забивалась в самый дальний уголок, затыкая уши и смотря большими деланно-испуганными глазками. Иногда, чинно разговаривая, она, если мы вставали за чем-либо, незаметно подставляла нам ножку».

М. К. Дитерихс: «Великая княжна Анастасия Николаевна, несмотря на свои семнадцать лет, была еще совершенным ребенком. Такое впечатление она производила главным образом своей внешностью и своим веселым характером. Она была низенькая, очень плотная, — “кубышка”, как дразнили ее сестры. Ее отличительной чертой было подмечать слабые стороны людей и талантливо имитировать их. Это был природный, даровитый комик. Вечно, бывало, она всех смешила, сохраняя деланно-серьезный вид».

Что же, родители потворствовали шалостям дочери? Отнюдь. Государыня-мать прекрасно понимала, что ради пользы ребенка время от времени нужно сдерживать ее неумную энергию. Но еще раз повторим: в отличие от многих и многих современных нам матерей мудрая государыня Александра Феодоровна вовсе не желала переделывать натуру ребенка на собственный вкус, ломать ее.

Она позволяла дочерям, опираясь на привитые правила христианского благочестия, развиваться в зависимости от богоданных качеств. В результате шаловливость — качество, которое могло бы переродиться в нечто малопривлекательное, у великой княжны Анастасии превратилось в достоинство: веселость юной девушки не только радовала, но и утешала окружающих.

«Все любили Анастасию, так как своим очарованием каждое серое мгновение она умела претворить в радость и рассеять всякую заботу своей девичьей веселостью. Мать Анастасии, человек суровый, не раз пробовала выговаривать дочери, но эти выговоры обыкновенно кончались смехом и поцелуями. Отец, брат, старшие сестры, учительница, француз и домашний врач, преподаватель музыки, горничная, лакей — все домашние обожали Анастасию.

В России гремит революция... Семья Анастасии занимает отдельный дом, окруженный стражей. Разрешается выходить в сад, но не разрешается выходить в город. Перевозят всех в Тобольск. Там тоже запрещено выходить из дому.

Анастасия остается веселой.

Однажды устроили любительский спектакль. Сама играла главную роль и в самых чувствительных сценах выказала столько комизма, что даже суровая мать Анастасии “умирала со смеху”, как записал в своем дневнике домашний врач доктор Боткин» (В. Грубинский. «Анастасия»).

«Анастасия Николаевна была... большая шалунья, и не без лукавства. Она во всем быстро схватывала смешные стороны; против ее выпадов трудно было бороться. Она была баловница — недостаток, от которого она исправилась с годами. Очень ленивая, как это бывает иногда с очень способными детьми, она

обладала прекрасным произношением французского языка и разыгрывала маленькие театральные сцены с настоящим талантом. Она была так весела и так умела разогнать морщины у всякого, кто был не в духе, что некоторые из окружающих стали, вспоминая прозвище, данное ее матери при английском дворе, звать ее “Солнечный луч”» (П. Жильяр).

Можно ли сказать, что Анастасия Николаевна не соответствовала словам апостола Павла: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом»? (1 Пет. 3, 3-4). Вовсе нет. Анастасия была послушна родителям и старшим сестрам. Кроткий и молчаливый дух внутренне, а не внешне был присущ и ей, потому что Анастасия была смиренна. Именно смиренна, поскольку слово «смирение» так и притягивает скрытым в нем словосочетанием «с миром». Принимать все с миром. Даже издевательства красных «товарищей»...

Невозможно оторвать взгляд от фотографии царской семьи. Самые младшие, Алексей и Анастасия, стоят рядом, младшая царевна дружески обнимает любимого брата. Наверное, брат понимал ее больше старших сестер — сближали юный возраст и любовь к проказам. Когда царевичу не хватало мальчишеского общества, «постреленок» Анастасия успешно заменяла его. Офросимова писала: «Когда приходили княжны, в особенности великая княжна Анастасия Николаевна, начинались страшная возня и шалости. Великая княжна Анастасия Николаевна была отчаянной шалуньей и верным другом во всех приказаниях цесаревича...» Она же вспоминает про Анастасию: «Две старшие великие княжны были настоящими окончившими курс сестрами милосердия. Две младшие: Мария и Анастасия Николаевны — работали на раненых шитьем белья для солдат и их семей, приготовлением бинтов и корпии; они очень сокрушались, что, будучи слишком юны, не могли стать настоящими сестрами милосердия, как великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны...»

Так что маленькая царевна умела не только шалить. Правда, работа давалась ей труднее, чем старшим сестрам. «Напротив меня сидит великая княжна Анастасия Николаевна. Ее хорошенькое личико полно жизни и лукавства. Ее быстрые глазки всегда сверкают неудержимым весельем и задором, они неустанно зорко высматривают, где бы ей нашалить... Острый, подчас беспощадный язычок рассказывает о всем виденном. Всюду, где она появляется, загорается неудержимая жизнь и звучит веселый смех. При ней “даже раненые пляшут”, по собственному ее выражению. Как ей не сидится за шитьем! Но бледные, тонкие руки Татьяны Николаевны быстро вяжут рукавицу, Ольга Николаевна еще ниже склонила голову над шитьем, а Мария Николаевна выбирает новую работу. Надо сидеть и работать... И ее быстрая ручка берет первую попавшуюся детскую рубашонку» (С. Я. Офросимова).

Вот как! При Анастасии даже раненные пляшут. Воистину она была не только проказницей, но и утешительницей. Ее живость и быстроту использовала Александра Феодоровна, когда сама из-за болезни вынуждена была сидеть без движения. «Мои ноги», — говорила государыня про младшую дочь. И в заключении Анастасия осталась веселой. Про ее дальнейшую возможную судьбу гадать труднее всего. Такие натуры, как великая княжна Анастасия, малопредсказуемы. Ей было всего семнадцать лет, когда ее настиг конец земной жизни в подвале Ипатьевского дома. Анастасия умерла не от пули, ее докалывали штыками, смерть ее была мучительной. Успела ли понять эта девочка, видевшая в жизни столько радости и столько радости людям дарившая, что вообще происходит? Можно с уверенностью сказать лишь то, что ни капли ненависти не смутило в последний миг ее чистую душу.

Глава 10

ВОСПИТАНИЕ СЫНА

Единственного сына императора Николая II, дарованного Богом в ответ на долгую, усердную родительскую молитву, наверное, без преувеличения можно назвать самой притягательной и самой неразгаданной детской фигурой в русской истории. «Во время крещения с младенцем произошел замечательный случай, обративший на себя внимания всех присутствующих, — писал игумен Серафим (Кузнецов). — Когда новорожденного цесаревича помазывали святым миром, он поднял свою ручку и простер свои пальчики, как бы благословляя присутствующих». Кем бы мог стать этот мальчик, доживи он до зрелости? Можно лишь предполагать, что для России вымолен был великий царь. Но оборота «если бы» история не знает. И хотя мы понимаем, что фигура юного цесаревича Алексея слишком ярка и необычна, все-таки обратимся к его светлому образу, желая изыскать во взаимоотношениях этого мальчика с окружающим миром пример для поучения и подражания.

Воспитание уважения к женщине

Отношение к женщинам — вот лучший способ проверить благородство мужчины. Он должен к каждой женщине относиться с уважением независимо от того, богатая она или бедная, высокое или низкое занимает общественное

положение, и оказывать ей всяческие знаки уважения», — записала в дневнике императрица Александра Феодоровна. Ей можно было писать подобные слова уверенно: пример мужского благородства, рыцарского отношения к женщине был всегда у нее перед глазами — супруг, император Николай II.

Очень важно, что и маленький царевич Алексей с детства мог видеть уважительное отношение к женщинам со стороны человека, авторитет которого был для него беспорен. Государь не оставлял без внимания даже мелочей, благодаря которым возможно было преподнести сыну урок, что явствует из забавного случая, рассказанного баронессой С. К. Бухсгевден:

«Во время одной прогулки по берегу Днепра, при посещении императорской Ставки Верховного главнокомандующего, цесаревич, будучи в шаловливом настроении, вытащил у меня зонтик и бросил его в реку. Великая княжна Ольга и я старались зацепить его палками и ветками, но так как он был раскрыт, то течением и ветром его подхватило, и не было под рукой ни лодки, ни плота, с которого можно было бы его поймать.

Неожиданно появился государь. “Что это за представление?” — спросил он, удивленный нашими упражнениями около воды. “Алексей бросил ее зонтик в реку, и это такой стыд, так как это ее самый лучший”, — ответила великая княжна, стараясь безнадежно зацепить ручку большой корявой веткой. Улыбка исчезла с лица государя. Он повернулся к своему сыну: “Так в отношении дамы не поступают, — сказал он сухо. — Мне стыдно за тебя, Алексей. Я прошу извинения за него, — добавил он, обращаясь ко мне, — и я попробую исправить дело и спасти этот злополучный зонтик”.

К моему величайшему смущению, император вошел в воду. Когда он дошел до зонтика, вода была ему выше коленей...

Он передал его мне с улыбкой.

“Мне все же не пришлось плыть за ним! Теперь я сяду и буду сушиться на солнце”. Бедный маленький царевич, красный от отцовского резкого замечания, расстроенный, подошел ко мне. Он извинился, как взрослый.

Вероятно, государь позже поговорил с ним, так как после этого случая он перенял манеру отца, подчас забавляя нас неожиданными старомодными знаками внимания по отношению к женщинам. Это было очаровательно».

Чувство товарищества

В любой педагогической литературе мы прочтем, что необходимым условием для развития ребенка является его общение с товарищами. Наверное,

особенно важно это для мальчиков — будущих мужчин, социальная роль которых традиционно шире и ответственнее, чем у женщин. Впрочем, неумение установить первые контакты с ровесниками, дефицит общения с другими детьми может вредно отразиться на психике любого ребенка. Не менее важно, чтобы ребенок с детства учился выбирать себе товарищей сам, следуя своим симпатиям, а не «дружил» по родительскому приказу. В царской семье эта проблема стояла острее, чем в любой другой. Во-первых, мальчик был наследником престола; во-вторых, он был серьезно болен. Но именно по первой причине родители не имели права превращать сына в несчастное одинокое существо, «ребенка из оранжереи», растущего в изоляции от мира. Кроме того, наследник был застенчив, и государь хотел помочь сыну избавиться от стеснительности. Родители могли бы попытаться решить проблему общения сына, так сказать, «официально», искусственно составив ребенку компанию из детей своих родственников. Ничего подобного царь и царица не допустили. Напротив, по воспоминаниям Танеевой, императрица боялась за сына и редко приглашала к нему двоюродных братьев, «резвых и грубых мальчиков. Конечно, на это сердились родные...». Зато наследнику не возбранялось играть с сыновьями своего пестуна матроса Деревенко, на что родные, надо полагать, сердились еще больше. Но государь и государыня, не принимавшие пересуды близко к сердцу, тем более не обращали на них внимания, когда речь шла о пользе детей.

Серьезно обеспокоен был всеми проблемами своего царственного воспитанника его учитель и наставник Пьер Жильяр. Впоследствии Жильяр напишет, что Алексей Николаевич страдал от отсутствия товарищей. «Оба сына матроса Деревенко, его обычные сотоварищи в играх, были гораздо моложе его, и ни по образованию, ни по развитию ему не подходили. Правда, по воскресеньям и праздникам к нему приезжали двоюродные братья, но эти посещения были редки. Я несколько раз настаивал перед императрицей в том, что это надо бы изменить. Были сделаны кое-какие попытки в этом смысле, но они ни к чему не привели. Правда, болезнь Алексея Николаевича крайне затрудняла выбор ему товарищей. К счастью, его сестры, как я уже говорил, любили играть с ним; они вносили в его жизнь веселье и молодость, без которых ему было бы очень трудно».

Видимо, проблему общения ребенка Жильяр считал достаточно важной, если в своих воспоминаниях упомянул о ней не единожды. Так, например, он рассказывает о том, как царевич обрел наконец настоящего товарища — сына лейб-хирурга Деревенко (однофамильца матроса): «Между тем я был особенно озадачен приисканием наследнику товарищей. Эту задачу было очень трудно разрешить. По счастью, обстоятельства сами собой отчасти пополнили этот пробел. Доктор Деревенко имел сына одних приблизительно лет с наследником. Дети познакомились и вскоре подружились. Не проходило воскресенья,

праздника или дня отпуска, чтобы они не соединялись. Наконец, они стали видаться ежедневно, и цесаревич получил даже разрешение посещать доктора Деревенко, жившего на маленькой даче недалеко от дворца. Он часто проводил там всю вторую половину дня в играх со своим другом и его товарищами в скромной обстановке этой семьи среднего достатка. Нововведение подвергалось большой критике, но их величества не обращали на это внимания: они сами были так просты в своей частной жизни, что могли только поощрять такие же вкусы своих детей».

Юлия Ден, однако, утверждает, что у цесаревича, напротив, было много друзей «всех возрастов и всех сословий, которые играли с ним». Но называет лишь уже упомянутых нами двух сыновей матроса Деревенко, еще двух крестьянских мальчиков, к которым Алексей Николаевич был очень привязан, и своего сына Тити. Сын Лили Ден, по ее словам, носился сломя голову с наследником и получал от этого огромное удовольствие». С друзьями царевич вел себя очень вежливо и невысокомерно. «Наследник престола был столь же учтив, как и его сестры, — вспоминает Ден. — Однажды мы с государыней сидели в ее лиловом будуаре, и вдруг из соседней комнаты послышались возбужденные голоса цесаревича и Тити.

— Думаю, они соряются, — проговорила государыня и, подойдя к дверям, прислушалась. Потом со смехом повернулась ко мне: — Вовсе они не соряются, Лили. Алексей настаивает на том, чтобы первым в лиловую комнату вошел Тити, а добрый Тити и слышать об этом не желает!»

На самом деле круг общения наследника был весьма узок. Самым близким его детским другом был, по всей видимости, Коля Деревенко, который вместе с отцом последовал за арестованной царской семьей в Тобольск, затем в Екатеринбург. В Тобольске Коля был единственным, кто по воскресным дням допускался к царской семье, и очень скрашивал безрадостное существование наследника в заточении.

Воспитание воли

«Перейдем к властительной части — к воле, — наставляет святитель Иоанн Златоуст в Слове о воспитании детей. — Не следует ни полностью отсекал ее у юноши, ни позволять ей проявляться во всех случаях, но будем воспитывать их с раннего возраста в том, чтобы, когда сами они подвергаются несправедливости, переносить это, если же увидят кого-либо обижаемым, то храбро выступить на помощь и должным образом защитить истязаемого... Пусть не будет он ни изнеженным, ни диким, но мужественным и кротким».

Эти слова написаны как будто про царевича Алексея Николаевича. Клавдия

Михайловна Битнер, дававшая наследнику уроки в Тобольске, так вспоминала о нем: «Я любила больше всех Алексея Николаевича. Это был милый хороший мальчик. Он был умный, наблюдательный, восприимчивый, очень ласковый, веселый и жизнерадостный, несмотря на свое часто тяжелое болезненное состояние. Если он хотел выучить что-либо, он говорил: “Погодите, я выучу”. И если действительно выучивал, то это уже у него оставалось и сидело крепко.

Он привык быть дисциплинированным, но не любил былого придворного этикета. Он не переносил лжи и не потерпел бы ее около себя, если бы взял власть когда-либо.

В нем были совмещены черты отца и матери. От отца он унаследовал его простоту. Совсем не было в нем никакого самодовольства, надменности, заносчивости. Он был прост. Но он имел большую волю и никогда бы не подчинился постороннему влиянию. Вот государь, если бы он опять взял власть, я уверена, забыл бы и простил поступки тех солдат, которые были известны в этом отношении. Алексей Николаевич, если бы получил власть, этого бы никогда им не забыл и не простил и сделал бы соответствующие выводы.

Он многое понимал и понимал людей. Но он был замкнут и сдержан. Он был страшно терпелив, очень аккуратен, дисциплинирован и требователен к себе и другим. Он был добр, как и отец, в смысле отсутствия у него возможности в сердце причинить напрасно зло. В то же время он был бережлив. Как-то однажды он был болен, ему подали кушанье, общее со всей семьей, которое он не стал есть, потому что не любил это блюдо. Я возмутилась. Как это не могут приготовить ребенку отдельно кушанье, когда он болен. Я что-то сказала. Он мне ответил: “Ну вот еще. Из-за меня одного не надо тратить”».

Сильная воля у царевича Алексея была наследным качеством, но она развилась и окрепла из-за частых физических страданий, причиняемых ребенку страшной болезнью. Болезнь вообще стала своеобразным воспитателем маленького мученика. Как пишет Анна Танеева, «частые страдания и невольное самопожертвование развили в характере Алексея Николаевича жалость и сострадание ко всем, кто был болен, а также удивительное уважение к матери и всем старшим». Это при том, что Александра Феодоровна не могла быть с сыном такой строгой, как ей, быть может, хотелось бы.

«Она отлично знала, что смерть может наступить от этой болезни каждую минуту, при малейшей неосторожности Алексея, которая даром пройдет каждому другому. Если он подходил к ней двадцать раз в день, то не было

случая, чтобы она его не поцеловала, когда он, подойдя к ней, уходил от нее. Я понимал, что она каждый раз, прощаясь с ним, боялась не увидеть его более» (П. Жильяр). В связи с таким тяжелым положением был период, когда все положительные качества, унаследованные Алексеем Николаевичем, могли быть вытеснены развивающейся капризностью или же чувством ущербности, если бы родители не пошли на опасный опыт и не дали своему мальчику права на риск. Об этом следует поговорить подробнее.

Право на риск

Для начала приведем еще несколько воспоминаний. Анна Танеева: «Жизнь Алексея Николаевича была одной из самых трагичных в истории царских детей. Он был прелестный, ласковый мальчик, самый красивый из всех детей. Родители и его няня Мария Вишнякова в раннем детстве его очень баловали, исполняя его малейшие капризы. И это понятно, так как видеть постоянные страдания маленького было очень тяжело; ударится ли он головкой или рукой о мебель, сейчас же появлялась огромная синяя опухоль, показывающая на внутреннее кровоизлияние, причинявшее ему тяжкие страдания. Пяти-шести лет он перешел в мужские руки, к дядьке Деревенько. Этот, бывало, не так баловал, хотя был очень предан и обладал большим терпением. Слышу голосок Алексея Николаевича во время его заболеваний: “Подними мне руку”, или: “Поверни ногу”, или “Согрей мне ручки”, и часто Деревенько успокаивал его. Когда он стал подрастать, родители объяснили Алексею Николаевичу его болезнь, прося быть осторожным. Но наследник был очень живой, любил игры и забавы мальчиков, и часто было невозможно его удержать. “Подари мне велосипед”, — просил он мать. “Алексей, ты знаешь, что тебе нельзя!” — “Я хочу учиться играть в теннис, как сестры!” — “Ты знаешь, что ты не смеешь играть”. Иногда Алексей Николаевич плакал, повторяя: “Зачем я не такой, как все мальчики?”».

С. Офросимова: «Живость его не могла умериться его болезнью, и, как только ему становилось лучше, как только утихали его страдания, он начинал безудержно шалить; он зарывался в подушки, сползал под кровать, чтобы напугать врачей мнимым исчезновением. Только приход государя мог его усмирить. Сажая отца к себе на кровать, он просил его рассказать о занятиях его величества, о полках, шефом которых он был и по которым очень скучал. Он внимательно слушал рассказы государя из русской истории и обо всем, что лежало за пределами его скучной больничной постели. Государь с большой радостью и глубокой серьезностью делился с ним всем...

Когда приходили княжны, в особенности великая княжна Анастасия Николаевна, начинались страшная возня и шалости. Великая княжна Анастасия

Николаевна была отчаянной шалуньей и верным другом во всех проказах цесаревича, но она была сильна и здорова, а цесаревичу запрещались эти опасные для него часы детских шалостей».

П. Жильяр: «Вот такова была ужасная болезнь, которой страдал Алексей Николаевич; постоянная угроза жизни висела над его головой: падение, кровотечение из носа, простой порез — все, что для обыкновенного ребенка было бы пустяком, могло быть для него смертельно».

Его нужно было окружать особым уходом и заботами в первые годы его жизни и постоянной бдительностью стараться предупреждать всякую случайность. Вот почему к нему по предписанию врачей были приставлены в качестве телохранителей два матроса с императорской яхты: боцман Деревенко и его помощник Нагорный, которые по очереди должны были за ним следить.

Когда я приступил к моим новым обязанностям, мне было не так-то легко завязать первые отношения с ребенком. Я должен был говорить с ним по-русски, отказавшись от французского языка. Положение мое было щекотливо. Не имея никаких прав, я не мог требовать подчинения.

Как я уже сказал, я был вначале удивлен и разочарован, не получив никакой поддержки со стороны императрицы. Целый месяц я не имел от нее никаких указаний. У меня сложилось впечатление, что она не хотела вмешиваться в мои отношения с ребенком. Этим сильно увеличилась трудность моих первых шагов, но это могло иметь то преимущество, что, раз завоевав положение, я мог более свободно утвердить свой личный авторитет. Первое время я часто терялся и даже приходил в отчаяние. Я подумывал о том, чтобы отказаться от принятой на себя задачи.

К счастью, я нашел в докторе Деревенко отличного советника, помощь которого мне была очень ценна. Он посоветовал мне быть терпеливее. Он объяснил, что вследствие постоянной угрозы жизни ребенка и развившегося в императрице религиозного фатализма она представила все течению времени и откладывала день ото дня свое вмешательство в наши отношения, не желая причинять лишних страданий своему сыну, если ему, быть может, не суждено было жить. У нее не хватало храбрости вступать в борьбу с ребенком, чтобы навязывать ему меня.

Я сам сознавал, что условия были неблагоприятны. Но, несмотря на все, у меня оставалась надежда, что со временем состояние здоровья моего воспитанника улучшится.

Тяжелая болезнь, от которой Алексей Николаевич только что начал оправляться, очень ослабила его и оставила в нем большую нервность. В это

время он был ребенком, плохо переносившим всякие попытки его сдерживать; он никогда не был подчинен никакой дисциплине. Во мне он видел человека, на которого возложили обязанность принуждать его к скучной работе и вниманию и задачей которого было подчинить его волю, приучив его к послушанию. Его уже окружал бдительный надзор, который, однако, позволял ему искать убежища в бездействии; к этому надзору присоединился теперь новый элемент настойчивости, угрожавший отнять это последнее убежище. Не сознавая еще этого, он это чувствовал. У меня создавалось вполне ясное впечатление глухой враждебности, которая иногда переходила в открытую оппозицию».

Как видим, не все шло благополучно. Болезнь, вместо того чтобы закалить характер мальчика (что и произошло впоследствии), могла полностью изломать его и погубить благие задатки. Из приведенных фрагментов воспоминаний становится ясно, что особенно тяжело было живому, веселому ребенку постоянно сдерживать свои мальчишеские порывы и ощущать себя «не таким, как все мальчики». Тем не менее кажется, что гиперопека, которой подвергался маленький Царевич, была вполне обоснованна. Но так ли это было? Жильяр засомневался первым, тем более что с каждым днем он открывал в своем воспитаннике все новые и новые замечательные качества и все сильнее привязывался к нему:

«Тем временем дни шли за днями, и я чувствовал, как укрепляется мой авторитет. Я мог отметить у моего воспитанника все чаще и чаще повторявшиеся порывы доверчивости, которые были для меня как бы залогом того, что вскоре между нами установятся более сердечные отношения».

По мере того как ребенок становился откровеннее со мной, я лучше отдавал себе отчет в богатстве его природы и убеждался в том, что при наличии таких счастливых дарований было бы несправедливо бросить надежду...

Алексею Николаевичу было тогда девять с половиной лет. Он был довольно крупным для своего возраста, имел тонкий, продолговатый овал лица с нежными чертами, чудные светло-каштановые волосы с бронзовыми переливами, большие сине-серые глаза, напоминавшие глаза его матери. Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, как резвый и жизнерадостный мальчик. Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был наследником престола, об этом он всего меньше помышлял. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями матроса Деревенко, которые оба были несколько моложе его.

У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе. В маленьком капризном существе, каким он казался

вначале, я открыл ребенка с сердцем, от природы любящим и чувствительным к страданиям, потому что сам он уже много страдал. Как только это убеждение вполне сложилось во мне, я стал бодро смотреть в будущее. Моя работа была бы легка, если бы не было окружавшей нас обстановки и условий среды».

А теперь на минуту оторвемся от воспоминаний Жильяра и вернемся в наше время. Откроем книгу современных психологов Ирины Медведевой и Татьяны Шишовой, много лет работающих с проблемными детьми. Вот что мы прочтем: «Так называемая гиперопека, когда родители окружают своего ребенка излишней заботой, сегодня явление достаточно распространенное... Ведь разрешать ребенку быть самостоятельным — это риск, и нередко огромный риск. То ли дело неусыпный надзор! Конечно, он отнимает много времени и сил, зато вы обеспечиваете себе спокойную жизнь и выглядите при этом почтенно в глазах окружающих... Что же касается риска, то без него, конечно, жить спокойнее. Вам. Но спокойствие-то за счет ребенка, о котором вы якобы так радуете. Ибо каждый его самостоятельный шаг есть репетиция. Чем больше репетиций, тем полноценнее сыграет он спектакль под названием “Жизнь”. А на что его обрекаете вы?»

В приведенном отрывке речь шла о детях здоровых. А в случае с наследником усиленная забота родителей вовсе не кажется излишней. Но так не казалось самому царевичу Алексею, которого, кстати, впереди ожидал не просто «спектакль под названием “Жизнь”», а труднейшая из ролей в этом спектакле — управление великой империей. И воспитатель Жильяр прекрасно понял ребенка. Вернемся к его воспоминаниям:

«Я поддерживал, как уже об этом выше сказал, лучшие отношения с доктором Деревенко, но между нами был один вопрос, на котором мы не сходились. Я находил, что постоянное присутствие двух матросов — боцмана Деревенко и его помощника Нагорного — было вредно ребенку. Эта внешняя сила, которая ежеминутно выступала, чтобы отстранить от него всякую опасность, казалось мне, мешала укреплению внимания и нормальному развитию воли ребенка. То, что выигрывалось в смысле безопасности, ребенок проигрывал в смысле действительной дисциплины. На мой взгляд, лучше было бы дать ему больше самостоятельности и приучить находить в самом себе силы и энергию противодействовать своим собственным импульсам, тем более что несчастные случаи продолжали повторяться. Было невозможно все предусмотреть... Это был лучший способ, чтобы сделать из ребенка, и без того физически слабого, человека бесхарактерного, безвольного, лишнего самообладания, немощного и в моральном отношении. Я говорил в этом смысле с доктором Деревенко. Но он был так поглощен опасением рокового исхода и подавлен, как врач, сознанием своей тяжелой ответственности, что я не мог убедить его разделить мои воззрения.

Только одни родители могли взять на себя решение такого вопроса, могущего иметь столь серьезные последствия для ребенка. К моему великому удивлению, они всецело присоединились ко мне и заявили, что согласны на опасный опыт, на который я сам решился лишь с тяжелым беспокойством. Они, без сомнения, осознавали вред, причиняемый существующей системой тому, что было самого ценного в их ребенке. Они любили его безгранично, и именно эта любовь давала им силу идти на риск какого-нибудь несчастного случая, последствия которого могли быть смертельны, лишь бы не сделать из него человека, лишённого мужества и нравственной стойкости.

Алексей Николаевич был в восторге от этого решения. В своих отношениях к товарищам он страдал от постоянных ограничений, которым его подвергали. Он обещал мне оправдать доверие, которое ему оказывали.

Как ни был я убежден в правильности такой постановки дела, мои опасения лишь усилились. У меня было как бы предчувствие того, что должно было случиться...

Вначале все шло хорошо, и я начал было успокаиваться, как вдруг внезапно стряслось несчастье, которого мы так боялись. В классной комнате ребенок взлез на скамейку, поскользнулся и упал, стукнувшись коленкой об угол. На следующий день он уже не мог ходить. Еще через день подкожное кровоизлияние усилилось, опухоль, образовавшаяся под коленом, быстро охватила нижнюю часть ноги. Кожа натянулась до последней возможности, стала жесткой под давлением кровоизлияния, которое стало давить на нервы и причиняло страшную боль, увеличивавшуюся с часу на час.

Я был подавлен. Ни государь, ни государыня не сделали мне даже тени упрека — наоборот, казалось, что они всем сердцем хотят, чтобы я не отчаялся в задаче, которую болезнь делала еще более трудной. Они как будто хотели своим примером побудить и меня принять неизбежное испытание и присоединиться к ним в борьбе, которую они вели уже так давно. Они делились со мной своей заботой с трогательной благожелательностью».

Борьба за ребенка была выиграна. Никто не мог излечить болезнь неизлечимую, но из «маленького капризного существа», каким показался вначале царевич Жильяру возрос настоящий христианин с чутким сердцем и сильной волей. Из года в год из наследника возрастал бы государь. Но ему суждено было иное. Так и не довелось созреть и раскрыться до конца этой удивительной, богатейшей натуре.

И. Степанов: «Несколько раз (в лазарете. — М. К.) бывал наследник. Здесь я не могу писать спокойно. Нет умиления передать всю прелесть этого облика, всю нездешность этого очарования. Не от мира сего. О нем говорили: “Не

жилец!” Я в это верил и тогда. Такие дети не живут. Лучистые глаза, чистые, печальные и вместе с тем светящиеся временами какой-то поразительной радостью».

С. Я. Офросимова: «Идет праздничная служба... Храм залит сиянием бесчисленных свечей. Цесаревич стоит на царском возвышении. Он почти дорос до государя, стоящего рядом с ним. На его бледное прекрасное лицо льется сияние тихо горящих лампад и придает ему неземное, почти призрачное выражение. Большие, длинные глаза его смотрят не по-детски серьезным, скорбным взглядом... Он неподвижно обращен к алтарю, где совершается торжественная служба... Я смотрю на него, и мне чудится, что я где-то видела этот бледный лик, эти длинные, скорбные глаза... Я напрягаю свою память и вдруг вспоминаю... Убиенные Борис и Глеб...»

Наследник

Воспитание любого мальчика как будущего главы семьи должно заключаться в воспитании ответственности, самостоятельности, умении в нужной ситуации принять решение, ни на кого не оглядываясь. В то же время в нем необходимо воспитывать сострадание и чуткость и важное свойство — умение прислушиваться к мнению Других людей. Мальчика нужно готовить к роли мужа, отца и хозяина дома. Для царевича Алексея таким домом была вся Россия.

«Царица внушила своему сыну, что пред Богом все равны и гордиться своим положением не должно, а надо уметь благородно держать себя, не унижая своего положения» (Игумен Серафим (Кузнецов). «Православный царь-мученик»). Если бы мать не приложила к этому стараний, то положение воспитателя наследника, которое и так было непростым, стало бы еще сложнее.

«Я понимал яснее, чем когда-либо, насколько условия среды мешали успеху моих стараний. Мне приходилось бороться с подострастием прислуги и нелепым преклонением некоторых из окружающих. И я был даже очень удивлен, видя, как природная простота Алексея Николаевича устояла перед этими неумеренными восхвалениями.

Я помню, как депутация крестьян одной из центральных губерний России пришла однажды поднести подарки наследнику цесаревичу. Трое мужчин, из которых она состояла, по приказу, отданному шепотом боцманом Деревенко, опустились на колени перед Алексеем Николаевичем, чтобы вручить ему свои подношения. Я заметил смущение ребенка, который багрово покраснел. Как только мы остались одни, я спросил его, приятно ли ему было видеть этих людей перед собою на коленях. “Ах нет! Но Деревенко говорит, что так

полагается!”

Я переговорил тогда с боцманом, и ребенок был в восторге, что его освободили от того, что было для него настоящей неприятностью».

И. Степанов вспоминает: «В последних числах января 1917 года я был в царском Александровском дворце у губернатора наследника Жильяра, и мы вместе с ним прошли к цесаревичу. Алексей Николаевич с каким-то кадетом оживленно вел игру у большой игрушечной крепости. Они расставляли солдатиков, палили из пушек, и весь их бойкий разговор пестрел современными военными терминами: пулемет, аэроплан, тяжелая артиллерия, окопы и прочее. Впрочем, игра скоро кончилась, и наследник с кадетом стали рассматривать какие-то книги. Затем вошла великая княжна Анастасия Николаевна... Вся эта обстановка детских двух комнат наследника была проста и нисколько не давала представления о том, что тут живет и получает первоначальное воспитание и образование будущий русский царь. На стенах висели карты, стояли шкафы с книгами, было несколько столов, стульев, но все это просто, скромно до чрезвычайности.

Алексей Николаевич, говоря со мной, вспоминал нашу с ним беседу, когда он был в поезде с государем осенью 1915 года на юге России: “Помните, вы мне сказали, что в Новороссии Екатерина Великая, Потемкин и Суворов крепким узлом завязывали русское влияние и турецкий султан навсегда потерял значение в Крыму и южных степях. Мне это выражение понравилось, и я тогда же сказал об этом папе. Я всегда ему говорю, что мне нравится”.

Затем наследник стал вспоминать Ставку.

Все это наследник оживленно говорил и бодро и весело глядел своими большими выразительными глазами. Да и вообще Алексей Николаевич имел здоровый и красивый вид. Он постоянно перебегал с одного места на другое».

Особенно ярко проявилось то, что мальчик много заботился о России, но мало — о себе, в эпизоде, рассказанном Жильяром. Императрица поручила наставнику царевича поведать тому об отречении государя Николая от престола: «Я вхожу к Алексею Николаевичу и говорю ему, что государь возвратится из Могилева и туда больше уже не поедет.

— Отчего?

— Потому что ваш отец больше не хочет быть Верховным главнокомандующим.

Эта весть его очень огорчает, так как он любил ездить в Ставку. Через некоторое время я добавляю:

— Вы знаете, Алексей Николаевич, ваш отец больше не хочет быть императором.

Он смотрит на меня испуганно, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

— Как? Почему?

— Потому что он очень устал и перенес много тяжелого в последние дни.

— Ах, да. Мама мне говорила, что остановили его поезд, когда он ехал сюда. Но папа будет императором потом опять?

Я ему объясняю тогда, что император отрекся в пользу великого князя Михаила, который отрекся в свою очередь.

— Но тогда кто же будет императором?

— Я не знаю... теперь — никто.

Ни одного слова о себе, ни одного намека на свои права как наследника. Он густо покраснел и волнуется. После нескольких минут молчания он говорит:

— Если больше нет императора, кто же будет управлять Россией?

Я ему объясняю, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься делами государства до созыва Учредительного собрания, и что тогда, может быть, его дядя Михаил взойдет на престол. Лишний раз я поражаюсь скромности и великодушию этого ребенка».

Однако скромность маленького царевича совершенно не мешала его осознанию себя наследником престола. Довольно известен эпизод, о котором рассказала С. Я. Офросимова: «Цесаревич не был гордым ребенком, хотя мысль, что он будущий царь, наполняла все его существо сознанием своего высшего предназначения. Когда он бывал в обществе знатных и приближенных к государю лиц, у него появлялось сознание своей царственности.

Однажды цесаревич вошел в кабинет государя, который в это время беседовал с министром. При входе наследника собеседник государя не нашел нужным встать, а лишь, приподнявшись со стула, подал цесаревичу руку. Наследник, оскорбленный, остановился перед ним и молча заложил руки за спину; этот жест не придавал ему заносчивого вида, а лишь царственную, выжидающую позу. Министр невольно встал и выпрямился во весь рост перед цесаревичем. На это цесаревич ответил вежливым пожатием руки. Сказав государю что-то о своей прогулке, он медленно вышел из кабинета, государь долго глядел ему вслед и наконец с грустью и гордостью сказал: “Да. С ним вам не так легко будет справиться, как со мной”».

Согласно воспоминаниям Юлии Ден, Алексей, будучи еще совсем маленьким мальчиком, уже осознал, что он наследник:

«Ее величество настаивала на том, чтобы цесаревича, как и его сестер, воспитывали совершенно естественно. В повседневной жизни наследника все происходило буднично, без всяких церемоний, он был сыном родителей и братом своих сестер, хотя подчас было забавно наблюдать за тем, как он изображает из себя взрослого. Однажды, когда он играл с великими князьями, ему сообщили, что во дворец пришли офицеры его подшефного полка и просят разрешения повидаться с цесаревичем. Шестилетний ребенок, тотчас оставив возню с сестрами, с важным видом заявил: “Девушки, уходите, у наследника будет прием”».

Клавдия Михайловна Битнер рассказывала: «Я не знаю, думал ли он о власти. У меня был с ним разговор об этом. Я ему сказала: “А если вы будете царствовать?” Он мне ответил: “Нет, это кончено навсегда”. Я ему сказала: “Ну, а если опять будет, если вы будете царствовать?” Он мне ответил: “Тогда надо устроить так, чтобы я знал больше, что делается кругом”. Я как-то его спросила, что бы тогда он сделал со мной. Он сказал, что он построил бы большой госпиталь, назначил бы меня заведовать им, но сам приезжал бы и “допрашивал” обо всем, все ли в порядке. Я уверена, что при нем был бы порядок».

Да, можно полагать, что при государе Алексее Николаевиче был бы порядок. Этот царь мог бы быть очень популярен в народе, так как воля, дисциплинированность и осознание собственного высокого положения сочетались в натуре сына Николая II с добросердечием и любовью к людям.

А. А. Танеева: «Наследник принимал горячее участие, если и у прислуги стрягнется какое-нибудь горе. Его величество был тоже сострадателен, но деятельно это не выражал, тогда как Алексей Николаевич не успокаивался, пока сразу не поможет. Помню случай с поваренком, которому почему-то отказали в должности. Алексей Николаевич как-то узнал об этом и приставал весь день к родителям, пока не приказали поваренка снова взять обратно. Он защищал и горой стоял за всех своих».

С. Я. Офросимова: «Наследник цесаревич имел очень мягкое и доброе сердце. Он был горячо привязан не только к близким ему лицам, но и к окружающим его простым служащим. Никто из них не видел от него заносчивости и резкого обращения. Он особенно скоро и горячо привязался именно к простым людям. Любовь его к дядьке Деревенько была нежной, горячей и трогательной. Одним из самых больших его удовольствий было играть с детьми дядьки и быть среди простых солдат. С интересом и глубоким

вниманием вглядывался он в жизнь простых людей, и часто у него вырывалось восклицание: “Когда я буду царем, не будет бедных и несчастных, я хочу, чтобы все были счастливы”.

Любимой пищей цесаревича были “щи и каша и черный хлеб, которые едят все мои солдаты”, как он всегда говорил. Ему каждый день приносили пробу щей и каши из солдатской кухни Сводного полка; цесаревич съедал все и еще облизывал ложку. Сияя от удовольствия, он говорил: “Вот это вкусно — не то, что наш обед”. Иногда почти ничего не кушая за царским столом, он тихонько пробирался со своей собакой к зданиям царской кухни и, постучав в стекло окон, просил у поваров ломоть черного хлеба и втихомолку делил его со своей кудрявой любимицей».

П. Жильяр: «Мы выезжали тотчас после завтрака, часто останавливаясь у выезда встречных деревень, чтобы смотреть, как работают крестьяне. Алексей Николаевич любил их расспрашивать; они отвечали ему со свойственными русскому мужику добродушием и простотой, совершенно не подозревая, с кем они разговаривали».

Безмерно много для воспитания в сыне внимания и сострадания к людям сделал сам государь император Николай. Жильяр вспоминал о времени, когда Царевич находился с государем в Ставке: «На возвратном пути, узнав от генерала Иванова, что неподалеку находится передовой перевязочный пункт, государь решил прямо проехать туда.

Мы въехали в густой лес и вскоре заметили небольшое здание, слабо освещенное красным светом факелов. Государь, сопровождаемый Алексеем Николаевичем, вошел в дом, подходил ко всем раненым и с большой добротой с ними беседовал. Его внезапное посещение в столь поздний час и так близко от линии фронта вызвало изумление, выражавшееся на всех лицах. Один из солдат, которого только что вновь уложили в постель после перевязки, пристально смотрел на государя, и, когда последний нагнулся над ним, он приподнял единственную свою здоровую руку, чтобы дотронуться до его одежды и убедиться, что перед ним действительно царь, а не видение. Алексей Николаевич стоял немного позади своего отца. Он был глубоко потрясен стонами, которые он слышал, и страданиями, которые угадывал вокруг себя».

Наследник обожал отца, и государь в «счастливые дни» мечтал о том, чтобы самому заняться воспитанием сына. Но по ряду причин это было невозможно, и первыми наставниками Алексея Николаевича стали мистер Гиббс и месье Жильяр. Впоследствии, когда обстоятельства изменились, государю удалось осуществить свое желание.

Он давал уроки цесаревичу в мрачном доме в Тобольске. Уроки

продолжались в нищете и убожестве екатеринбургского заточения. Но, пожалуй, самым важным уроком, который извлекли наследник и остальные члены семьи, был урок веры. Именно вера в Бога поддерживала их и давала силы в ту пору, когда они лишились своих сокровищ, когда друзья покинули их, когда они оказались преданными той самой страной, важнее которой для них не существовало на свете ничего.

Глава 11

ПАТРИОТИЗМ СВЯТОГО СЕМЕЙСТВА

Императрица Александра Феодоровна: «Истинная патриотическая любовь к Родине не бывает мелочной. Она великодушна. Это не слепое обожание, но ясное видение всех недостатков страны. Такая любовь не озабочена тем, как ее будут восхвалять, а больше думает о том, как помочь ей выполнить ее высшее предназначение. Любовь к Родине по силе близка любви к Богу. Любовь к своей Отчизне сочетает в себе преданную сыновнюю любовь и всеобъемлющую любовь отцовскую, часто трудную, и эта любовь не исключает любви к другим странам и всему человечеству. Во всех видах любви, которые выше простых инстинктов, есть что-то таинственное, и это же можно сказать о патриотизме. Патриот видит в своей стране больше, чем видят другие. Он видит, какой она может стать, и в то же время он знает, что много в ней остается такого, что увидеть невозможно, так как это является частью величия нации. Хотя и видимы ее поля и города, ее высшее величество и главные святыни, как и все духовное, это сфера невидимого».

Любовь к Отечеству — исходное, вложенное в каждого человека глубинное чувство, которое не надо специально усиленно взращивать — оно вызревает само при правильном воспитании, основанном на истинных ценностях, привитых к национальной почве. Ни большой процент чужеземной крови, ни знакомство с мировой культурой, знатоком которой был Николай II, ни многолетнее изучение иностранных языков (с матерью царские дети говорили и переписывались по-английски) нисколько не могли повредить в великих княжнах и царевиче истинного русского патриотизма, основанного прежде всего на православной вере. Дети познавали родную культуру, знакомились с лучшими образцами русской классики и с ее первоисточником — народным творчеством. Царевич Алексей, например, очень любил слушать по ночам русские народные сказки. Но главное, дети всегда имели перед собой пример

родителей, горячо любящих Россию, и никогда не слышали в отличие от многих современных нам детей, как старшие возмущаются «этой страной» и, чувствуя себя в ней почему-то ущербными и ущемленными, вольно или невольно передают это ложное чувство детям. Любовь царской семьи к Отечеству была природной и естественной и претерпела самое сильное испытание — предательство русских людей. Когда императрица после ареста в Царском Селе с помощью своей подруги Лили Ден сжигала личные письма, последняя, видя слезы в глазах царственной подруги, в сердцах воскликнула: «Ненавижу Россию!» И Александра Феодоровна ответила: «Никогда не говорите так, Лили». Для царицы ее подданные были по-прежнему «хорошие», хотя и ослепленные, запутавшиеся.

Письма царственных мучеников из заточения — лучшее свидетельство того, что святая семья, не ослепившись в своей любви и понимая весь трагизм и ужас происходящего, все-таки неизменно любила предавшую их, предавшую себя, несчастную, потрясенную Россию.

Из письма государыни императрицы Александры Феодоровны к А.В. Сыробоарскому, Царское Село, 29 мая 1917 года: «Как тяжело читать газеты... Где мы? Куда дошли? Но Господь спасет еще Родину. В это крепко верю. Только где дисциплина? Сколько гадостей о нем (государе. — М.К.) пишут: слабоумие и т. д. Хуже и хуже, бросаю газеты, больно все время. Все хорошее забыть, тяжело ругательства про любимого человека читать, несправедливость людей, и никогда ни одного хорошего слова... не позволяют, конечно, печатать, но вы понимаете, что за боль. Когда про меня гадости пишут — пускай, это давно начали травить, мне все равно теперь, а что его оклеветали, грязь бросают на Помазанника Божия — это чересчур тяжело. Многострадальный Иов. Лишь Господь его ценит и наградит за его кротость. Как сильно внутри страдает, видя разруху. Это никто не видит. Разве будет другим показывать, что внутри делается, ведь страшно. Свою Родину любить, как же не болеть душой, видя, что творится. Не думала, что за три месяца можно такую анархию видеть, но надо до конца терпеть и молиться... молиться, чтобы Он все спас. А армия... плачешь, не могу читать, бросаю все и вспоминаю страдания Спасителя, Он для нас, грешных, умер, умиосердился еще, может быть. Нельзя все это писать, но это не по почте, и новый комендант-цензор (полковник Кобылинский. — М.К.) не будет меня бранить, я думаю, а Вы не теряйте веру, не надо, не надо, а то уже не хватит сил жить. Увидят сами, что дисциплина и порядок нужны, что не надо бояться быть сильнее плохих разрушительных элементов, которые только стараются скорее видеть гибель России. Они не патриоты, ничего святого у них нет... Наступления ждут, медлят опять... О, больно, больно на душе, но Он спасет, поможет, услышит молитвы любящих Россию... Простите, что все это пишу, может, разорвут эту страницу». Фрагменты письма государыни

императрицы Александры Феодоровны к Юлии Ден, Царское Село, 5 июня 1917 года: «О! Как я рада, что они назначили нового командующего Балтийским флотом (адмирала Развозова). Надеюсь на Бога, что теперь будет лучше. Он настоящий моряк, и я надеюсь, что ему удастся восстановить порядок теперь. Мое сердце дочери и жены солдата страдает ужасно при виде того, что происходит. Не могу и не хочу к этому привыкнуть. Они были такими героями, и как их испортили как раз тогда, когда настало время освободиться от врага. Придется воевать еще много лет. Вы поймете, как он (государь. — М.К.) должен страдать. Он читает газеты со слезами на глазах, но я надеюсь, что они все же победят. У нас столько друзей на фронте. Представляю себе, как ужасно они страдают. Никто, конечно, не может писать. Вчера мы увидели совсем новых людей — такая разница. Приятно было их видеть. Опять пишу то, о чем не должна писать, но это письмо пойдет не по почте, иначе Вы его не получили бы. У меня, конечно, нет ничего интересного, что написать. Сегодня в 12 часов будет молебен. Анастасии исполнилось сегодня шестнадцать лет. Как быстро бежит время. <...>

Вспоминаю прошлое. Надо смотреть на все спокойнее. Что можно сделать? Если Он (Господь. — М.К.) посылает нам такие испытания, то, очевидно, Он считает нас достаточно подготовленными для них. Это своего рода экзамен — надо показать, что мы не напрасно через них прошли. Во всем есть свое хорошее и полезное, каковы бы ни были наши страдания — пусть будет так, Он пошлет нам силы и терпение и не оставит нас. Он милостив. Только надо безропотно преклониться перед Его волей и ждать — там, на другой стороне, Он готовит для всех, кто Его любит, несказанную радость. Вы молоды, как и Ваши дети! Как много их у меня, помимо моих собственных! Вы увидите, и настанет ясное и безоблачное небо, но гроза еще не прошла, и поэтому так душно, но я знаю, что потом будет лучше. Надо только иметь немного терпения, разве это так уж трудно? Я благодарю Бога за каждый день, который проходит спокойно. <...>

Три месяца уже прошло (после революции. — М.К.)! Народу обещали, что будет больше продовольствия и топлива, но все стало хуже и дороже. Они всех обманули — мне жаль народ. Скольким мы помогали, но теперь все кончено. <...>

Ужасно думать об этом! Сколько людей зависело от нас! А теперь? Хотя о таких вещах не говорят, я пишу об этом, потому что мне так жаль тех, для кого жизнь теперь станет труднее. На то Божия воля! Дорогая моя, надо кончать. Нежно целую Вас и Тити. Христос с Вами.

Сердечный привет (от государя. — М.К.). Любящая вас тетя Беби».

От государыни императрицы Александры Феодоровны М. М. Сыробоарской,

Тобольск, 17 октября 1917 года: «Мои мысли Вас много окружают. Столько месяцев ничего о Вас не знала, и Вы мои семь писем не получили. Только два... Перестала почти писать, только изредка. Боюсь другим повредить. Выдумают опять какую-нибудь глупость.

Никто никому не верит, все следят друг за другом. Во всем видят что-то ужасное и опасное. О, люди, люди! Мелкие тряпки. Без характера, без любви к Родине, к Богу. Оттого Он и страну наказывает.

Но не хочу и не буду верить, что Он ей даст погибнуть. Как родители наказывают своих непослушных детей, так и Он поступает с Россией. Она грешила и грешит пред Ним и недостойна Его любви. Но Он, всемогущий, все может. Услышит наконец молитвы страдающих, простит и спасет, когда кажется, что конец уже всего. Кто свою Родину больше всего любит, тот не должен веру потерять в то, что она спасется от гибели, хотя все идет хуже. Надо непоколебимо верить. Грустно, что рука его не поправилась, что не придется вернуться на старое место, но это лучше. Невыносимо тяжело и не по силам было бы. Будьте бодрой. Оба не падайте духом. Что же делать, придется страдать, и, чем больше здесь, тем лучше там. После дождя — солнце, надо только терпеть и верить. Бог милостив, своих не оставит. И Вы увидите еще лучшие дни. Александр Владимирович молод — много впереди. Надо перенести смертельную болезнь, потом организм окрепнет и легче живется и светлее. Молюсь всем сердцем, нежно обнимаю. Сестра А.»

Из письма государыни императрицы Александры Феодоровны к А. В. Сыробоярскому, Тобольск, 10 декабря 1917 года: «Как я счастлива, что мы не за границей... Как хочется с любимым больным человеком все разделить, вместе пережить и с любовью и волнением за ним следить, так и с Родиной. Чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство, — мы одно составляем и делим горе и счастье. Больно нам она сделала, обидела, оклеветала и т. д., но мы ее любим все-таки глубоко и хотим видеть ее выздоровление, как больного ребенка с плохими, но и хорошими качествами, так и Родину родную».

Приведенные выдержки из писем не требуют никакого комментария. Слова императрицы выражали, несомненно, общие мысли, общее настроение всего семейства.

Патриотизм царской семьи еще до революции казался чем-то странным на общем фоне ставшей модной критики России либеральным обществом, всеобщей жажды республиканских перемен. Поэтому патриотизм царя и царицы, не желавших ничего менять в Отечестве в угоду европейской цивилизации и в ущерб российской самобытности, по-разному воспринимался и

оценивался окружающими. Но нам дороги те воспоминания, где любовь к России царственных мучеников оценена настоящими верноподданными.

Флигель-адъютант А. Мордвинов: «Будучи глубоко верующими христианами, они были русскими и православными в особенности. Из этого мировоззрения главным образом и вытекали их национальный патриотизм, их мистическое настроение, их покорность судьбе и стремление полагаться во всем на волю Бога. Отсюда же происходило и их отношение ко всему социалистически-безбожному либерально-материалистическому.

Они оба (император и императрица. — М. К.) не были и не могли быть “демократами” в том смысле, каким проникнуто это слово в современной партийной жизни и какими их хотела бы видеть наша общественность. Но они всем сердцем и всей душой любили свой народ, притом с той силой и благородством, которые даются в удел лишь немногим, только избранным аристократам по духу и крови: такими они и были в действительности...

Быть и сознавать себя русскими было не только их гордостью и радостью, но той необходимостью, без которой, по их искренним выражениям, терялась бы вся прелесть их существования. Они не понимали для себя возможности жить вне России. Как настоящие христиане и глубоко культурные люди, они стремились любить всех, не разбирая национальностей, но русские для них всегда были несравненно лучше всех...

Служение России и народу она (государыня. — М. К.) ставила главной целью своей жизни и радовалась необычайно каждому искреннему чувству, проявленному по отношению к ней кем-либо из этого народа, знатного и ничтожного. Помню, с каким чувством удовлетворения императрица показывала мне ту грудку писем, занимавших чуть ли не целый угол ее комнаты, которые она получала с фронта и из отдаленных деревень с наивными выражениями любви и благодарности».

И. Степанов с восхищением рассказывает о том, что Александра Феодоровна всегда сочувственно относилась к изданиям для народа, очень любила наглядные школьные пособия, часто повторяла, что ей нравятся русский язык, русская речь: «Императрица скоро научилась прекрасно говорить по-русски и писала красиво, вполне владея литературным слогом... Все ходатайства о помощи кому-то встречались всегда императрицей с редкой отзывчивостью, и очень много любви к народу было в этих заботах царицы о деревенских делах. Когда мне приходилось беседовать с Александрой Феодоровной, я всегда уходил от нее с полным убеждением, что это не только высокообразованная, чуткая женщина, но человек, полюбивший глубоко Россию и ее народ и желающий сделать для него много добра.

Знают ли многие, что Александра Феодоровна серьезно интересовалась земельным вопросом России и поддерживала мысли о принудительном (в некоторых случаях) отчуждении земель для наделения ими крестьян? Пройдет время, и справедливая оценка скажет о русской императрице Александре Феодоровне много хорошего. Эта женщина — чудная мать, верная жена, прекрасный, твердый, непеременимый друг, глубокая православная христианка...

Императрице обычно ставят в вину, что своим влиянием она мешала нормальному течению государственных дел, что она, как говорилось, “путалась” во все распоряжения государя и его величество будто бы смотрел на все ее глазами. Мне кажется, в этих обвинениях есть значительное преувеличение. Долгие годы императрица стояла совершенно в стороне от государственных вопросов и всецело жила только семейными интересами и делами благотворительности.

Но настали смутные, тяжелые годы, когда не только царская семья не могла жить спокойно, но когда сама жизнь государя и наследника подверглась опасностям. А сколько было ложных тревог! Каково все это было переносить серьезной, умной, любящей жене и матери?!

Надо бесстрастно разобрать эти отношения и понять их сущность, а не произносить обвинения с чужого голоса, и по преимуществу тех людей, которые сеяли в обществе смуту и недоверие к царскому дому».

Юлия Ден писала: «Благодаря своей добросовестности и доскональности, о которых я уже отзывалась как о главных ее чертах, государыня была более русской, чем большинство русских, и в большей степени православной, чем большинство православных».

Анна Танеева свидетельствовала, что и дети их величеств были горячие патриоты и обожали Россию и все русское. Как и вся царская семья, сильным, осмысленным чувством патриотизма обладали старшие великие княжны. Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна были шефами Гвардейских полков, очень любили свои мундиры и гордились ими. Когда встал вопрос о сватовстве к Ольге Николаевне наследного румынского принца и все располагало к этому браку, юная русская принцесса не согласилась уехать из России, и родители не стали ее принуждать. Пьер Жильяр с грустью напишет потом, что этот брак мог бы избавить царевну от мученической смерти. Но решение юной великой княжны было согласно с Божией волей. В Румынии Ольгу Николаевну ждало бы несчастье, внутреннее одиночество, тоска по родине, потом — румынская революция и изгнание. Но Господу угодно было принять к себе всех членов императорской семьи числом семь, мистически выражающим исполнение

полноты, и юная царевна вместе с родными людьми предстала пред Господним Престолом как святая мученица-дева.

Глава 12

В БОЛЕЗНИ И СКОРБИ...

Маленький страдалец

Страдать надо уметь. В этом, может быть, заключается самая великая христианская наука жизни, так как редкая жизнь обходится без страданий, а без терпения нет христианина. Кто умеет терпеть скорби? Тот из нас, кто честно скажет: «Я не умею», пусть обратится вновь к святому семейству и не только взирает на них мысленным взором как на образец высочайшего терпения, но и будет молитвенно прибегать к царственным мученикам.

Откуда в человеке рождается терпение? Как научились ему такие еще юные царские дети? Несмотря на замкнутый образ жизни, они успели многое повидать. Они видели чужую боль, под чутким духовным руководством родителей учились великой науке сострадания. Тот, кто научился сопереживать, не станет «зацикливаться» эгоистически на собственных бедах и горестях. К тому же, привыкнув постоянно заботиться друг о друге, поддерживать, ухаживать во время болезни, они и в заключении старались подбодрить друг друга собственным примером.

Главное — молитва. «Да будет воля Твоя» — любимые молитвенные слова Николая II. Когда юный царевич, самый маленький из всех, но самый большой страдалец в семье, лежал с приступами страшной болезни, он, крича от боли, утешение искал в молитве и в любви близких, в первую очередь матери. Пьер Жильяр сохранил воспоминания и об этом: «Императрица сидела у изголовья сына с начала заболевания, нагибалась к нему, ласкала его, окружала его своей любовью, старалась тысячью мелких забот облегчить его страдания. Государь тоже приходил, как только у него была свободная минутка. Он старался подбодрить ребенка, развлечь его, но боль была сильнее материнских ласк и отцовских рассказов, и прерванные стоны возобновлялись. Изредка отворялась дверь, и одна из великих княжон на цыпочках входила в комнату, целовала маленького брата и как бы вносила с собою струю свежести и здоровья. Ребенок открывал на минуту свои большие глаза, уже глубоко очерченные болезнью, и

тотчас снова их закрывал.

Однажды утром я нашел мать у изголовья сына. Ночь была очень плохая. Доктор Деревенко был в беспокойстве, так как кровотечение еще не удалось остановить и температура поднималась. Опухоль снова возросла, и боли были еще нестерпимее, чем накануне.

Цесаревич, лежа в кровати, жалобно стонал, прижавшись головой к руке матери, и его тонкое, бескровное личико было неузнаваемо. Изредка он прерывал свои стоны, чтобы прошептать только одно слово: “Мама”, в котором он выражал все свое страдание, все свое отчаяние. И мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской она могла облегчить его страдания, вдохнуть ему немного жизни, которая его покидала. Как передать пытку этой матери, беспомощно присутствующей при мучениях своего ребенка в течение долгих часов смертельной тревоги, — этой матери, которая знала, что она причина этих страданий, что она передала ему ужасную болезнь, против которой бессильна человеческая наука! Как понимал я теперь скрытую драму этой жизни и как легко мне было восстановить этапы долгого крестного пути!»

Анна Танеева: «Последующие три недели он находился между жизнью и смертью, день и ночь кричал от боли; окружающим было тяжело слышать его постоянные стоны, так что иногда, проходя его комнату, они затыкали уши. Государыня все это время не раздевалась, не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживала у кровати своего маленького больного сына, который лежал на бочку с поднятой ножкой — без сознания. Ногу эту Алексей Николаевич потом долго не мог выпрямить...

Как-то раз Алексей Николаевич сказал своим родителям: “Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник”».

«Воспитанный в благочестивой семье, окруженный бесконечной любовью и заботами матери и отца и лаской сестер, этот отрок сам отдавал всем окружающим свое доброе сердце, простоту и ласку, терпением отвечал на грубости и оскорбления. Не является ли этот отрок лучшим путеводным огнем в нашей греховной, мрачной жизни, когда мы не умеем не роптать и дерзновенно спрашиваем у Господа: “За что?” Не учит ли нас этот отрок светозарный тому христианскому терпению и любви, которые он почерпнул на уроках Закона Божия со своей страдальцей-матерью и которые он сумел воплотить в жизнь?» (Н. В. Борзов. «Светозарный отрок»).

Царский друг

Говоря о болезни царевича, неправильно будет не сказать два слова и о друге

царской семьи Григории Ефимовиче Распутине. Ведь до сих пор мы безумствуем, решая за святого царя, правильно или неправильно выбирал он друзей. Но духовность царской семьи не поддается нашему немощному анализу — она выше всего, что мы можем себе представить. Хотя, конечно, это была семья, жившая всеми радостями и горестями обыкновенной человеческой жизни, однако отсутствие какой-то особой аскезы не должно нас обманывать — мы говорим о людях, подвиг которых еще выше, оттого что всем нам они явили пример святости в миру. Их православная духовность была здоровой, не поврежденной никакой фанатичностью, истерией или фатализмом. Если мы еще раз внимательно прочтем дневники и письма государыни Александры Феодоровны, в которых она предстает человеком, исполненным истинного духовного трезвения, наголову выше окружающих, если вновь поразимся глубине и продуманности ее религиозных суждений, идущих от сердца, то, конечно, нам станет совершенно ясно, что эта женщина не почтила бы высоким именем своего друга-шарлатана, а уж тем более экстрасенса. В отличие от многих и многих родителей, отдающих детей в руки современных колдунов, под действие бесовской силы, Александра Феодоровна заботилась в первую очередь о душе своих детей, а уже потом о их телесном здоровье. Никогда бы не позвала она к умирающему сыну колдуна, предпочла бы телесную смерть ребенка повреждению его души.

Мог ли государь, такой чуткий в духовной жизни, обращаться к темным силам? Вспомним его роль в деле прославления святых, в том числе нашего любимого батюшки Серафима Саровского. Могли бы дети сохранить незапятнанную сердечную чистоту пройдя «сеанс лечения» у целителя? Конечно же, нет. Могла ли всегда такая благоразумная, совершенно лишенная какого-либо мистицизма великая княжна Татьяна считать Распутина другом семьи, будь он тем, чем его представляли? А ведь Татьяна утешала мать в смерти общего друга, выказывая уверенность, что Григорий Ефимович молится за них на небесах. Так же относились к Распутину и другие царские дети. Так кем же был Распутин? В книге игумена Серафима (Кузнецова) «Православный царь-мученик» говорится, что поведение Григория Ефимовича напоминало окружающим поведение юродивого. Хотя светскому обществу все, что ни сделал бы простой мужик, должно было казаться юродством, но все-таки почему бы не принять за версию: Распутин — царский друг — русский юродивый?

То, что Распутин своей молитвой исцелял наследника, подтверждают все, кто писал о Григории Ефимовиче. Правда, свидетели при этом беспомощно разводят руками и говорят: «Совпадение». Но не бывает совпадений там, где действует Божия сила. Честные друзья становятся беспомощными против фактов, которые они же сами честно и аккуратно описывают, их воспоминания

полностью оправдывают Распутина и обеляют в глазах потомков, даже если сами авторы воспоминаний под давлением общего мнения относились к нему предвзято и недружелюбно, как, например, Лили Ден или Пьер Жильяр. Так, Юлия Ден писала: «Если я заявляю, что не видела ничего дурного в Григории Распутине, то меня назовут лгуньей или недалекой женщиной. Причем последнее определение будет вполне мягким по отношению ко мне. И тем менее это истинная правда. Мы никогда не видели в нем чего-либо отрицательного...

Как и многие другие, император был поражен простотой и откровенностью Распутина...

Житье “старца” было весьма скромным, питался он довольно скудно, а вино ему приносили в качестве дара лишь в последний год его жизни...

Я видела лишь моральную сторону этого человека, которого почему-то называли аморальным. И я была не одинока в своей оценке характера сибирского крестьянина. Мне известно наверняка, что многие женщины моего круга, имевшие интрижки на стороне, а так же дамы из полусвета именно благодаря влиянию Распутина вылезли из той грязи, в которую погружались».

Говорим мы о Распутине сейчас для того, что он, как ни парадоксально, может служить примером, к каким духовным силам можно, а к каким нельзя обращаться за помощью в болезни. Государь имел возможность призвать к сыну множество «целителей», но он не сделал этого, однако не возражал против православного сибирского крестьянина — одного из тех, кто по простоте своей свободно обращается к Богу с молитвой и получает просимое,

Мордвинов вспоминал: «Ни один из государственных деятелей ни до Распутина, ни после него не мог утверждать, что пользовался исключительным, всеобъемлющим влиянием... Граф Фредерике однажды, в интимной беседе, в моем присутствии, когда вопрос коснулся тогдашней злобы дня, сказал: “Вы знаете, что я люблю государя, как сына, и потому не мог удержаться, чтобы не спросить его величество, что же наконец такое представляет собой Распутин, о котором все так много говорят. Его величество ответил мне совершенно спокойно и просто: ‘Действительно, слишком уж много и, по обыкновению, много лишнего говорят, как и о всяком, кто не из обычной среды принимается изредка нами. Это только простой русский человек, очень религиозный и верующий... Императрице он нравится своей искренностью; она верит в его преданность и в силу его молитв за нашу семью и Алексея... но ведь это наше совершенно частное дело... удивительно, как люди любят вмешиваться во все то, что их совсем не касается... кому он мешает?’“»

Так и мы не будем делать поспешных выводов и пристрастно судить о том,

что было частным делом императорской семьи. Перейдем к самому трагическому периоду ее жизни — заключению и мученической смерти, когда не в стенах царского дворца, но в нищете и унижении семейство государя Николая II доказало свою истинную преданность Богу и русскому народу.

В заключении

Пересказывать события жизни царственных мучеников в заключении мы не будем, описания их можно найти в литературе, ставшей теперь, слава Богу, доступной для широкого круга читателей. Со временем условия содержания узников становились все жестче, а обращение менявшихся охранников — все унижительнее. Но царственные страдальцы не только не теряли присутствия духа, но и находили в себе силы утешать других. Особенно явственно это видно из переписки императрицы Александры Феодоровны. Приведем здесь еще несколько ее писем.

От государыни императрицы

Александры Феодоровны С. В. Маркову,

Царское Село, март 1917 года

«Когда так тяжело на сердце, Вам безумно грустно — не унывайте, маленький, помните, что есть душа, которая Вас лучше понимает, чем Вы сами знаете, и которая крепко-крепко ежедневно Бога за Вас молит. Вы не одни — не бойтесь жить, Господь услышит наши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. Не теряйте Вашу веру, чистую, детскую, оставайтесь таким же маленьким, когда и Вы большим будете. Тяжело и трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда за все страдания и мучения. Идите прямо Вашей дорогой, не глядите направо и налево и, если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимайтесь и снова идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. Помните жизнь и страдания Спасителя, и Ваша жизнь покажется Вам не так черна, как думали. Цель одна у нас, туда мы все стремимся, да поможем мы друг другу дорогу найти. Христос с Вами, не страшитесь. “Начало конца”, — Вы говорили. Да, маленький, но не совсем, душа будет всегда близко, не забудет Вас Ваш новый друг и всегда и везде будет за Вами следить и Вас молитвами охранять от всякого зла. Оставайтесь рыцарем, таким, каким Вы хотели быть.

Ш[еф]» (государыня императрица Александра Феодоровна была Шефом Крымского конного Ее Величества полка, в котором служил корнет С. В. Марков).

От государыни императрицы

Александры Феодоровны А. В. Сыроболярскому,

Царское Село, 28 мая 1917 года

«Все можно перенести, если Его (Бога. — М. К.) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь. Полезны тяжелые испытания: они готовят нас для другой жизни, в далекий путь. Собственные страдания легче нести, чем видеть горе других, не будучи в возможности им помочь. Очень много Евангелие и Библию читаю, так как надо готовиться к урокам с детьми, и это большое утешение — с ними потом читать все то, что именно составляет нашу духовную пищу. И каждый раз находишь новое и лучше понимаешь. У меня много таких хороших книг, всегда выписываю из них. Там никакой фальши. Вы когда-нибудь читали письма Иоанна Златоуста к диаконисе Олимпиаде? Я их теперь опять начала читать. Такая глубина в них! Наверное, Вам понравились бы. Мои хорошие книги мне очень помогают. Нахожу в них ответы на многое. Они силы дают, утешение и для уроков с детьми. Они много глубоко понимают — душа растет в скорби. Вы это сами знаете. Завтра в 12 часов молебен. Татьяне будет двадцать лет уже. Они здоровы все, слава Богу. Надо Бога вечно благодарить за все, что дал, а если и отнял, то, может быть, если без ропота все переносить, будет еще светлее. Всегда надо надеяться. Господь так велик, и надо только молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину. Стала она быстро, страшно рушиться в такое малое время. Но тогда, когда все кажется так плохо, что хуже не может быть, Он милость Свою покажет и спасет все. Как и что — это только одному Ему известно... Хотя тьма и мрак теперь, но солнце ярко светит в природе и дает надежду на что-то лучшее. Вы видите, мы веру не потеряли и надеемся никогда не потерять, она одна силы дает, крепость духа, чтобы все перенести. И за все надо благодарить, что могло бы быть гораздо хуже... Не правда ли? Пока живы и мы с нашими вместе — маленькая, крепко связанная семья. А они что хотели?.. Вот видите, как Господь велик. Мы и в саду бываем (т. е. на свободе). А вспомните тех, других, о Боже, как за них страдаем, что они переживают, невинные... Венец им будет от Господа. Перед ними хочется на коленях стоять, что за нас страдают, а мы помочь не можем, даже словом. Это тяжелее всего, больно за них, но и для них, я верю крепко, будет еще хорошее (мзда многая на небесах) и здесь еще. Но здоровье у них уже не то будет, а души у них растут, и Он им силы даст крест нести. Есть кому тяжело там без мамы, но вера спасет ее. Без слез не могу вспомнить. Но она знает (где бы она ни была), душа моя с ней, и те, кто меня истинно любит, должны это вспоминать, а то разлука была бы невыносимой. Но быть без известий так тягостно, так тяжело! Вы удивлены, что я так вдруг откровенно пишу но письмо не пойдет почтой, а нашего нового коменданта менее стесняюсь. Мы посещали его в Лианозовском лазарете, снимались

вместе, так что совсем другое чувство, и потом он настоящий военный. Хотя не завидую ему: очень уж ему трудно должно быть. Но Бог его наградит за каждую доброту, Вы видите, опять Бог помог. Все-таки чувствуем себя иначе, раз он наш начальник и цензор. Прежде он сам страдал. Голова немного устала, много сегодня другим писала, а скоро урок. Пора вставать. Да благословит и хранит Вас Господь Бог на всех путях и да даст Он Вам внутренний мир и тишину. Самый сердечный привет. Ваша сестра».

От государыни императрицы

Александры Феодоровны А. В. Сыроболярскому,

Царское Село, 29 мая 1917 года

«Настроение Ваше такое грустное, мрачное, безнадежный взгляд на все. Если бы виделись, может быть, могла бы немного помогать, облегчить и разъяснить, а на бумаге не умею, не знаю, как писать, не то выходит и кажется так пусто. Сильно хочется помочь и постараться мрак рассеять. Не надо так на все смотреть, не все потеряно, Господь спасет еще дорогую Родину, но терпеливо придется ждать (конечно, сложа руки — самое трудное), но это должно кончиться. Вы про историю говорите. Да, все это было раньше и будет опять, все повторяется, но иногда Господь Бог по иным путям народ спасает. В людей, Вы знаете, я почти не верю, но зато всем своим существом — в Бога, и все, что случится, не отнимет эту веру. Не понимаю, но знаю, что Он понимает и все к лучшему творит. Люди стали все хуже и хуже. Содом и Гоморра в столице, а на фронте?.. Мало лучше в городах, за это наказание, и много из таких уже пострадали. Все, которые [из хороших, но глупых и смешных] все ругали и осуждали, видят, какую кашу заварили, а теперь боятся, что крестьяне все у них отнимают, что кажется им несправедливо... потому что сильно больно. Для души это полезно. Те, кто в Бога крепко верует, тем это годится для (вот слова не могу найти) опыта совершенствования души, другим для опыта... Господь их наградит, верьте. Я знаю одного старика, который долго сидел, выпустили, опять сидит, и он стал светлым, глубоко верующим и любовь к г[осударю] и веру в Него и Бога не терял. Если награда не здесь, то там, в другом мире, и для этого мы и живем. Здесь все проходит, там — светлая вечность. О, верьте этому! Вы молоды, Вам трудно об этом думать, но раз в жизни пострадаете — найдете в этом утешение. Испытания всем нужны, но надо показать и твердость во всем и все перенести с крепкой верующей душой. Нет таких невзгод, которые бы не проходили. Господь наш это обещал в Своем бесконечном милосердии, и мы знаем, какое непостижимое блаженство Он готовит любящим Его. Помогите Он всем перенести с такой покорностью Его святую волю... “Не все на небе будет ночь, авось и солнышко проглянет”. Его

дорога оставлена, чтобы нам идти, путь тернистый, но Он его перед нами прошел — пусть и крест наш так же, как Он, понесем. Не умею писать, но молюсь горячо, да облегчит Он Вам Ваши страдания за других, да утешит и подкрепит Он Вас. Помните, как Ваш любимый отец все жестокости и несправедливости перенес... Да, иногда жизнь, здоровье не выносят, а дух — должен. Вы меня хорошо знаете и понимаете мое искреннее желание помочь Вам. Люди плохи, и Он наказывает, наказывает примером. Царство зла теперь на земле. Но Он выше всего, Он все может повернуть к лучшему. Увидим еще лучшие дни. Вы молоды, увидите еще другое, не будьте малодушным. У кого совесть чиста, тот и клевету, и несправедливость легче переносит, Не для себя мы живем, а для других, для Родины (так это и понимали). Больше, чем он [государь] делал, невозможно. Но раз сказали для общего блага... Но не верю, что Господь не вознаградит за это. А те, которые так гнусно поступили, им глаза будут открыты, у многих это уже и есть. Психология массы — страшная вещь. Наш народ уж очень некультурен — оттого, как стадо баранов, идут за волной. Но дать им понять, что обмануты, — все может пойти по иному пути. Способный народ, но серый, ничего не понимает. Раз плохие везде работают на гибель, пускай хорошие стараются спасти страну. Надо избавиться от врага внешнего — это первый долг, а с такими войсками стало безумно трудно, но не совсем безнадежно — есть патриоты настоящие, есть Бог. А мы в тылу должны молиться всеми слабыми силами — умолять Его спасти Родину. И Он услышит, умиласердится. Много еще перенести придется. Плохие не станут лучше, но зато есть где-то хорошие, но, конечно, слабые “капли в море”, как Вы их называете, но все вместе могут быть со временем потоком очищающей воды и смоют всю грязь.

Надо кончать. Всегда за Вас молюсь. Все шлют горячий привет. Храни Вас Бог. Всего-всего наилучшего, скорейшего выздоровления и душевного спокойствия. Старая сестра А.».

От государыни императрицы

Александры Феодоровны М. М. Сыробоярской,

Царское Село, 29 мая 1917 года

«Милая моя, сердечное Вам спасибо за длинное письмо от 22-го, которое вчера получили. Все глубоко меня трогает — Ваша любовь и вера. Спасибо, что меня не забываете. Ваши письма для меня — большая радость. Как Господь милостив, что дал нам познакомиться, теперь особенно ценна такая дружба. Имею известия от сына [А. В. Сыробоярский], не был здоров, простудился, лежал, но теперь, слава Богу, ему лучше. Бывал у общих знакомых, скоро будет у Вас. Поздравляю Вас с его новым чином, наконец получил, год спустя. Все

получаешь в свое время. Но теперь ему надо хорошее здоровье. Я утешала, что мы в переписке, он будет этому рад. Не бойтесь, что он веру потеряет, Бог услышит ваши молитвы и тех, других, которых он стал верным другом. Тучи черные, гроза, туман покрывают будущее, это бывает трудно без ропота выносить. Но и это пройдет. Солнце опять заблестит, а там впереди — яркое солнце, там все будет нам ясно, там — награда за все тяжелые переживания. Земная школа суровая, и впереди экзамен нас ждет, надо к этому каждому готовиться, трудные, сложные уроки изучить. Все и везде и во всем борьба, но внутри должны быть тишина и мир, тогда все переносить можно и почувствуешь Его близость. Не надо вспоминать огорчения (их столько!), а принять их, как полезное испытание для души, а если начнешь роптать, то теряешь почву под ногами и становишься таким мелким, самолюбивым. Есть самолюбие, которое надо иметь, но есть и другое, которое надо топтать под ногами, — это ложное. Что это я Вам все это говорю? Вы лучше меня знаете. Но надо во всем хорошее и полезное искать. Ведь в нашу пользу Он нас укоряет или попускает беды для испытания и укрепления души. Зло великое в нашем мире царствует теперь, но Господь выше этого, надо только терпеливо вынести тяжелое и не позволить худому брать верх в наших душах. Пускай зло помучает, потревожит, но душу ему не отдадим. Верим, глубоко верим, что награда там будет и, может быть, еще здесь... Видеть, знать о страданиях дорогих сердцу людей — вот это мука великая, и ее перенести спокойно ужасно трудно. Передаешь их мысленно в Его милосердные руки и знаешь, что души их не погибнут. Растут они, как цветы открываются, если умеют верить и молиться. Сам Спаситель перед глазами. Они с Ним крест несут... Боже, помоги им, умиласердствуй, спаси, утешь их. Сердце ноет, помочь нельзя... Вы спрашиваете, не утомляют ли меня уроки. Нет, милая. Хотя голова иногда побаливает, когда подряд три урока Закона Божия, но это ничего, так рада с детьми заниматься. И это мне помогает...

Нежно Вас целую, родная, перекрещаю. Господь с Вами. Молитвенно и мысленно с Вами. Сестра».

От государыни императрицы

Александры Феодоровны М. М. Сыробоярской,

Царское Село, 4 июня 1917 года

«Погода стоит очень хорошая. Каждый день маленький ветерок, который мне помогает жару переносить. Дети уже очень загорели, особенно Мария. Они все Вас целуют. Жизнь — та же самая, учатся каждый день, надо побольше догнать, так как зимой болели, и притом время скорее проходит. Они не могут, как раньше, быть целый день на балконе или в саду... так что он [государь] и

Алексей по утрам часок гуляют (маленький играет на острове). От двух до пяти — все, а он с девочками — от семи с половиной до восьми. Все-таки много на воздухе, и это им полезно всем, и физическая работа для государя необходима: с детства к этому привык. С покойным отцом вместе лес пилили и рубили, так он и теперь со своими людьми делает. Иногда, если хорошие солдаты, то помогают нести дрова. Теперь у него есть много времени читать, что последние годы редко удавалось. Он страшно историческую и военную литературу любит, но трудно после стольких лет быть без бумаг, телеграмм, писем... С покорностью, без ропота все переносит, его касающееся, но как за Родину страдает... за армию — это Вы и Александр Владимирович (Сыро-боярский. — М.К.) сами понимаете. Невыносимо тяжело видеть эту быструю разруху во всем... обидно, больно — вся работа пропала. Один Господь может еще любимую Родину спасти, и я не теряю эту надежду, хотя много еще тяжелого придется перенести. Есть хорошие люди (хотя их мало). У меня вообще давно мало доверия к людям, слишком много зла видела в своей жизни, но я Богу верю, и это главное, Ему все возможно.

Ну, пора кончать. Храни Вас Бог. Крепко целую. Сестра».

Конечно, никто из царской семьи не был бесчувственным, тупым фаталистом. Когда разразилась беда, были и скорбь, и горе, и рыдания. Но Бог явил утешение: самого тяжкого для семейства — разлуки Он не допустил.

«Если в доме горе, оно сближает домочадцев. Оно делает всех более терпеливыми друг к другу, более добрыми, заботливыми, стойкими. Испытания нам посылаются не для того, чтобы нас погубить. Мы должны стать настоящими людьми. Бог хочет, чтобы мы очистились от всякого зла и стали подобными Ему. Часто, чтобы сделать это, Он подвергает нас горьким испытаниям» (императрица Александра Феодоровна).

М. К. Дитерихс: «Вся семья жила в большой дружбе между собой и находила внутри себя любовь и твердость переживать и с терпением и кротостью переносить наступившие для нее дни тяжелого угнетения и унижения, а порой и оскорбления. По свидетельству приближенных, старшие великие княжны... сознательно и мужественно относились к постигшей их родителей перемене и преданной любовью и поразительной заботливостью старались им облегчить горечь обид и унижений, выпавших на их долю во время заточения».

В этих тяжелых условиях родители пожинали благодатные плоды своего доброго воспитания. Они научили детей заботиться не только о близких, но и не терять любви ко всем людям, от сердца прощая обидчиков. Отвлечемся на миг,

обращаясь к нынешним родителям: не упускайте мелочей! Не бейте в наказание стол, если малыш ударился об него, никогда не произносите при ребенке недоброе суждение о человеке, который имел несчастье вам не понравиться, не позволяйте сыну или дочери быть ябедой. Не бойтесь, что ваш ребенок вырастет размазней, не способным постоять за себя, ибо доброта — это великая сила. И когда маленький царевич Алексей, выздоравливая, невзирая на хромоту ходил с сестрами в госпиталь утешать раненых, когда он торговал с матерью поделками в благотворительных целях, уже тогда закладывались в нем те огромные терпение и смирение, что помогли ему вынести унижение и горечь заключения. То же можно сказать и о его сестрах — великие княжны всегда прежде думали о других, а не о себе.

Утешение

В заключении родители подбадривали детей самыми простыми житейскими способами: играли с ними, с интересом смотрели их домашние сценические постановки. Государь Николай после ареста в Царском Селе взял за правило читать каждый вечер семье и свите легкую беллетристику (Дюма, Конана Доила), чтобы успокоить их и отвлечь от тяжелых событий дня.

Но все же главным утешением святого семейства была православная вера. Из дневниковых записей императрицы мы узнаем, что в Сибири великая княжна Татьяна читала вслух духовную литературу. Остались немые свидетели нелегкой жизни семьи в заточении — вещи, сохранившиеся в доме Ипатьева после убийства царственных мучеников. Об этом подробно писал М. К. Дитерихс в книге, посвященной расследованию этого зверского преступления:

«Брошенными валялись пузырьки и флакончики со святой водой и миром, вывезенные, как значилось по надписям на них, еще из Ливадии, Царского Села и костромских монастырей; разбросанными, изломанными и разломанными валялись повсюду шкатулки, узорные коробки, рабочие ящички для рукоделий, дорожные сумки, саквояжи, сундучки, чемоданы, корзины и ящики и вокруг них вывороченные оттуда вещи, предметы домашнего обихода и туалета. Но... ничего ценного в смысле рыночной ценности и, наоборот, почти все только ценное и необходимое для бывших обитателей этого дома.

В спальне бывшего государя императора и государыни императрицы валялся на полу «Молитвослов», с юношеского возраста не покидавшийся императором, с тисненным на обложке сложным вензелем из двух монограмм: “Н. А.” и “А. Ф.” и датой на оборотной стороне книжечки — “6 мая, 1883 г.”; вблизи «Молитвослова» брошена разломанная двойная рамка, где у государя были всегда портреты государыни невестой и наследника цесаревича, а от самих

портретов валялись лишь порванные, совершенно обгоревшие кусочки.

Неподалеку лежали неразлучные спутницы государыни императрицы — книги “Лествица”, “О терпении скорби” и Библия — все с инициалами “А. Ф.” и датами “1906 год” и с повседневными пометками в текстах и на полях, сделанными рукой ее величества; тут же валялись и остатки ее любимых цветов; тут же и необходимая для наследника цесаревича, болевшего с апреля, машинка для электризации и его лекарства, его игрушки, его доска, которую клали ему на постель для игры на ней и занятий. И флаконы с одеколоном и туалетной водой, туалетные стаканчики, мыльницы, скляночки и коробочки от разных лекарств и масса пепла от обгорелых чулок, подвязок, материй, бумаги, карточек, шкатулочек, коробочек от различных рукоделий, иконок и образков.

Этого пепла и обгорелых вещей домашнего обихода и туалетного характера было еще больше в следующей комнате, служившей спальней для великих княжон. Сразу получалось впечатление, что все служившее раньше для туалета, что составляло одежду, белье, работу, рукоделие, развлечение, что хранилось дорогой памятью о близких людях и друзьях, — все было собрано в беспорядке, в спешке, скомкано, сломано, порвано и сожжено в двух печах, находившихся в этой комнате. Срезанные же во время болезни волосы великих княжон валялись перепутанные в мусоре в передней, близ комнаты Янкеля Юровского, а некоторые порванные письма к ним, фотографии и карточки, им принадлежавшие, оказались засунутыми за шкаф в одной из комнат нижнего этажа, где жили палачи внутренней охраны.

Не видно было лишь одного — кроватей в комнате великих княжон... Они жили в этой комнате без кроватей и не имели матрацев...

Совершенно отдельно стоял раскрытый тяжелый ящик — сундук с частью книг, принадлежавших августейшим детям; в ящике рылись, большую часть книг разбросали тут же, вокруг него. Книги исключительно русские, английские и французские; ни одной на немецком языке. Книги определенного выбора: сочинения для религиозного, нравственного воспитания и произведения лучших русских классиков. Книги определенных владельцев; в них собственноручные их высочеств пометки, закладки домашней работы, засушенные цветы и листочки. Почти на всех — посвящения или просто пометки от отца или матери или обоих вместе: “Елка. 1911 г. 24 декабря, Царское Село, от папа и мама, Ольге”; “В. К. Ольге, мама, Тобольск, 1917 г.”; “Моей маленькой Татьяне от мама. 9 февраля, 1912 г. Царское Село”; “Дорогой Татьяне от папа и мама. Янв. 1908”; “М. Н. Елка. 1913”; “Тетрадь для французского. Алексис”» и т. д.

Из одной английской книжки великой княжны

Ольги Николаевны высунулись два листочка почтовой бумажки, на которых рукой ее высочества записаны стихотворения, сочиненные в Тобольске или государыней императрицей, или графиней Анастасией Васильевной Гендриковой (стихи были написаны поэтом Сергеем Бехтеевым и пересланы им царственным узникам. — М. К.). На одном листке:

Перед иконой Богоматери

Царица неба и земли,
Скорбящих утешение,
Молитве грешников внимли.
В Тебе надежда и спасение.
Погрызли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока...
Но... наша Родина... О, к ней
Склони всевидящее око.
Святая Русь, твой светлый дом
Почти что погибает.
К Тебе, Заступница, зовем
Иной никто из нас не знает.
О, не оставь своих детей,
Скорбящих упование,
Не отврати своих очей
От наших скорби и страдания.

На другом листке:

Молитва

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленье,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог Всесильный,

Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кратко за врагов.

Осознавали ли царственные мученики угрожающую им смертельную опасность? Известен эпизод, подробно описанный в той же книге Дитерихса: «...14 июля (1918 года, за три дня до убийства царской семьи. — М. К.) священник о. Сторожев с диаконом Василием Буймировым совершал обедню для всей собравшейся в зале царской семьи; бедный наследник цесаревич Алексей Николаевич страдал своей наследственной болезнью и сидел в кресле. Тут же присутствовали тогда доктор Боткин, девушка Демидова, повар Харитонов, камердинер Трупп и мальчик Седнев; поодаль, у окна, стоял комиссар Янкель Юровский и не спускал глаз с молившихся впереди русских христианских людей.

Все члены царской семьи имели вид утомленный и против обыкновения никто из них не пел во время службы, как было на предшествовавших пяти службах до появления в доме Янкеля Юровского. А когда во время этой службы 14 июля по чину обедни отец диакон вместо того, чтобы прочесть, по ошибке запел “со святыми упокой”, все члены семьи бывшего императора Николая II опустили на колени.

“Знаете, отец протоиерей, — сказал диакон Буймиров, выйдя из дома. — У них там что-то случилось: они все какие-то другие точно, да и не поет никто”».

В книге Е. Е. Алферьева «Император Николай II как человек сильной воли» задан тот же вопрос: сознавала ли царская семья, что всем им грозит смерть? «Да, их величества и две старшие великие княжны, несомненно, не только сознавали приближение конца, но и готовились к нему. Жизнерадостная великая княжна Мария Николаевна, хотя и в меньшей степени, но все же ясно понимала положение. Великая княжна Анастасия Николаевна и наследник цесаревич Алексей Николаевич были еще слишком юными, чтобы задумываться над своей участью, но и они не закрывали глаза на действительность, как это видно из случайно вырвавшихся как-то у наследника слов: “Если будут убивать, то только бы не мучили”».

В доме Ипатьева среди оставшихся вещей судебными властями было найдено много книг духовного содержания. Четыре из них принадлежали

императрице и пятнадцать — великой княжне Татьяне Николаевне. Естественно предположить, что читались они всеми членами августейшей семьи, причем особенно примечательно то, что они не расставались с ними не только в Тобольске, но захватили их даже в Екатеринбург и берегли до самого конца. В них имеются многочисленные подчеркнутые и отчеркнутые места, наиболее привлекавшие внимание читавших и наиболее близкие их душевному настроению, ярко свидетельствующие о духовном подвиге царственных мучеников. Епископ Мефодий, внимательно ознакомившийся с этими книгами, со сделанными в них пометками, пишет: «Эти места не только говорят о духовном состоянии августейшей семьи, о их крепкой, глубокой вере, смирении, всепрощении и духовной бодрости, но и являются как бы их духовным завещанием и наставлением. Да будут же слова, подчеркнутые ими и кровью их засвидетельствованные, нам на духовную пользу и вразумление».

Ниже приводится краткая выписка слов, особо отмеченных в одной из книг великой княжны Татьяны Николаевны, которые лучше всего показывают нам, какому примеру следовала царская семья в эти страшные предсмертные дни: «Верующие в господу Иисуса Христа шли на смерть как на праздник... становясь перед неизбежною смертью, сохраняли то же самое дивное спокойствие духа, которое не оставляло их ни на минуту... Они шли спокойно навстречу смерти, потому что надеялись вступить в иную, духовную жизнь, открывающуюся для человека за гробом».

Как же созвучны эти слова, читанные царственными мучениками накануне своей святой кончины, тому, что записала потом о них самих преданная С. Я. Офросимова: «Так же как и в дни своего величия, они разливали вокруг себя свет и любовь, всем находили они ласковое слово и не забыли тех, к кому были привязаны и кто им остался верен. Даже в заточении находили они свои радости и облегчали муки безграничной любовью друг к другу. Вера в Бога и в торжество добра, любовь к Родине, всепрощение и любовь ко всему миру Божию не меркли, но росли в их сердцах в ужасные дни испытаний. Они умерли в радости, как могут умереть только истинные христиане-мученики».

Великая княжна Ольга Николаевна передала в письме из Тобольска святыне пророческие слова своего отца, последнего русского императора, которые являются завещанием всей России на все века и могут стать девизом для каждого из нас:

«Отец просил передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, чтобы не мстили за себя и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь».

Не зло победит зло, а только любовь — этими словами и завершим мы рассказ о святом семействе, подобного которому не найдем в мировой истории. Святые царственные мученики, молитесь Бога о нас!